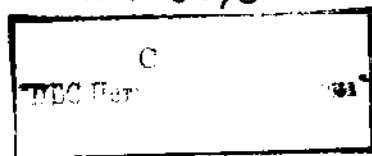

А. Н. ВАНЕЕВ

БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ
В РОССИИ КОНЦА XX ВЕКА
Общетеоретические концепции и дискуссии

129199/3

Санкт-Петербург

издательство
ПРОФЕССИЯ

2007

УДК 024
ББК 78.38
В 17

В 17 Ванеев А. Н. Библиотекведение в России конца XX века: учеб. пособие / А. Н. Ванеев. — СПб. : Профессия, 2007. — 248 с.

Пособие продолжает серию работ автора, посвященных истории отечественного библиотековедения: «Развитие библиотековедческой мысли в России (XI — начало XX века)» и «Развитие библиотековедческой мысли в СССР». Ее целью является анализ развития отечественной библиотековедческой мысли, формирования и эволюции взглядов отечественных библиотековедов по общетеоретическим и методологическим проблемам библиотековедения как науки конца XX в. (1978–2000 гг.).

Пособие предназначено для студентов, аспирантов и преподавателей вузов культуры, а также для широкого круга научных сотрудников библиотек, занимающихся проблемами развития библиотечной науки.

ISBN 978-5-93913-135-3

© Издательство «Профессия», 2007
© А. И. Ванеев, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА.	5
ГЛАВА 1. Библиотекведение в СССР в 1978–1985 гг. .	7
Введение	7
1.1. Сущность библиотекведения, его объект и предмет	8
1.2. Структура библиотекведения .	20
1.3. Место библиотекведения в системе наук.	27
1.4. Разработка учения о библиотеке и ее социальных функциях.	36
1.5. Проблемы теории руководства чтением	43
1.6. Разработка учения о библиотечном деле.	50
1.7. Проблемы типологии и терминологии в библиотекведении.	54
1.8. Методологические проблемы библиотекведения	64
1.9. Проблемы истории библиотечной науки	68
ГЛАВА 2. Библиотекведение в годы перестройки (1986–1991 гг.)	70
Введение	70
2.1. Статус библиотекведения как науки, его объект, предмет и структура	72
2.2. Место библиотекведения в системе наук и его взаимосвязи с другими научными дисциплинами .	80
2.3. Идеино-теоретические основы советского библиотекведения	86
2.4. Проблемы теории руководства чтением	94
2.5. Разработка учения о библиотеке и ее социальных функциях.	102
2.6. Разработка учения о библиотечном деле.	109
2.7. Проблемы типологии и терминологии в библиотекведении.	114
2.8. Методологические проблемы библиотекведения	123
2.9. Проблемы истории библиотечной науки	126
ГЛАВА 3. Библиотекведение в Российской Федерации (1992–2000 гг.)	130
Введение	130
3.1. Сущность библиотекведения как науки, его объект, предмет и структура	132
3.2. Статус библиотекведения и его взаимосвязи с другими науками	145
3.3. Философские, методологические и терминологические проблемы библиотекведения	160

3.4. Проблемы библиотечной идеологии	172
3.5. Учение о библиотеке, ее миссии и социальных функциях.	181
3.6. Разработка учения о библиотечном деле.	195
3.7. Проблемы истории библиотечной науки	205
Заключение	213
Список использованных источников	215
Именной указатель	243
Предметный указатель	246

ОТ АВТОРА

Монография продолжает серию работ автора, посвященных истории отечественного библиотековедения: «Развитие библиотековедческой мысли в России (XI — начало XX века)» (М.: Пашков дом, 2003) и «Развитие библиотековедческой мысли в СССР» (М.: Книга, 1980). Ее целью является анализ развития отечественной библиотековедческой мысли, формирования и эволюции взглядов отечественных библиотековедов по общетеоретическим и методологическим проблемам библиотековедения как науки конца XX в. (1978–2000 гг.). К ним относятся: сущность, статус, объект и предмет библиотековедения; его структура; основополагающие принципы; соотношение библиотековедения с другими научными дисциплинами и его место в системе наук; общетеоретические концепции библиотековедения (учение о библиотеке, о библиотечном деле, теория руководства чтением); проблемы методологии, типологии, терминологии и истории библиотечной науки, т. е. все то, что обозначается обобщающим понятием «общее библиотековедение».

В книге не ставится задача рассмотреть теоретические взгляды по всем вопросам библиотечной теории и практики или дать характеристику вклада отдельных библиотековедов в развитие библиотечной науки. И то и другое является предметом специальных исследований. Отдельные высказывания отечественных библиотековедов по вопросам практической деятельности библиотек используются лишь для доказательства применимости общих теоретических положений к различным сторонам библиотечной работы.

Первая глава посвящена развитию советского библиотековедения в 1978–1985 гг. Начальная дата — 1978 г. — обусловлена тем, что в монографии «Развитие библиотековедческой мысли в СССР» отбор рассматриваемых источников заканчивался в основном 1977 г. Конечная дата — 1985 г. — год начала процессов демократизации во всех сферах общественной жизни, в том числе и в библиотечном деле. Однако теоретическое осмысление проблем перестройки деятельности библиотек, как показал анализ работ 1985 г., еще не получило заметного развития. По существу, публикации 1985 г. не открывали нового этапа в развитии отечественного библиотековедения, а завершали период конца 1970 — начала 1980-х гг.

Именно поэтому вторая глава «Библиотекведение в годы перестройки (1986–1991 гг.)», посвященная анализу различных, зачастую диаметрально противоположных, взглядов на состояние и перспективы развития отечественного библиотековедения, начинается не с 1985, а с 1986 года.

В третьей главе (1992–2000 гг.) рассмотрены проблемы, возникшие в связи с распадом СССР и приведшие к отказу от понятия «советское библиотековедение» и замене его новым понятием «российское библиотековедение». Отказ от идеологических постулатов советского периода акцентировал в последнее десятилетие XX в. внимание отечественных библиотековедов на поиске новых теоретических обоснований отечественной библиотечной науки. Она получила новый импульс для своего развития.

Справочный аппарат книги включает списки использованных источников (по главам), предметный и именной указатели.

Библиотекведение в СССР в 1978–1985 гг.

Введение

Для развития советского библиотековедения конца 1970–1980-х гг. был характерен науковедческий подход, т. е. обостренное внимание к общетеоретическим и методологическим проблемам, к разработке его теоретических, исторических и методологических основ, что, в свою очередь, способствовало ускорению темпов развития библиотековедения, обогащению его научного потенциала, укреплению интеграции с другими науками, значительному расширению арсенала исследовательских методов.

Свидетельством внимания к общетеоретическим проблемам явились активные дискуссии на страницах библиотечной печати об объекте и предмете библиотековедения, о принципах и подходах к его дифференциации, о месте библиотековедения в системе наук, по проблемам типологии в библиотечной науке и др. И хотя не по всем вопросам было достигнуто единство взглядов, сам факт дискуссий показывает углубление интереса библиотечной науки к разработке своих теоретических основ, к самопознанию. Библиотековедение все более обогащалось общетеоретическими представлениями и выводами, что, в свою очередь, повышало теоретический уровень прикладных исследований.

В эти годы советское библиотековедение оставалось во многом общественной наукой, на развитие которой решающее воздействие оказали постановления ЦК КПСС «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе» (1974) и «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-просветительной работы» (1979), которые обязывали советских библиотековедов сосредотачивать внимание на совершенствовании идеологической работы библиотек, направленной на решение задач коммунистического воспитания. В решении этих задач советское библиотековедение опиралось на марксистско-ленинскую идеологию, на основополагающий принцип коммунистической партийности.

1.1. Сущность библиотековедения, его объект и предмет

К концу 1970-х гг. в отечественном библиотековедении прочно утвердился взгляд, что по своему характеру, целям, проблематике и методам исследования библиотековедение развивается как общественная наука. Это принципиальное положение было закреплено ГОСТом 7.26–80 «Библиотечное дело. Основные термины и определения», где библиотековедение определено как общественная наука, разрабатывающая теоретические основы общественного пользования произведениями печати и другими документами [10].

В библиотековедческой литературе тех лет встречались и другие определения библиотековедения. Например, И. М. Фрумин определял его как науку о системе библиотек страны, обеспечивающей формирование, хранение и всеобщее использование национального фонда произведений печати [9]. А. Н. Хропач считал, что библиотековедение — это наука о законах развития общественного чтения и пользования библиотеками, о закономерностях возникновения и развития библиотечного дела в конкретных социально-экономических условиях. Задачи библиотековедения состоят в исследовании тенденций развития библиотечного дела как социального явления, связанного с использованием библиотек в общественных интересах, его социальных функций, истории, теории, методики и практики. Самостоятельной наукой библиотековедение становится благодаря нали-

цию собственной теории. Ею является теория организации массового пользования общественными книжными фондами и управления процессом чтения в библиотеках в соответствии с задачами общества [97].

И. П. Осипова определяла библиотековедение как научную дисциплину, изучающую цели, принципы, содержание и формы общественного пользования произведениями печати. Задача библиотековедения — развитие теории библиотечного дела, анализ его закономерностей как социального явления, связанных с использованием библиотек в помощь социальному, экономическому, культурному прогрессу [37, с. 69].

Однако эти уточнения и разночтения не меняли, по существу, определения библиотековедения как общественной науки. Г. К. Кузьмин подчеркивал, что советское библиотековедение удовлетворяет многим критериям организационной зрелости науки: общепринятое наименование дисциплины, создание специальных исследовательских учреждений и периодических органов научных публикаций, специальное образование и высшая аттестация научных и педагогических кадров, дифференциация на ряд частных дисциплин и направлений, развитие национальной научной школы, международное сотрудничество в данной области и т. д. [11, с. 9].

В дополнениях А. Н. Ванеева к учебному пособию О. С. Чубарьяна «Библиотековедение: проблемы теории» указывалось, что библиотековедение изучает библиотечное дело с теоретической, исторической, организационной и методической сторон [102, с. 6–7].

В теоретическом плане библиотековедение изучает закономерности и принципы функционирования библиотек и библиотечных систем; социальную роль, функции, задачи и содержание их деятельности; место библиотековедения в системе наук и его взаимосвязи с другими науками; проблемы типологии, терминологии, методологии и методики библиотечных исследований. Библиотековедение дает систему идей, дающих целостное представление о библиотечном деле и его закономерностях и представляющих в совокупности научно-методологическую базу для анализа, оценки и обобщения явлений и процессов библиотечной практики в целях ее совершенствования.

В историческом плане библиотековедение изучает закономерности возникновения, развития и совершенствования библиотек и биб-

лиотечных систем; эволюцию библиотековедческих идей и взглядов; прогрессивные и демократические тенденции в библиотечном деле. Критическое освоение опыта, накопленного в области библиотечного строительства, помогает библиотековедению раскрыть основные закономерности библиотечной теории и практики современного этапа, прогнозировать их развитие.

В организационном плане библиотековедение научно обосновывает рациональную систему функционирования библиотечного дела в стране, разрабатывает организационные принципы отечественной библиотечной системы, пути и средства научной организации труда и управления в области библиотечного дела. Организационные проблемы библиотековедение разрабатывает как по отношению к библиотекам и библиотечным системам в целом, так и к отдельным направлениям библиотечной работы.

В *методическом плане* библиотековедение разрабатывает методы, способы, приемы, которые применяются в библиотечном деле, изучает их эффективность, содействует внедрению передовых методов и приемов в библиотечную практику. В условиях библиотечного дела, с его сложной и разнообразной системой процессов и операций, методика разрабатывается применительно к различным направлениям библиотечной деятельности.

В центре активных дискуссий в библиотековедческой литературе этого периода оставался вопрос об объекте и предмете библиотековедения. Такое внимание к этой проблеме В. Р. Фирсов объяснял желанием отечественного библиотековедения «оценить свою зрелость с позиции своего времени, соотнести наличное состояние науки с требованиями современного наукознания» [43, с. 30].

В ряде публикаций тех лет подчеркивалась недопустимость смешения понятий «объект» и «предмет» библиотековедения, отмечалось, что «объект» — понятие более широкое, чем «предмет», который в каждом отдельном случае характеризует определенную специфическую сторону объекта [26, 100], что именно различием предмета изучения одних и тех же объектов можно объяснить, например, разницу понятий «потребитель информации» и «читатель», «библиотечный фонд» и «справочно-информационный фонд», «библиотека» и «орган информации», «библиотечный каталог» и «справочно-поисковый аппарат», каждое из которых имеет право на самостоятельное существование и употребление [75].

В дискуссии высказывались различные точки зрения на объект, предмет и задачи библиотекведения. Обобщение этих высказываний позволяет выявить несколько подходов к рассмотрению этой проблемы.

Один из них исходил из того, что объектом библиотекведения является библиотечное дело. К. И. Абрамов, который придерживался этой точки зрения, полагал, что предметом библиотекведения является изучение законов, закономерностей, функций, структуры, методики и динамики библиотечной деятельности, взаимосвязей библиотечного дела с другими науками и видами практической деятельности [90, с. 53]. Объектом библиотекведения считал библиотечное дело как социальное явление и А. Н. Хропач. Предмет библиотекведения, по его мнению, — закономерности возникновения и совершенствования библиотечного дела [97].

Более обстоятельно эту точку зрения обосновывал Г. К. Кузьмин. Он полагал, что «генеральным объектом социалистического библиотекведения следует считать библиотечное дело всех стран и времен, взятое как органичная подсистема общества во взаимосвязи всех существенных аспектов, от философских до технических» [11, с. 12]. В этот объект, наряду с библиотеками как «основным элементом», он включал библиотечные коллекторы, учебные заведения, подсистему материально-технического снабжения библиотек, сеть библиотек на общественных началах и «личные библиотеки общественного значения»

Г. К. Кузьмин подчеркивал, что этот объект нельзя ограничивать отдельными элементами (библиотека, книга, читатель, библиотекарь, фонды). Библиотекведение призвано комплексно изучать все многообразие явлений в библиотечной сфере; библиотечное дело как целое, во всех его аспектах, во всех территориальных и хронологических параметрах, во взаимодействии его элементов и функций, все его связи и опосредования; библиотечное дело как многофакторную подсистему общества.

Он выделял «частные» объекты как элементы «генерального» объекта. К ним он относил библиотечное дело конкретных социально-политических систем, регионов, стран; отдельные библиотечные типы и библиотеки, фонды, каталоги, персонал, потребителей; материально-техническую базу, бибколлекторы, системы подготовки библиотечных кадров, органы управления и др. Выделение наряду с

генеральным частных объектов ведет, по его мнению, к дифференциации библиотековедения на множество дисциплин, а рассмотрение генерального объекта как системного — к «интеграционным установкам предмета». Однако это понятие («интеграционные установки») Г. К. Кузьминым никак не раскрывалось.

Предмет социалистического библиотековедения Г. К. Кузьмин определял как «комплексное междисциплинарное изучение закономерностей библиотечного дела на основе диалектико-материалистической методологии и марксистско-ленинской идеологии с помощью специфической системы методов для оптимального управления, совершенствования и достоверного прогнозирования в библиотечной области [11, с. 13].

Следует заметить, что до Г. К. Кузьмина при определении объекта и предмета библиотековедения хотя и относили их иногда к советскому библиотековедению, но под этим понималось не столько идеологическое отличие от определения библиотековедения вообще («мирового» библиотековедения), сколько констатация научных достижений библиотековедов нашей страны в этой области. Г. К. Кузьмин впервые резко отделил предмет социалистического библиотековедения.

Сторонники другого подхода исходили из представления, что объектом библиотековедения является библиотека. Эту позицию обосновывали Ю. Н. Столяров, В. Р. Фирсов, И. М. Фрумин, Н. С. Карташов, Т. Ф. Каратыгина, Е. И. Ратникова и другие библиотековеды.

Так, В. Р. Фирсов обосновывал такой подход тем, что свойство библиотеки быть институтом социализации предопределяет целостность библиотеки как общественного института, является интегрирующим началом. Рассматривая различные трактовки понятия «библиотека» — библиотека как учреждение, библиотека как система, библиотека как социальный институт, В. Р. Фирсов определял объектом библиотковедения библиотеку как социальный институт. Он подчеркивал, что понимание библиотеки как социального института, рассматриваемого в качестве объекта библиотековедения, включает все ее возможные связи с обществом. Исходя из этого, он считал, что предметом библиотековедения является функционирование, развитие и структура библиотек в зависимости от выполнения ими своих общественных функций путем организации общественного использования произведений печати [38, с. 7–14; 43, с. 21–36].

Наиболее обстоятельно обосновал этот подход Ю. Н. Столяров [78, 80]. Он полагал, что объектом библиотечной науки является библиотека, которую библиотековедение исследует как систему со всеми элементами, связями и опосредованиями. Представление библиотеки как системы вносит в библиотековедение качественно новое знание, которое не может быть получено вне системного подхода. Основная задача теоретического рассмотрения библиотеки как центральной категории библиотековедения заключается в том, чтобы обнаружить на общетеоретическом уровне простейшие исходные элементы, из которых складывается библиотека как объективная реальность, как социальный институт, а также их функции и связи на основе использования структурно-функционального подхода. Ю. Н. Столяров справедливо полагал, что кардинальные вопросы о сходстве и различиях между библиотековедением, информатикой, книговедением, библиографоведением и другими науками были бы решены, если бы имелось четкое представление о том, что, в сущности, представляет собой библиотека.

Ю. Н. Столяров представлял библиотеку как систему, состоящую из четырех взаимосвязанных обязательных элементов: документ, абонент, библиотекарь, материально-техническая база. Он подчеркивал, что «каждый элемент системы „библиотека“ принадлежит ей лишь частью своих сторон и свойств, а вся совокупность связей и опосредований каждого элемента в отдельности представляет собой, на этом уровне рассмотрения, не менее значимый самостоятельный объект изучения других наук. Различные сочетания элементов порождают разные предметы исследования. А отсюда и разные науки, которые им посвящены. Предмет библиотековедения составляют названные элементы в их взаимосвязи и взаимообусловленности» [80, 9]. Ю. Н. Столяров отмечал, что предмет библиотековедения есть то, что иное, как теоретическое воспроизведение его объекта [90].

Теоретическая концепция Ю. Н. Столярова подвергалась и критике. Так, Е. И. Ратникова, соглашаясь с тем, что объектом библиотековедения является библиотека, поскольку она выражает родообразующую, сущностную сторону общественного пользования книгами как социального явления, полагала, что в теоретической модели библиотеки как объекта библиотековедения следовало отразить не только ее структурные, но и функциональные элементы, принципы управления и т. д. [90].

В. Р. Фирсов также отмечал, что при расчленении понятия «библиотека» на составляющие элементы неясен сам принцип и границы расчленения. Поэтому можно выделять различное количество элементов, соблюдая при этом лишь однопорядковость элементов [43, с. 32].

Возможность такого подхода и продемонстрировал А. В. Соколов, выделив в объекте «библиотека» семь взаимосвязанных элементов: создатели документов; документы, их потоки и фонды; потребители информации; службы, обеспечивающие коммуникацию; специальные средства и методы, созданные или адаптированные коммуникативными средствами для решения стоящих перед ними задач; кадры, обслуживающий персонал. Справедливости ради следует указать: А. В. Соколов отмечал, что сторонники других точек зрения не отрицают перечисленных элементов, но не рассматривают их составными частями библиотеки как системного объекта [65, с. 10–46].

Таким образом, по представлению А. В. Соколова, объект библиотековедения — система документной коммуникации общества. Библиотековедение изучает не всю эту систему в целом, а лишь библиотечный ее аспект, заданный в виде принципа отграничения. Предмет библиотековедения заключается в изучении закономерностей развития системы документной коммуникации в зависимости от общественного пользования произведениями письменности и печати.

Еще один подход к определению объекта библиотековедения выявился при обсуждении этой проблемы на расширенном заседании кафедры библиотековедения Ленинградского государственного института культуры (ЛГИК). Большинство участников дискуссии полагали, что объектом библиотековедения является коммуникативная система «книга — библиотека — читатель». В этой системе именно библиотека является центром, сопрягающим эти элементы в сложную и динамическую систему с неполным совпадением их взаимосвязей, так как не все стороны общественного распространения произведений печати, пользования ими, а также читательской деятельности связаны с библиотекой. Библиотека в системе общественных отношений не выступает замкнутым, изолированным учреждением. Она является важным и необходимым элементом системы «книга — библиотека — читатель». Именно эту реально и объективно существующую систему и целесообразно рассматривать в качестве объекта библиотечной науки [5].

Однако и эта точка зрения подвергалась критике. Так, В. Р. Фирсов критиковал это определение, поскольку понятие «библиотека» в нем не равнопорядковое, а более высокого порядка [43, с. 32]. Возражал против рассмотрения объекта библиотековедения в виде «формально-коммуникационной схемы» (книга — библиотека — читатель), и А. В. Соколов, поскольку в этой схеме задача руководства чтением подменяется посреднической функцией, а библиотекарь превращается в «выдавальщика книг» [54, с. 27–41].

Сторонники определения объекта библиотековедения в виде «библиотеки как системы» по-разному формулировали его предмет. Некоторые из них ставили знак равенства между предметом и задачами библиотечной науки. Так, Т. Ф. Каратыгина считала предметом библиотековедения закономерности развития библиотеками процессов общественного пользования книгами, или закономерности развития библиотеками процессов собирания, организации и пропаганды документов [90, с. 58].

И. С. Карташов полагал, что предметом библиотековедения являются закономерности, принципы формирования, развития, функционирования библиотек. Библиотековедение изучает как внутренние отношения и сложные переплетения, присущие библиотечному делу, так и внешние — выход библиотечного дела в более широкие социальные системы. Он считал важным четкое разграничение объекта и предмета и однозначное их толкование, что помогает выявить конкретные стороны, свойства элементов в системном объекте, изучаемом библиотековедением, раскрыть его специфические черты и междисциплинарные связи. И. С. Карташов подчеркивал важность для формирования предмета библиотековедения принципа отграничения, что позволит выяснить, какие стороны системного объекта изучаются библиотековедением, а какие — нет [90, с. 60–64].

А. Я. Черняк отмечал, что предмет — есть аспект изучения объекта — задачи — цель, которой хотят достичь исследователи. Анализируя и обобщая взаимодействия между элементами системы «книга — библиотекарь — читатель», можно установить закономерности библиотечного процесса. При этом библиотековедение призвано исследовать взаимодействия не только в системе «книга — библиотекарь — читатель», но и системы в целом с внешней средой [100]. Отсюда можно сделать логический вывод о том, что предметом библиотековедения является исследование взаимодействия элементов систем-

ного объекта как между собой, так и с внешней средой в целях определения закономерностей библиотечного дела. Однако А. Я. Черняк утверждал, что предметом библиотековедения являются «закономерности процесса общественного пользования книгой», т. е. по существу ставил знак равенства между предметом библиотековедения и его задачами.

На неправомочность такого подхода указывалось в дискуссии о предмете и объекте библиотековедения на факультете повышения квалификации Московского государственного института культуры (МГИК), где в выступлениях Ю. Н. Столярова и Э. К. Беспаловой подчеркивалось, что включать понятие «закономерность» в определение предмета библиотековедения нелогично [26].

Разделяли предмет и задачи библиотековедения и другие библиотековеды. Так, В. Р. Фирсов считал, что более правомерно относить изучение закономерностей к задачам библиотековедения, а не к его предмету. Основная задача библиотековедения — «изучение закономерностей функционирования, развития и структуры библиотек, рассматриваемых в качестве социального института» [43, с. 34].

И. М. Фрумин в качестве предмета библиотековедения рассматривал систему библиотек страны. Задачи библиотековедения он видел в создании общей концепции библиотековедения; изучении роли и функций системы библиотек в соответствии с потребностями народного хозяйства, науки, культуры; обосновании путей совершенствования библиотечного обслуживания [90, с. 56–57].

Отделял от предмета библиотековедения его цели и задачи и Ю. Н. Столяров. Задачу библиотечной науки он видел в выявлении закономерностей структурирования, функционирования, целесообразности и способов существования библиотеки как одного из социальных институтов. Цель библиотековедения — теоретическое воспроизведение библиотеки во всех связях и опосредованиях для прогнозирования деятельности библиотек и научного управления ими [90, с. 55–56].

Библиотековеды, отмечая, что основные закономерности развития культуры являются одновременно и закономерностями развития библиотечного дела, стремились обосновать и его специфические закономерности. Была предпринята попытка показать, как общие закономерности развития современной науки проявляются в развитии библиотековедения. Было обосновано теоретическое положение о том, что основополагающие принципы советского биб-

библиотековедения правомерно рассматривать как его частные закономерности [13]. Однако в целом закономерности библиотечной науки на том этапе были исследованы еще недостаточно. А между тем их обоснование имело важное теоретическое значение для формирования библиотековедения как науки, определения его места в системе наук.

В ходе дискуссии на кафедре библиотековедения ЛГИК была также высказана мысль, что для определения библиотековедения как науки недостаточно формулировки его объекта и предмета. В нем должны найти отражение также содержание науки, ее цели и задачи. В дефиниции библиотековедения важно зафиксировать его основную цель — определение закономерностей библиотечного дела. Содержание библиотековедения составляет исследование социальных функций библиотеки. Именно это содержание позволяет говорить о библиотековедении как общественной науке. Нельзя смешивать цели науки с ее объектом, предметом, содержанием. Это разные понятия, и лишь их совокупность дает возможность выработать определение библиотековедения как науки.

А. В. Соколов в ходе этой дискуссии подчеркнул, что поскольку объект представляет собой фрагмент реального мира, а предмет — определенную сторону (грань, аспект) объекта, сущность и закономерности развития которого изучаются данной наукой, то для «вычисления» предмета науки необходим принцип отграничения.

Участники дискуссии признали введение понятия «принцип отграничения» как критерия для выделения предмета библиотековедения плодотворным. Однако четко его сформулировать в ходе обсуждения не удалось, если не считать предложения А. В. Соколова видеть принцип отграничения в общественном пользовании произведениями печати [5, с. 16].

В последующем А. В. Соколов попытался уточнить содержание принципа отграничения в библиотековедении. Он полагал, что те социальные явления, которые связаны так или иначе с предоставлением во временное пользование членам общества произведений печати (другими словами, с удовлетворением читательских потребностей из общественных фондов), могут быть предметом библиотековедческой мысли, а другие коммуникационные явления, в которых эта связь не просматривается, лежат за пределами библиотековедения и библиотечного дела как практической деятельности [65, с. 10–46].

Выделение А. В. Соколовым принципа отграничения, по мнению В. Р. Фирсова, — одна из наиболее продуктивных позиций в ходе дискуссии. В то же время В. Р. Фирсов отмечал, что формулировку принципа отграничения как общественного пользования произведениями печати нельзя признать удовлетворительной, так как органы научно-технической информации тоже обеспечивают общественное пользование, и границы библиотековедения оказываются размытыми. Он предложил определять принцип отграничения как «наличие осуществления познавательных, ценностно-ориентационных и коммуникативных функций путем организации общественного пользования произведениями печати» [43, с. 33]. По его мнению, библиотека представляет интерес для библиотековедения лишь с точки зрения выполнения своих социальных функций путем организации общественного книгоиспользования.

Таким образом, наибольшую разработку получили две основные концепции определения объекта библиотековедения: библиотека как система и коммуникативная система «книга — библиотека — читатель». В рассматриваемый период была предпринята попытка сопоставить и объединить эти две концепции в единое целое. В 1984 г. кафедрой библиотековедения ЛГИК было подготовлено к изданию учебное пособие О. С. Чубарьяна «Библиотековедение: проблемы теории» [102]. В его основе лежали главы учебника О. С. Чубарьяна «Общее библиотековедение», к которому были введены дополнения, отражающие достижения библиотечной науки в разработке ее общетеоретических и методологических проблем. В дополнениях, введенных А. Н. Ваневым, указывалось, что важнейшей категорией библиотековедения, объектом его исследования является библиотека как система, состоящая из взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов: книга, читатель, библиотекарь, материально-техническая база. Библиотека как система характеризуется своей цельностью и обладает внешними связями, которые в общем виде можно выразить формулой «библиотека и общество». Однако библиотека в системе общественных отношений не выступает замкнутым, изолированным учреждением. Она является важным и неотъемлемым элементом коммуникативной системы «книга — библиотека — читатель». Исходя из этого, объект библиотековедения — не только библиотека, но и вся существующая в объективной реальности коммуникативная система «книга — библиотека — читатель».

Поскольку объект библиотековедения — это система, то надо полагать, что предметом библиотечной науки является исследование отношений и связей элементов системного объекта между собой, а также системы в целом с внешней средой, которой для библиотечного дела является духовная жизнь общества. Данное определение раскрывает диалектическую взаимосвязь понятий «объект» и «предмет» библиотековедения. Исследование любых связей и отношений направлено на выявление их закономерного или, наоборот, случайного характера. Поэтому основной теоретической задачей библиотековедения является исследование закономерностей развития библиотечного дела как социального явления, которая решается через изучение его объекта и предмета.

В ходе дискуссии на кафедре библиотековедения ЛГИК отмечалось также, что при определении библиотековедения как науки необходимо различать не только объект и предмет, но и метод. Так, по мнению И. Е. Баренбаума, именно метод библиотековедения и призван выполнять функцию ограничивающего критерия [5]. Однако непротиворечиво и убедительно ответить на вопрос, что такое метод библиотековедения и в каком соотношении он находится с предметом библиотечной науки, участникам дискуссии не удалось.

Попытка рассмотреть соотношение объекта, предмета и методов исследования была предпринята А. Н. Ваневым, который на конкретных примерах показал, что выбор методов исследования не только связан с объектом и предметом исследования, но и прямо зависит от них [56, с. 39–48].

В дискуссиях конца 1970 — начала 1980-х гг., несмотря на различные определения объекта и предмета библиотековедения, по мнению И. Р. Фирсова, можно выделить общее — «материальный характер объекта (или объектов)». Среди различных определений предмета библиотечной науки также можно выделить общее — «процессуальный характер предмета». Следовательно, «предмет определяется не как само материальное явление, а как его движение (берутся частные случаи — развитие, функционирование, процесс и т. д.)» [43, с. 30–31].

Дискуссии имели важное теоретическое значение. Было зафиксировано, что по своей сути объект библиотековедения является системным и исследование связей между его структурными элементами входит в предмет библиотечной науки. Практическое значение этих дискуссий заключалось в том, что с пониманием системности объекта

библиотековедения было связано определение его границ, структуры, проблем интеграции с другими науками.

1.2. Структура библиотековедения

Важной и дискуссионной науковедческой проблемой являлся вопрос о внутренней структуре библиотековедения, представления о которой складывались, главным образом, в связи с установленным перечнем учебных дисциплин, преподаваемых в библиотечном вузе.

Попытка представить структуру библиотековедения более развернуто была предпринята Г. К. Пузиковым, который рассмотрел «полидисциплинарный комплекс библиотековедческих наук», «возглавляемый» общим библиотековедением. Выделение из генерального объекта библиотековедения отдельных аспектов (общетеоретических, исторических, экономических, социологических и прочих) или элементов (ряда частных объектов – библиотечные сети, фонды, каталоги, кадры, читатели и т. д.) позволяет дифференцировать библиотековедение на комплекс научных дисциплин. На этой основе Г. К. Пузиков выделил целый ряд различных библиотековедческих дисциплин: глобальное (всемирное) библиотековедение; специальное библиотековедение; элементарное библиотековедение; материально-техническое библиотековедение; история библиотечного дела; социология библиотечного дела; библиотечная экономика; библиотечное управление; библиотечное законодательство (нормативное библиотековедение); библиотечная психология; библиотечная педагогика; библиотечная информатика; библиотечная статистика [62].

Достоинством структуры, предложенной Г. К. Пузиковым, было использование аспектного принципа ее формирования, поскольку ранее в библиотековедении обосновывался и декларировался в основном лишь функциональный принцип (по функциям библиотечной деятельности), на основе которого выделялись научные и учебные дисциплины: библиотечные фонды, библиотечные каталоги, работа с читателями и т. п. Вместе с тем выделение некоторых библиотековедческих дисциплин теоретически автором обосновано не было. К таким дисциплинам, например, относятся материально-техническое библиотековедение, элементарное библиотековедение,

круг научных задач и проблем которых Г. К. Пузиковым не был определен. Кроме того, следует учитывать, что понятие «библиотекведение» относится к библиотечной науке в целом и поэтому неправомерно именовать частные научные дисциплины, представляющие собой составные элементы единой науки, также «библиотекведениями».

Другая попытка представить развернутую структуру библиотековедения принадлежит А. Н. Ванееву. Он выделял в структуре библиотечной науки общее библиотековедение (общая теория, методология и история библиотечной науки) и частное библиотековедение, представляющее собой целую систему частных библиотековедческих научных дисциплин, сформированных по функциональному и аспектному принципам под воздействием взаимосвязанных процессов дифференциации и интеграции библиотековедческого знания.

Если дифференциация библиотековедения по функциональному принципу на самостоятельные научные дисциплины отражает необходимость более глубокого исследования объекта библиотековедения, то научные дисциплины, образовавшиеся путем интеграции библиотековедения с другими науками, отражают сложное, междисциплинарное положение библиотековедения в системе наук и направлены на исследование внешних связей библиотечного дела с экономической и духовной жизнью общества [17].

Структура библиотековедения, предложенная А. Н. Ванеевым, вглядно представлена в таблице 1.1.

Внимание библиотековедов было сосредоточено также на дискуссионных проблемах, связанных с правомерностью выделения «специального библиотековедения». Начало дискуссии было положено статьей Д. Е. Шехурина, в которой автор, ссылаясь на процессы интеграции и дифференциации наук и критикуя как ненаучную структуру библиотековедения на основе функциональных дисциплин (библиотечные фонды, каталоги, работа с читателями и т. п.), полагал, что выделение «специального библиотековедения» — начало упорядочения структуры библиотечной науки [105]. Позднее необходимость выделения «специального библиотековедения» он мотивировал спецификой форм, методов и средств работы специальных библиотек. Объектом «специального библиотековедения» является, по его мнению, система «документ — библиотекарь специальной библиотеки — трудовой коллектив» [90, с. 53].

Таблица 1.1

Структура библиотековедения

Общее библиотековедение (общая теория, история и методология науки) Частное библиотековедение				
Аспектный принцип	Функциональный принцип			
	Библиотечные фонды	Библиотечные каталоги	Работа с читателями	Функционирование библиотек и библиотечных систем
Социология библиотечного дела	Социологические аспекты фондов	Социологические аспекты каталогов	Социологические аспекты работы с читателями	Социологические аспекты функционирования библиотек
Библиотечная психология	Психологические аспекты фондов	Психологические аспекты каталогов	Психологические аспекты работы с читателями	Психологические аспекты функционирования библиотек
Библиотечная педагогика	Педагогические аспекты фондов	Педагогические аспекты каталогов	Педагогические аспекты работы с читателями	Педагогические аспекты функционирования библиотек
Теория информационно-библиотечного обслуживания	Информационные аспекты фондов	Информационные аспекты каталогов	Информационные аспекты работы с читателями	Информационные аспекты функционирования библиотек
Библиотечная этика	Этические аспекты фондов	Этические аспекты каталогов	Этические аспекты работы с читателями	Этические аспекты функционирования библиотек
Библиотечная эстетика	Эстетические аспекты фондов	Эстетические аспекты каталогов	Эстетические аспекты работы с читателями	Эстетические аспекты функционирования библиотек
Управление библиотечным делом	Управление фондами	Управление каталогами	Управление чтением	Управление библиотеками
Экономика библиотечного дела	Экономика фондов	Экономика каталогов	Экономические аспекты работы с читателями	Экономические аспекты функционирования библиотек
Библиотечная статистика	Статистика фондов	Статистика каталогов	Статистика работы с читателями	Статистика библиотек
Библиотечное право	Правовые аспекты фондов	Правовые аспекты каталогов	Правовые аспекты работы с читателями	Правовые аспекты функционирования библиотек
История библиотечного дела	История фондов	История каталогов	История работы с читателями	История библиотек

Статья Д. Е. Шехурина вызвала активную дискуссию на страницах сборника «Научные и технические библиотеки СССР». В ряде публикаций критике подверглись положения Д. Е. Шехурина, опираясь на которые он конструировал «специальное библиотековедение». Так, Г. Г. Фирсов, З. П. Оленева и Н. И. Карпова указывали, что автор недостаточно четко, а в ряде случаев неверно, излагает задачи специальных и массовых библиотек, хотя именно на противопоставлении целевой направленности их деятельности строит свои выводы [93].

О. П. Коршунов отмечал, что библиотековедение делится на общее, которое исследует библиотечное дело и библиотечную теорию в целом, и частное, выделяющее из общего отдельные предметы изучения. На первом уровне выделять такие предметы по типам библиотек неверно, поскольку на этой основе может быть создано бесчисленное множество «библиотековедений». Лишь на втором уровне, внутри частных отраслей библиотековедения, могут быть выделены аспекты, связанные с деятельностью различных типов библиотек [87, с. 13].

О неправомерности дифференциации библиотековедения по типам библиотек писал А. В. Соколов. Он подчеркивал, что, поскольку библиотеками разных типов осуществляются разнообразные виды деятельности, то дифференциация библиотековедения по типам учреждений не может быть логически правильной. А. В. Соколов предложил в основу структуры библиотековедения положить двухмерную классификацию библиотечного дела: по процессам (в соответствии с функциональной структурой библиотечного дела) и по типам библиотечной деятельности [71].

К. И. Абрамов критиковал сторонников «специального библиотековедения» за противопоставление единичного, особенного и общего. Общее библиотековедение представляет теоретическую базу не только для массовых, но и для библиотек всех типов и видов. Принцип деления библиотековедения по типам и видам библиотек, по типам и видам изданий, по отраслям знания вряд ли можно признать научным. По мнению Ю. Н. Столярова [90, с. 54], наличие общего библиотековедения предполагает и существование особенного, дифференцированного по различным признакам. Однако неправомерно противопоставить специальное библиотековедение общему [90, с. 56].

Противоречивым было отношение к «специальному библиотековедению» А. Н. Хропача. С одной стороны, он критиковал такой под-

ход и подчеркивал, что разделение библиотековедения на теорию массовых и теорию специальных библиотек означает отрыв большой группы библиотек от библиотечной системы страны, разделение единой библиотечной науки по типам и видам библиотек. Не отрицая особенностей функционирования специальных библиотек, он считал, что «это не значит, что специальные библиотеки в единой библиотечной системе занимают столь необычное положение, что требуют уже собственной теории» [97, с. 39].

С другой стороны, он предложил свою трактовку «специального библиотековедения», понимая под ним «теоретическую дисциплину, своего рода модификацию общей теории, основанную на учете типологических особенностей деятельности различных библиотек», т. е. общее и специальное библиотековедение должны относиться друг к другу как общее и особенное. Поэтому, считал А. Н. Хропач, объектом специального библиотековедения является библиотечное дело в специфических условиях функционирования (например, библиотечное обслуживание детей, обслуживание населения по месту жительства, деятельность библиотек в области образования, науки, производства и т. п.). Его предмет – закономерности развития библиотечного дела в условиях деятельности библиотек различных типов в рамках общей теории библиотековедения [97].

В ряде публикаций поддерживалась идея выделения «специального библиотековедения». Во всех попытках его обоснования подчеркивалась информационная функция специальной библиотеки, необходимость удовлетворения информационных потребностей, организации информационного обслуживания и т. п. Например, Р. Б. Дауранов, Н. В. Помадина и В. А. Тейерман указывали, что они рассматривают проблемы «специального библиотековедения» исходя из задач отраслевого информационно-библиотечного обеспечения специалистов [21]. В. И. Терешин отмечал пересечение проблем «специального библиотековедения» с соответствующими вопросами информатики и рассматривал его как единую стыковую науку между информатикой и библиотековедением, подчеркивая интегральный характер и ориентацию на комплексные проблемы [84]. При обсуждении проблем «специального библиотековедения» на ФПК МГИК отмечалось, что деятельности специальных библиотек присущи закономерности взаимодействия информационной службы библиотеки с информационной системой в целом [87].

Речь шла, по существу, не о дифференциации проблем библиотековедения, а об интеграции проблем информационного и библиотечного обслуживания. В частности, К. В. Тараканов констатировал, что таким образом «окончательно сформируется деятельность, которую можно назвать „библиотечно-информационной“» [81].

А. Н. Ванеев отмечал, что комплекс проблем, связанных с усилением информационной деятельности библиотек, широкое развитие сети информационно-библиотечных учреждений привели к формированию нового направления — информационно-библиотечного обслуживания. Для формирования теоретических основ этого комплекса необходимо привлечь достижения как библиотековедения, так и информатики. Таким образом, речь идет о новой научной дисциплине, возникшей в результате интеграции проблем информатики и библиотековедения — теории информационно-библиотечного обслуживания. Но ее неправильно называть специальным библиотековедением, поскольку такое наименование отграничивает объект исследования только специальной библиотекой. А теория информационно-библиотечного обслуживания призвана рассматривать свои вопросы по отношению ко всей библиотечной деятельности, а не только к специальным или научно-техническим библиотекам. Специфика информационно-библиотечного обслуживания в отдельных типах и видах библиотек должна выявляться на основе общих теоретических положений информационно-библиотечного обслуживания [17].

По существу, с процессом интеграции наук, а не дифференциации библиотековедения, связано и предложение А. В. Соколова о выделении «патентного библиотековедения» [71]. Основываясь на материалах А. Н. Морозова, который определял эту научную дисциплину как теорию библиотечно-информационной работы с патентной документацией [44], А. В. Соколов относил «патентное библиотековедение» к частным библиотековедческим дисциплинам, возникшим в результате дифференциации библиотековедения.

Однако в работе А. Н. Морозова содержатся важные положения, позволяющие более четко определить место этой теории в системе библиотековедческих дисциплин. К ним относится прежде всего положение о том, что патентная информация представляет собой подсистему научно-технической информации. Отсюда можно сделать вывод о том, что теория библиотечно-библиографической работы с патентной документацией неразрывно связана с информатикой. Эта

научная дисциплина интегрирует, как указывает А. Н. Морозов, достижения библиотековедения, библиографоведения, патентоведения, документалистики, социологии, юриспруденции, т. е. находится на «стыке» наук. А. Н. Морозов подчеркивал комплексный характер этой дисциплины, рассматривающей все аспекты работы с патентной документацией. Из этих положений, выдвинутых А. Н. Морозовым, можно сделать вывод о том, что названная научная дисциплина формируется по одному из аспектов библиотечной деятельности — информационному — и представляет собой частную научную дисциплину второго порядка по отношению к более общей теории информационно-библиотечного обслуживания.

Таким образом, в рассматриваемый период сложилась развернутая структура библиотечной науки, включающая общую библиотечную теорию и частные научные библиотековедческие дисциплины. Основным разделом библиотечной науки является общее библиотековедение, имеющее задачей изучение общих закономерностей библиотечного дела.

Развитие общей библиотечной теории сопровождалось дальнейшей дифференциацией, возникновением новых частных научных дисциплин. В каждой из них формируются собственные теоретические, методологические, исторические положения, а также методы исследования, происходит углубление свойственных им проблем и задач. Частным дисциплинам присуща относительная самостоятельность развития в силу наличия теоретических основ, возможностей установления взаимосвязей с сопредельными и даже далеко отстоящими науками. Все это укрепляет теоретическую базу библиотековедческих дисциплин и в конечном счете библиотековедения в целом. Делался вывод, что хотя процесс дифференциации библиотековедения будет продолжаться и, без сомнения, приведет к появлению новых научных дисциплин, широкие возможности откроются и в плане интеграции. Различные аспекты библиотечной практики требуют не только функциональной дифференциации, но и научного осмысления с точки зрения педагогики, психологии, экономики, информатики, теории управления и т. д. Их изучение связано с образованием в библиотековедении дисциплин, предмет исследования которых не ограничивается отдельными сторонами библиотечной работы, а охватывает библиотечную деятельность в целом, комплекс проблем, связанных с использованием в библиотечной теории и практике методов конкрет-

ных наук. Если дифференциация библиотековедения на отдельные дисциплины отражает необходимость более глубокого анализа элементов системного объекта библиотековедения, то научные дисциплины, возникшие в итоге интеграции библиотековедения с другими науками, выявляют сложное, междисциплинарное положение библиотековедения в системе наук и направлены на исследование внешних связей библиотечного дела с социальной, экономической и духовной жизнью общества [14].

1.3. Место библиотековедения в системе наук

В эти годы были предприняты новые попытки рассмотреть все многообразие связей библиотековедения с другими науками и выявить различные уровни этих взаимосвязей.

Общие проблемы взаимосвязей библиотековедения с другими науками были рассмотрены В. Р. Фирсовым. Отмечая одну из характерных черт истории библиотековедения как науки — периодически повторяющиеся попытки рассмотрения его подчиненной наукой по отношению к некоей обобщающей теории (книговедение, педагогика, информатика и др.), он подчеркивал, что «само содержание библиотековедческой науки обуславливает некоторую предрасположенность теории к подобным взаимоотношениям с рядом наук». Это явление он объяснил неправомерным преувеличением той или иной функции библиотеки. Теоретическое преувеличение моделирующей функции ведет к включению библиотековедения в книговедение, аксиологической — в педагогику, познавательной — в информатику [53, с. 24–33].

В рассматриваемый период получили более четкое обоснование взаимосвязи книговедения и библиотековедения. В энциклопедическом словаре термин «книговедение» был определен двояко. Во-первых, как комплекс родственных, тесно взаимосвязанных, но относительно самостоятельных научных дисциплин общественного цикла, изучающих произведения печати, процессы их создания, распространения и использования. Среди составных частей этого комплекса называлось и библиотековедение. Каждая из дисциплин книговедческого цикла включает относительно самостоятельные дисциплины, имеющие точки соприкосновения с различными отраслями знания, не входящими в книговедческий цикл.

Во-вторых, книговедение рассматривалось как комплексная общественная наука о книге и книжном деле, изучающая процессы создания, распространения и использования произведений печати в обществе [37, с. 253–254].

Наличие в словаре двух разных определений объясняется тем, что среди книговедов не было единой точки зрения о составе книговедения и месте в нем библиотековедения. Первой позиции придерживался Е. Л. Немировский, который считал, что книговедение следует рассматривать, с одной стороны, как единую и цельную научную дисциплину, а с другой стороны, как комплекс отдельных самостоятельных дисциплин книговедческого цикла. При этом книговедение как комплекс наук — это условное понятие для обозначения совокупности вполне самостоятельных наук книговедческого цикла. Называя отрасли научного знания о книжном деле, в том числе и науку о библиотечном деле (библиотековедение), Е. Л. Немировский подчеркивал: общее заключается в том, что все они так или иначе связаны с книгой и книжным делом. Однако дисциплины книговедческого цикла являются вполне самостоятельными науками, они оперируют терминологией и методами той области человеческого познания, к которой относятся. Выводы этих дисциплин, результаты, которые они получают, используются книговедением — комплексной общественной наукой о книге и книжном деле [47].

Иной точки зрения придерживался И. Е. Баренбаум, который считал, что объектом книговедения как комплексной науки является система «книга — книжное дело — читатель». Каждый этап движения книги в этой системе изучается специальной научной дисциплиной, в том числе общественное пользование книгами, библиотечное дело — библиотековедением. Он возражал против определения книговедения как комплекса наук о книге и книжном деле, так как объединение наук в комплекс предполагает полную автономность каждой из них, свободный вход и выход из комплекса, возможность вхождения в иную систему наук. В частности, он отмечал тенденцию библиотековедения и библиографоведения выделиться из комплекса книговедческих наук в самостоятельные, автономные области знания, приобретающие в свою очередь комплексный характер [4]. По существу, тем самым И. Е. Баренбаум показывал относительную самостоятельность библиотековедения, которое, являясь одной из наук о книжном деле, в то же время, в свою очередь, является комплексной и вполне самостоятельной наукой.

Это же можно сказать и об отношениях информатики и библиотековедения. В те годы представители информатики, как и библиотековеды, все более склонялись к точке зрения, что информатика не подменяет и не отменяет существующие науки, охватывающие смежные области знания, в том числе и библиотековедение. Проявление общности объекта в этих науках не должно приводить к их смещению или объединению, так как главное состоит не в общности объекта исследования, а в различии исследуемых закономерностей.

Например, Н. П. Игунова, рассматривая интегративные связи библиотековедения, библиографоведения и информатики и подерживая концепцию интеграции этих наук, в то же время подчеркивала, что научно-информационная деятельность библиотек и органов информации имеет свою специфику [25]. Э. К. Беспалова отмечала, что можно говорить о библиотечной или библиографической научно-информационной деятельности и соответственно о библиотечной или библиографической информатике, о научно-информационном библиотековедении или библиографоведении [8].

В эти годы предпринимаются попытки определить в качестве обобщающей науки по отношению к библиотековедению либо социальную информатику, либо теорию культуры. Первый подход обосновывал А. В. Соколов, который рассматривал в качестве обобщающего учения, способного обеспечить межнаучное обобщение библиотечно-библиографического знания, социальную информатику. Предпосылкой ее формирования как обобщающей науки по отношению к информатике, библиотековедению и библиографоведению он считал достаточно высокий уровень развития теоретических разделов этих наук. Утверждение А. Н. Ванеева о том, что библиотечное дело представляет собой явление культуры и в качестве такового подчиняется закономерностям ее развития [12], А. В. Соколов считал неудачным, так как органы научно-технической информации (НТИ), архивы, музеи и т. п. — также явления культуры. Он полагал, что на основе общих закономерностей развития и функционирования культуры нельзя раскрыть специфические особенности и сущность библиотечных процессов и явлений. Однако, вопреки себе, А. В. Соколов утверждал, что именно из общих закономерностей теории культуры вытекают важные следствия для осмысления задач, общественной роли и функций библиотек и библиотековедения [71, 72].

На сходных позициях стоял О. П. Коршунов, который также подчеркивал общие черты, свойственные различным общественным институтам в системе документных коммуникаций. Эту систему он представил как систему «документ – потребитель информации». Посреднические функции в системе выполняют специально созданные для этого общественные институты: издательское дело, книжная торговля, библиотечное дело, научно-информационная деятельность, архивное дело и др. Системе свойственны функциональное единство, системная целостность, которые базируются прежде всего на общности протекающих в системе процессов сбора (комплектования), хранения, переработки, поиска, доведения до потребителя источников информации на первичном и вторично-документальном (библиографическом) уровнях [39].

Эту же мысль развила Э. К. Беспалова, которая подчеркивала, что редакционно-издательское дело, библиографическое дело, библиотечное дело, научно-информационная деятельность обладают тесной близостью задач, функций, методов и форм. Для них субстратом является общественная система «книга – читатель» (документ – потребитель информации). Поскольку этот субстрат един, то это дает основание прогнозировать появление комплексной науки, обращенной к единому объекту изучения. Э. К. Беспалова призывала к построению комплексной теории документального обеспечения и обслуживания общества. Существующая установка на простое взаимодействие наук является, по ее мнению, предпосылкой к их будущему комплексированию, слиянию, образованию принципиально новой науки об объекте «документ – потребитель» и оптимальной системе установления связей между элементами этого объекта [8].

О том, что библиотековедение и библиографоведение входят в систему информационно-коммуникативных наук, писала В. С. Сидоренко. Она отмечала, в частности, проникновение идей социальной информатики в библиотековедение, которую рассматривала в качестве обобщающей науки. Она объединяла библиотековедение и библиографоведение в единое понятие «библиотечно-библиографические дисциплины», подчеркивая этим их подчиненность социальной информатике как науке [69].

Другой подход, определяющий в качестве обобщающей науки теорию культуры, обосновал В. Р. Фирсов. Ссылаясь на рассуждения А. Н. Ванеева [2] о том, что закономерности библиотечного процес-

са — вторичные, производные от закономерностей развития и функционирования культуры, он обосновал положение о библиотечном процессе как частном проявлении культурного процесса, его конкретизации [38, с. 8].

Однако наибольшее распространение в те годы получило представление о библиотекведении как самостоятельной общественной науке, взаимосвязанной и с книговедением, и с информатикой, но не входящей в их состав. Например, Г. К. Кузьмин полагал, что библиотекведение — это полидисциплинарный комплекс наук, т. е. особая форма междисциплинарности, объединяющая множество направлений, генетически связанных со всеми тремя циклами наук — общественными, естественными и техническими, но по приоритету своих социальных целей относящаяся в целом к обществоведению. Поэтому библиотекведение по своему онтологическому, гносеологическому и методологическому статусу, обусловленному его объектом, предметом и методом, не подлежит однозначному локальному определению в системе наук [11, с. 13].

А. Н. Ванеев подчеркивал, что однозначное отнесение библиотекведения только к книговедению, педагогике или информатике несостоятельно с точки зрения системного подхода, что более плодотворно развитие междисциплинарных связей [12].

Большое внимание в рассматриваемый период уделялось разработке проблем взаимосвязей библиотекведения с отдельными науками и формированию интеграционных научных дисциплин (социология чтения, библиотечная психология, библиотечная педагогика, экономика библиотечного дела и др.).

В эти годы продолжались исследования в области социологии чтения. Современные проблемы и итоги ее развития были рассмотрены В. Д. Стельмах. Она отмечала органические связи социологии чтения с библиотекведением, в рамках которого наиболее отчетливо проявляются все ее ведущие функции: познавательная, практическая, идеологическая [76].

В библиотекведческой литературе подчеркивалось, что социология чтения рассматривает чтение как многофакторную систему и поэтому выходит за рамки какой-либо одной частной дисциплины, например, библиотекведения или книговедения. Однако большинство социологических исследований ведется в сфере библиотечного дела, так как библиотеки представляют собой важнейший канал орга-

низации массового и индивидуального чтения и самую удобную базу для его анализа [73].

Разработка проблем библиотечной педагогики была связана с попыткой создания соответствующего учебного курса. А. Я. Айзенберг отмечал, что пока нет ясности относительно ведущих идей и структурных элементов библиотечной педагогики. Нет, к сожалению, необходимой четкости и в определении содержания библиотечной педагогики. С одной стороны, А. Я. Айзенберг указывал, что библиотечная педагогика призвана теоретически обосновывать все педагогические аспекты библиотечной деятельности. С другой стороны, — сводил суть библиотечной педагогики к воспитательной и образовательной деятельности библиотек. Теоретические основы библиотечной педагогики он рассматривал в трех взаимосвязанных направлениях: общие основы, дидактика и теория воспитания. В общие основы он включал такие проблемы, как возрастные и индивидуальные особенности читателя, педагогическое общение в библиотеке и характеристику библиотекаря как педагога-воспитателя [12]. Таким образом, А. Я. Айзенберг сводил содержание библиотечной педагогики к работе с читателями, руководству их чтением.

На близких позициях стоял и Р. Ю. Гудаускас, который отмечал, что библиотека обладает всеми основными признаками, присущими любой педагогической системе, а в самой библиотечной деятельности могут быть выделены не только структурные, но и функциональные компоненты библиотечного процесса. Он указывал, что процесс интеграции библиотековедения и педагогики протекает в основном в пределах проблем руководства чтением, а в остальных дисциплинах библиотековедческого цикла педагогические аспекты отражаются слабо или вообще отсутствуют [60, с. 87–97].

Однако педагогический процесс присущ не только обслуживанию читателей, но и всем остальным функциональным направлениям библиотечной деятельности.

В эти годы продолжается разработка и проблем библиотечной психологии. Она рассматривается как научная дисциплина, изучающая психологический аспект взаимоотношений между печатной продукцией, библиотекой и читательской аудиторией [6, с. 105].

В 1984 г. был издан сборник трудов ЛГИК «Психология чтения и проблемы типологии читателей», посвященный широкому кругу

психологических и типологических проблем чтения. В сборнике рассматривались теоретические и методологические проблемы читательской деятельности и типологии читателей, а также проблемы профессионального чтения. Предложенная в сборнике модель читательской деятельности синтезировала многообразный исследовательский материал, накопленный в психологии и библиотековедении, и открывала определенные перспективы дальнейших исследований читателей и чтения на основе целостной теории чтения [61].

В рассматриваемый период в рамках библиотековедения формируется новая теоретико-прикладная дисциплина — библиотечная профессионалогия, начало разработке которой было положено еще в начале XX в. Однако с 1920-х гг. ей не уделялось достаточного внимания. Библиотечная профессионалогия имеет своей целью изучение библиотечной профессии и опирается на достижения библиотековедения, библиографоведения, информатики, использует результаты и методы социологии, педагогики, психологии труда [98].

Продолжается и разработка проблем экономики библиотечного дела, которая в терминологическом словаре «Управление библиотечным делом» определялась как отраслевая экономическая наука. При этом следует отметить, что в том же словаре другая интеграционная дисциплина — библиотечная статистика — рассматривалась как библиотековедческая научная дисциплина [91]. Нелогичность определений словаря очевидна. Либо и экономика библиотечного дела, и библиотечная статистика являются отраслевыми научными дисциплинами, либо та и другая являются библиотековедческими.

Проблемы интеграции библиотековедения и экономики были отражены в учебном пособии Ж. С. Шадринной. Пособие посвящено обоснованию экономики библиотечного дела как научной дисциплины, которая рассматривается как часть экономики народного хозяйства, в частности таких ее разделов, как экономика непродовольственной сферы и экономика культуры. По определению Ж. С. Шадринной, экономика библиотечного дела изучает отношения, возникающие между людьми в процессе производства библиотечных услуг и общественной организации потребления духовных благ — фондов библиотек. Она рассматривала экономику библиотечного дела как самостоятельную экономическую дисциплину [104]. Отсюда можно сделать вывод о том, что в рассматриваемый период экономика библиотечного дела еще не определялась как самостоятельная составная часть библиотековедения.

В 1984 г. указом Президиума Верховного Совета СССР было утверждено «Положение о библиотечном деле в СССР» [52], что привело к возобновлению в отечественном библиотековедении разработки теоретических и практических проблем библиотечного права, рассмотрение которых было практически прервано с 1917 г. Теоретическая разработка вопросов законодательства в библиотечном деле определялась теперь как одна из наиболее актуальных проблем библиотековедения [77]. В. В. Серов подчеркивал, что законодательное определение основных принципов организации библиотечного дела особенно важно в условиях, когда библиотеки находятся в ведении десятков ведомств и общественных организаций [67].

Рассматривая взаимосвязи библиотековедения и библиографоведения, исследователи отмечали, что развитие теории библиографии прочно базируется на достижениях библиотековедения и других наук. В наиболее развернутом виде соотношения библиотечного дела и библиографии, библиотековедения и библиографоведения были рассмотрены О. П. Коршуновым. Он подчеркивал, что в современных условиях наблюдается дальнейшее расширение и углубление процессов интеграции, органичного слияния библиотечной и библиографической деятельности, что ведет к использованию таких комбинированных понятий, как «библиотечно-библиографическое обслуживание», «библиотечно-библиографические ресурсы информации», «библиотечно-библиографическое образование», «пропаганда библиотечно-библиографических знаний» и др.

Библиотековедение в самом общем смысле — это наука о библиотечном деле, а библиографоведение — наука о библиографии. Реальное соотношение объектов изучения библиотечного дела и библиографии определяет и соотношение соответствующих научных дисциплин. Отсюда следует, что библиотековедение и библиографоведение — не просто смежные или родственные, но и частично совмещающиеся научные дисциплины. Иначе говоря, область совмещения библиотековедения и библиографоведения образует такой раздел научного знания, который можно квалифицировать как библиографическое библиотековедение (по отношению к библиотековедению) или библиотечное библиографоведение (по отношению к библиографоведению). Предмет этой новой научной дисциплины — изучение библиотечной библиографии, и она на равных правах входит в состав как библиотековедения, так и библиографоведения [39].

О единой библиотечно-библиографической системе писал и И. М. Фрумин. По его мнению, единой должна быть и наука, комплексно изучающая библиотеку как социальный институт, включая и библиографический аспект ее деятельности. Дробление единой библиотечно-библиографической науки на отдельные науки, с собственным предметом и объектом исследования, не может, подчеркивал И. М. Фрумин, способствовать выявлению и изучению общих принципов и закономерностей развития библиотечно-библиографической системы в целом. Поэтому И. М. Фрумин ставил задачу формирования единой науки с единой теорией и общей концепцией библиотечного дела и библиографии, с единым понятийным аппаратом [94].

Таким образом, хотя в библиотековедческой литературе назывались многие науки, с которыми библиотековедение связано или должно быть связано, разработка проблем интеграции коснулась весьма небольшого круга наук (социология, педагогика, психология, экономика и некоторые другие). Очевидно, что раскрытие связей библиотековедения с более широким кругом наук должно было привести и к становлению новых научных дисциплин библиотековедческого цикла.

Не все вопросы интеграции были решены и по отношению к тем наукам, связи которых с библиотековедением стали традиционными. Так, не был завершен процесс формирования библиотечной педагогики в качестве самостоятельного раздела. Процессы интеграции библиотековедения с другими науками зачастую рассматривались в рамках отдельных дисциплин, а не библиотековедения в целом. Например, библиотечная педагогика касалась главным образом проблем руководства чтением и почти не исследовала педагогические процессы пропаганды книги, информационного обслуживания, управления библиотеками, методического руководства, подготовки и повышения квалификации библиотечных кадров.

Изучение проблем интеграции библиотековедения и социологии ограничивалось преимущественно проблемами читателя и чтения. Между тем для научной разработки многих других проблем библиотечного дела (формирование библиотечных фондов, совершенствование систем библиотечного обслуживания населения и др.) использование методов социологии столь же важно. Библиотечная психология замыкалась на психологии читателя и чтения и крайне слабо анализировала психологические проблемы руководства чтением, ин-

формационного обслуживания, пропаганды книги, управления библиотечным коллективом и другие аспекты библиотечной деятельности. При изучении взаимосвязей наук в основном подчеркивалось их значение для развития библиотечной науки, а обратный процесс — влияние библиотековедения на смежные науки — зачастую оставался вне поля зрения [14].

1.4. Разработка учения о библиотеке и ее социальных функциях

В рассматриваемый период значительное внимание уделялось разработке общетеоретических концепций библиотековедения. Было выдвинуто и обосновано предположение о том, что в этом качестве следует рассматривать теоретические положения, которые в своей совокупности можно характеризовать как учение о социальных функциях библиотек, теория руководства чтением, теория библиотечного обслуживания населения.

Ведущее место учения о социальных функциях библиотеки среди этих общетеоретических концепций обуславливалось тем, что именно оно определяет основное содержание библиотековедения как общественной науки — исследование общественных функций библиотек, направленное на изучение взаимосвязей не только внутри системы «книга — библиотека — читатель», но и с социальной жизнью общества [16].

Подчеркивая общетеоретическое значение этого учения, Ю. Н. Столяров отмечал, что «обоснование номенклатуры функций — задача фундаментального исследования. Но этот вопрос, будучи решенным на абстрактном уровне, немедленно повлечет кардинальные последствия для практики» [51, с. 35]. Он полагал, что необходимо однозначное определение социальных функций библиотеки, что даст возможность в полном объеме охарактеризовать ее задачи, установить место библиотековедения в системе наук [78].

Однако в рассматриваемый период такого однозначного определения не существовало, и вопрос о социальных функциях библиотеки был предметом дискуссий.

В эти годы предпринимаются новые попытки рассмотреть соотношение понятий «социальная роль» и «социальные функции» биб-

библиотек. Значительный вклад в теоретическую разработку этой проблемы внес В. Р. Фирсов, который полагал, что интегрирующим понятием, объединяющим социальные функции, является социальная роль библиотек. Она заключается в обеспечении социализации личности, культурной преемственности. Социальная роль библиотеки должна исследоваться в рамках теории культуры, а социальные функции — в рамках библиотековедения [48, с. 19–22].

Наряду с определением социальной роли, В. Р. Фирсов выделял и главную социальную задачу библиотеки — обеспечение становления всесторонне, гармонически развитой личности [43, с. 21–36]. Однако при такой формулировке остается неясным, есть ли разница между социальной ролью и социальными задачами библиотеки и в чем она состоит.

Новым в учении о социальных функциях библиотеки было предложение о разделении функций на сущностные и прикладные. Эта проблема была обстоятельно рассмотрена В. Р. Фирсовым, А. В. Соколовым, Ю. Н. Столяровым и другими авторами и стала предметом широких дискуссий.

В. Р. Фирсов, рассматривая различные подходы к определению функций библиотек и справедливо отмечая основные их недостатки (ориентация на объекты различной функциональной направленности — личность, общество, совокупность изданий и т. д.), разнопорядковость, т. е. выделение в один ряд понятий, несовместимых по объему своего содержания, предложил свою структуру функций, среди которых выделил внешние, направленные на общество — аксиологические, т. е. ценностно-ориентационные (воспитательная, идейно-политическая); познавательные (информационная, образовательная, помощи профессиональному чтению) и коммуникативные. Внутренней функцией библиотеки, обеспечивающей ее внешнее функционирование, является моделирующая, которая выражается в способности библиотеки отражать или моделировать современную культуру общества [53, с. 24–33; 54, с. 27–41].

Обосновывая необходимость выделения сущностных и производных функций, В. Р. Фирсов подчеркивал, что изучение любого социального института, в том числе и библиотеки, включает два взаимосвязанных аспекта. Первый — историческая изменчивость, так как каждый исторический период выдвигает различные цели. Второй — внутренняя неизменная сущность, которая позволяет социальному

институту выполнить четко определенную роль в обществе, независимо от конкретного исторического периода. Эта неизменная сущность библиотеки как социального института и выражается в ее сущностных функциях [92].

Анализируя соотношения между отдельными сущностными функциями, В. Р. Фирсов подчеркивал их взаимопроникновение. Так, взаимопроникают познавательная и ценностно-ориентационная функции, поскольку любая воспитательная работа в библиотеке является одновременно и информационной, т. е. направленной на активное распространение социально-значимой информации. Он отмечал, что коммуникативная функция является сквозной, проникающей во все другие функции. Без нее невозможно осуществление познавательной и ценностно-ориентационной функций [48, с. 15–22].

Отсюда, как представляется, должен последовать вывод о том, что коммуникативная функция является не однопорядковой с познавательной и ценностно-ориентационной, а находится на более высоком уровне, является обобщающей по отношению к другим функциям, тем более, что и сам В. Р. Фирсов представлял коммуникативную функцию как реализацию коммуникативных отношений в системе «автор — книга — читатель».

По мнению В. Р. Фирсова, сущностные функции конкретизируются в большом количестве прикладных, обусловленных социально-экономическими условиями, текущими общественными задачами. Прикладные функции изменяются, постоянно соотносятся с целями, задачами, направлениями работы библиотек [92]. Заметим здесь, что корректнее было бы, видимо, говорить не об изменении функций как таковых, а об изменении их содержания. Противоречивым представляется и вывод о неизменности сущностных функций библиотеки. Например, В. Р. Фирсов утверждал, что ценностно-ориентационная функция воплощается в системе идеологии, морали, в художественной культуре, искусстве и т. д. [92]. Но отсюда следует, что эта функция неизбежно исторически изменяется. Вероятно, и здесь более корректно было бы говорить не об изменении социальной функции как таковой, а об изменении ее наполнения, ее содержания.

Сущностные функции библиотски выделял и Ю. Н. Столяров. В качестве таковых он считал кумулятивную (накопление и хранение документов) и утилитарную (использование документов). На их основе развиваются другие функции, определяемые социально-эко-

номическими, политическими и культурными задачами, решаемыми обществом в данных конкретно-исторических условиях. Среди них Ю. Н. Столяров называл воспитательную, информационную, прагматическую, культурно-просветительную. Наряду с понятием «сущностная функция», он использовал понятие «имманентная функция», в качестве которой называл коммуникативную, подчеркивая, однако, что и она в классовом обществе имеет партийную, политическую направленность [80]. В другой работе Ю. П. Столяров, объясняя многообразие библиотечных функций многосторонностью сфер общественной деятельности, называет, кроме указанных выше, политическую, просветительную, педагогическую, гедонистическую, рекреационную функции [78].

Общее во взглядах В. Р. Фирсова и Ю. Н. Столярова заключается в утверждении, что библиотекам свойственны сущностные и производные функции. Однако подход к их определению у этих авторов различен. Это отличие заключается, во-первых, в том, что если В. Р. Фирсов на первое место ставил функцию социализации личности, то у Ю. Н. Столярова это место занимают технологические функции накопления, хранения и использования документов, производными от которых являются функции социальные. Имманентная функция библиотеки у В. Р. Фирсова — функция социализации, у Ю. Н. Столярова — коммуникативная. Во-вторых, следует отметить противоречивость представлений Ю. Н. Столярова и В. Р. Фирсова о неизменности или изменяемости социальных функций. Так, утверждая, что коммуникативная функция имеет партийную, политическую направленность, Ю. Н. Столяров показывал тем самым ее историческую изменчивость, хотя, по его мнению, эта функция как имманентная изменяться не должна. По нашему мнению, такая путаница происходила потому, что смешивались понятия социальной функции как таковой, ее терминологическое определение и содержание, наполнение этой функции, меняющееся в конкретных исторических условиях.

Несколько иную позицию занимал А. В. Соколов. Он указывал, что социальные функции библиотеки присущи и другим информационно-коммуникативным системам и поэтому не могут быть отличительными функциональными свойствами библиотеки. Поэтому учение о социальных библиотечно-библиографических функциях должно быть единым и базироваться на общей социально-функцио-

нальной теории информационных коммуникаций. Различны, по его мнению, не социальные функции и их общественное значение, а лишь предметы, средства и методы для выполнения тех или иных конкретных задач [72]. Отсюда можно было бы прийти к выводу, что библиотковедение и библиографоведение представляют собой единую науку, но этого вывода А. В. Соколов не сделал.

По определению А. В. Соколова, сущностные функции — это функции, обусловленные стабильными общественными потребностями в данной практической деятельности. Они возникают на определенном этапе исторического развития общества одновременно со становлением данного вида профессиональной деятельности и в этом смысле первичны, исходны, стабильны и неизменны. В качестве таких сущностных функций А. В. Соколов предложил ценностно-ориентированную (оценочную) коммуникативно-познавательную и кумулятивно-поисковую. В числе исторически обусловленных прикладных функций, т. е. обусловленных текущими общественными задачами, он назвал идеологическую, обеспечения научно-технического прогресса, культурно-просветительную, социологизирующую.

А. В. Соколов согласился с В. Р. Фирсовым, что социологизирующую функцию можно квалифицировать как сущностную, поскольку она заключается в обеспечении становления гармонически развитой личности, что не могут обеспечить патентно-технические, картографические и другие узкоспециальные библиотеки [72].

А. В. Соколов подчеркивал неразрывное единство сущностных и прикладных функций. Их можно отделить друг от друга лишь при абстрактном анализе. Считая прикладные функции исторически обусловленными, А. В. Соколов в то же время полагал, что они не присущи библиотекам капиталистического общества. Утверждая, что библиотекам феодального и капиталистического общества были присущи другие социальные функции, он, к сожалению, их не назвал. Более того, он утверждал, что прикладные функции хронологически появились вместе с сущностными и должны считаться вторичными только в силу их производности от сущностных функций. Очевидно в данном случае, корректнее было бы говорить о том, что меняются не сами функции, а их наполнение, содержание. Нет никаких оснований также утверждать, что названные А. В. Соколовым функции не присущи библиотекам других социально-экономических систем.

Поскольку социальные функции присущи и другим информационно-коммуникативным системам, то, по мнению А. В. Соколова, вообще методологически неверно ставить задачу разработки учения о социальных функциях библиотек, а должна быть разработана обобщающая социально-функциональная теория информационных коммуникаций. Задачу библиотечной науки он сводил к выявлению функциональных различий отдельных типов библиотек, т. е. по существу к проблемам не социальных, а технологических прикладных функций.

Эта концепция А. В. Соколова явилась предметом дискуссии. Так, А. Я. Черняк выразил свое несогласие с исходным тезисом А. В. Соколова о том, что учение о социальных библиотечно-библиографических функциях должно быть единым и базироваться на общей социально-функциональной теории информационных коммуникаций, так как в качестве критерия общности взят весьма высокий уровень обобщения. А. Я. Черняк отмечал, что А. В. Соколов, критикуя за высокий уровень обобщения А. В. Ванеева о теории культуры как обобщающей науке по отношению к библиотековедению [16], сам допускает аналогичный подход. А. Я. Черняк подчеркивал, что в теоретической концепции А. В. Соколова растворяется, исчезает учение именно о социальных функциях библиотечного дела и библиографии, и утверждал, что социальные функции библиотечного дела и библиографии не совпадают. Например, функция хранения, которая по А. В. Соколову является частью кумулятивной, присуща не библиографии, а библиотекам. Не присуща библиографии и познавательная функция. И наоборот, ценностно-ориентационная функция связана преимущественно с библиографической деятельностью. А. Я. Черняк выступал против деления функций на сущностные и прикладные. Он считал, что такой ряд может быть создан лишь на основе антитезы: термину «прикладная» (практическая) должен противостоять термин «теоретическая». Следовательно, кумулятивно-поисковая функция есть понятие теоретическое; идеологическая — исключительно практическое, что не соответствует действительности. Он полагал, что все прикладные функции были свойственны и библиотекам эпохи феодализма. По его мнению, здесь А. В. Соколов смешивает обозначение функций и их содержание [99].

И. М. Фрумин также возражал против предложенного деления функций на социальные и прикладные и подчеркивал, что в социаль-

ных системах функции не могут быть прикладными, так как выражают их сущность и назначение. Он также полагал, что идеологическая, культурно-просветительная и другие социальные функции присущи библиотекам не только социалистического общества [94].

Однако, несмотря на активные дискуссии, в которых приняли участие и другие библиотековеды и библиографы, следует признать, что разработка нового подхода к теоретическому определению социальных функций имела довольно абстрактный характер и почти не влияла на практическую деятельность библиотек, в которой традиционно делался упор на три функции: идеологическую, культурно-просветительную и информационную. При этом главенствующей из них, определяющей все остальные, признавалась и практически реализовывалась идеологическая функция. Лишь робко заявлялось, что в информационной функции имеются отдельные неидеологизированные элементы.

В библиотековедческой литературе подчеркивалось, что библиотекарь — это работник идеологического фронта; обращалось внимание на важное место библиотек в идеологической контрпропаганде. Основная задача совершенствования библиотечного дела определялась как повышение эффективности идеологической деятельности библиотек, расширение сферы их идеологического воздействия путем вовлечения в него новых кругов читателей [66].

Большое внимание разработке проблем идеологической борьбы в библиотековедении уделял в те годы Б. П. Каневский. Он подчеркивал, что в работе библиотек по преимуществу реализуется идеологическая функция, которая присуща и библиотекам капиталистического общества, где она реализуется, в отличие от советских библиотек, не в идейно-воспитательной работе, а в форме идеологического воздействия сугубо буржуазного содержания.

Б. П. Каневский, подчеркивая главенствующее значение идеологической функции, полагал, что все остальные функции: политико-воспитательная, образовательная, коммуникативная, гедоническая тесно связаны с формированием мировоззренческих установок читателей и поэтому должны быть признаны идеологическими. Лишь информационная функция является частично (фактический материал точных, естественных и технических наук) идеологически нейтральной. Поэтому, по его мнению, следует говорить лишь о двух функциях библиотеки — идеологической и информационной [27].

1.5. Проблемы теории руководства чтением

Отечественные библиотековеды обосновывали положение об общетеоретическом значении для библиотечной науки теории руководства чтением. Вывод о том, что теорию руководства чтением следует рассматривать как имеющую для библиотековедения не частное, а общетеоретическое значение, базировался на том, что библиотека представляет собой социальный институт, созданный обществом в целях управления чтением. Это управление, т. е. активное влияние на содержание и характер чтения, осуществляется всей системой работы библиотеки. Вся ее деятельность направлена на руководство чтением, именно поэтому есть все основания рассматривать теорию руководства чтением как одну из общетеоретических концепций библиотековедения. В рамках библиотековедения обобщающий характер теории руководства чтением определяется тем, что, описывая способ выполнения библиотекой своей социальной роли, затрагивает все библиотечные процессы, начиная с комплектования фонда.

Теория руководства чтением составляет научную основу всей деятельности библиотеки и разрабатывается совместными усилиями библиотековедения, библиографоведения, информатики и других наук. Интегрирующая роль в ее разработке принадлежит библиотековедению. Поскольку чтение является одним из способов потребления духовной культуры, то руководство чтением представляет собой по существу частный случай управления духовной жизнью общества. Отсюда вытекал вывод о том, что закономерности библиотековедения как науки являются по своей сути вторичными, производными от основных закономерностей теории культуры [16, 38].

Развивая эти положения, В. Р. Фирсов подчеркивал, что если теория культуры дает стратегию становления гармонически развитой личности, то теория руководства чтением — его тактику. В рамках библиотековедения обобщающий характер теории руководства чтением определяется тем, что, описывая способ выполнения библиотекой своей социальной роли, она затрагивает все библиотечные процессы. Исходя из этого он сделал вывод о том, что теория руководства чтением, являясь обобщающей теорией библиотековедения, по отношению к теории культуры представляет ее прикладное направление [53, с. 24–33].

В. Р. Фирсов подчеркивал, что теорию руководства чтением правомерно рассматривать в качестве основной теории библиотековедения.

ния потому, что ее задача — исследование путей формирования все-сторонне, гармонически развитой личности библиотечными средствами. Поэтому, с точки зрения теории культуры, руководство чтением выступает «катализатором культурного процесса». А тот факт, что теория руководства чтением еще не приобрела статуса обобщающей, объясняется, по мнению В. Р. Фирсова, ее недостаточной методологической разработанностью [38, с. 7–14].

В библиотековедческой литературе тех лет указывалось, что руководство чтением следует рассматривать в двух аспектах: социологическом и библиотековедческом. В учебнике «Работа с читателями» отмечалось, что в широком социальном значении термин «руководство чтением» — это направляемая партией и государством система воздействий на содержание и характер массового чтения в целях коммунистического воспитания советских людей. Такое воздействие служит одним из механизмов социального управления духовной жизнью общества и осуществляется с помощью разнообразных каналов и средств, прежде всего путем регулирования процессов издания, распространения и пропаганды печатной продукции. В более узком, библиотековедческом значении термин руководство чтением — это система библиотечного воздействия на содержание и характер чтения, на выбор, восприятие и оценку печатных изданий читателями. Оно осуществляется всей деятельностью библиотек, но наиболее полно реализуется в работе с читателями [64].

Общетеоретическое для библиотековедения значение теории руководства чтением подчеркивали и другие авторы. Так, В. И. Терешин в те годы писал, что «руководство чтением — это не какой-то отдельный метод, форма или способ библиотечной работы, а ее научная основа, принцип» [82, с. 57].

В библиотековедческой литературе подчеркивалось, что, несмотря на то, что чтение представляет собой сугубо индивидуальный процесс, оно является одновременно и целостным социальным явлением, воздействующим на все стороны жизни общества. Выбор книг читателем и критерии оценки прочитанного — это результат общественного влияния. Рассматривая библиотеку как основное звено в системе руководства чтением, библиотековеды указывали на ее существенные преимущества в непосредственном влиянии на духовный мир своих читателей, так как библиотека является местом неформального, ненормированного общения [6].

Основная характерная особенность разработки проблем руководства чтением в этот период заключалась в том, что она рассматривалась прежде всего как проблема идеологическая. В учебнике «Работа с читателями» указывалось, что руководство чтением представляет собой идеологическую деятельность, что оно теснейшим образом связано с агитационно-пропагандистской деятельностью партии и опирается на теорию партийной агитации и пропаганды. Основу советской теории руководства чтением составляет положение о том, что оно служит средством коммунистического воспитания трудящихся [64].

Б. Н. Бачалдин указывал, что задача руководства чтением заключается в том, чтобы «нацеливать на чтение идеологически и научно методологически точных книг». Поэтому он требовал от руководства чтением углубления идеологической направленности [7].

В то же время большинство библиотекведов не отрицало, что руководство чтением является и педагогическим процессом. Так, в учебнике «Работа с читателями» подчеркивалось, что педагогическая функция библиотеки — это функция руководства чтением [64]. Руководство чтением рассматривалось как целостный идеологический и психолого-педагогический процесс [38].

О руководстве чтением как одновременно идейно-воспитательном и психолого-педагогическом процессе писала и Л. Г. Жукова, указывая, что его закономерности как идейно-воспитательного процесса определяются педагогическими принципами, а научная разработка проблем руководства чтением требует тесной связи с педагогикой и психологией. Руководство чтением определялось ею как психолого-педагогический процесс систематического, целенаправленного воздействия на выбор и усвоение прочитанного, наиболее полное и качественное удовлетворение читательских интересов, формирование новых, социально значимых общественных потребностей [23].

В рассматриваемый период были уточнены основные функции руководства чтением:

1. Наиболее полное удовлетворение читательских интересов и потребностей, что предполагает всестороннюю помощь читателям в выборе произведений печати и других документов. Поэтому уже на стадии удовлетворения читательских запросов происходит не пассивное обслуживание, а осуществляется активное влияние на чтение, и поэтому нет оснований противопоставлять помощь читателю и руководство чтением.

2. Формирование новых читательских интересов и потребностей. При этом руководство чтением должно полностью базироваться на принципе добровольности в чтении, самостоятельности читателей.

3. Помощь читателям в формировании навыков самостоятельно выбора книг.

4. Помощь читателям в процессе чтения и восприятия прочитанного.

5. Содействие повышению продуктивности чтения [38].

Следует заметить, что последняя функция не всеми библиотековедами признавалась как свойственная руководству чтением в библиотеках. Так, в вышедшем в свет в конце рассматриваемого периода «Справочнике библиотекаря» в перечне функций руководства чтением эта функция отсутствовала [74].

Положение о том, что руководство чтением составляет основу, сущность библиотечной деятельности, а его теория имеет общетеоретическое значение для библиотековедения, не являлось общепризнанным и утверждалось в дискуссиях с попытками ограничить его значение, рассматривать только как один из методов работы с читателями. Так, в учебнике «Работа с читателями» отмечалось, что, хотя вопрос о соотношении руководства чтением и информационного обеспечения читателей различных групп в библиотеках разного типа и является дискуссионным, авторы учебника полагают, что основное содержание работы с читателями составляют два взаимообусловленных и взаимопроникающих направления: руководство чтением и информационная деятельность [64].

Можно заметить, что позиция авторов учебника по отношению к руководству чтением противоречива. Рассматривая руководство чтением и информационное обслуживание как два самостоятельных направления в деятельности библиотеки, они в то же время подчеркивали, что информационное обслуживание, как и все остальные направления деятельности библиотеки, базируется на принципах руководства чтением, что информационная работа тоже направлена не только на удовлетворение существующих потребностей, но и на формирование новых интересов и носит воспитательный и пропагандистский характер. Такие противоречия объясняются, прежде всего, тем, что у авторов учебника не было, к сожалению, единой точки зрения на руководство чтением.

Критикуя такой подход, В. И. Терешин указывал, что, в конечном счете, и информационная деятельность выступает как форма руководства чтением [82].

Д. Е. Шехурин видел задачу научно-технических библиотек в возвышении информационных потребностей, в том, чтобы пробуждать и воспитывать новые, социально значимые потребности, целенаправленно регулировать и корректировать профессиональные читательские интересы, управлять ими [18, с. 3–21].

А. Н. Ванеев также полагал, что информационное обслуживание в библиотеках базируется на принципах руководства чтением, что в процессе информационного обслуживания осуществляется активное влияние на содержание и характер чтения, формируются запросы и интересы, создается определенная система чтения, т. е. осуществляется руководство чтением [38, с. 19].

Об этом же писал и В. Р. Фирсов, подчеркивая, что признание обобщающего характера руководства чтением расширяет его традиционное понимание только в русле воспитательной функции библиотеки. Выполнение библиотекой информационной функции также способствует формированию в читателе всесторонности, а значит, требует руководства чтением. Поэтому именно теория руководства чтением как обобщающая должна обеспечить тесное взаимодействие воспитательной и информационной функций [38].

Однако и в этот период некоторые библиотковеды продолжают рассматривать руководство чтением, по выражению А. Н. Хропача, как «частный библиотечный процесс». Он считал, что сущность библиотечного дела выражается в двух направлениях: руководство чтением и организация библиотечного дела (создание библиотек, формирование и изучение читательских контингентов) [97]. Любопытно, что здесь изучение читателей отделено от руководства чтением.

В. И. Терешин критиковал позицию Ю. Н. Столярова, который в своей монографии [78] отрицал положение, что руководство чтением составляет сущность библиотечного процесса, указывая, что такой сущностью является любой элемент системы «библиотека», например, работа с фондом. В. И. Терешин подчеркивал, что руководство чтением и работа с фондом — отнюдь не однопорядковые элементы, так как руководство чтением лежит в основе работы с фондом, придает ей направленность. Он был не согласен и с тем, что термины «руко-

водство чтением», «работа с читателями», «обслуживание читателей» Ю. Н. Столяров рассматривал в одном ряду, и отдавал предпочтение термину «обслуживание читателей». В. И. Терешин полагал, что понятие «руководство чтением» выходит из этого ряда, пронизывая всю работу с читателями и обслуживание абонентов, выступая неотъемлемым качеством обоих процессов. Он указывал, что связи библиотекаря и читателя свособразны. Читатель идет в библиотеку за нужной информацией. В деятельности же библиотекаря руководство чтением «запрограммировано, целенаправленно и осуществляется квалифицированно». Поэтому библиотекарю принадлежит «приоритет в руководстве чтением». В связи с этим он подчеркивал, что «сегодня можно и нужно оптимально управлять чтением. Целенаправленно влиять на выбор читателями источников информации, на процесс их использования и восприятия» [82, с. 58].

В библиотековедческой литературе подчеркивалось особое значение для руководства чтением принципа самостоятельности читателя, т. е. создания таких условий, которые позволяют читателю самому выбирать направление и систему чтения, формировать свои читательские интересы [64]. Так, В. И. Терешин указывал, что библиотекарь должен не подавлять инициативу и самостоятельность читателя, а помогать ее выражению, направляя и развивая ее. В результате этого в библиотеке создается особая «педагогическая среда», когда «читатель – сам руководитель своего чтения» в условиях опосредованного влияния на него библиотеки [82, с. 59].

Однако такое понимание руководства чтением лишь как опосредованного воздействия принималось не всеми библиотековедами. Так, Ю. М. Тугов и Л. И. Галинкин указывали, что читатель является объектом воспитательного воздействия библиотекаря, который при помощи имеющихся в его распоряжении библиотечно-библиографических средств воспитывает культуру чтения [88].

Среди проблем общения библиотекаря и читателя следует отметить также разработку в эти годы проблемы принятия решений в руководстве чтением [15]. Она получила положительную оценку в библиотечной печати. И. И. Ганицкая в обзоре литературы по проблемам пропаганды книги и руководства чтением особо выделила разработанный А. Н. Ванесвым положения о системном характере общения библиотекаря с читателем. Она подчеркивала, что теоретическая разработка проблемы принятия решений в руководстве чте-

нием подтверждает, что процесс индивидуального руководства чтением как системное явление может быть подвергнут анализу и синтезу [57].

Важные теоретические выводы были сделаны также в результате исследования эффективности методов руководства чтением молодежи, проведенного под руководством Б. В. Банка. Среди них теоретическое положение об общении библиотекаря и читателя как основе руководства чтением, о закономерной связи эффективности руководства чтением с уровнем библиотечно-библиографической подготовки читателей и др. [106]. С. Г. Матлина отмечала, что это исследование имеет особое значение для построения научно обоснованной классификации средств руководства чтением [42].

В библиотекведческой литературе подчеркивалось, что управление духовной жизнью общества, в том числе чтением, — это объективная реальность, существующая вне воли и желания отдельных библиотекведов. Поэтому более плодотворными представляются попытки отрицать руководство чтением или ограничивать его значение, а поиск наиболее эффективных путей его осуществления разными средствами библиотечного воздействия, в библиотеках разного типа, по отношению к различным группам и категориям читателей [38, с. 36].

В. И. Терешин подчеркивал, что руководство чтением охватывает всех читателей и реализуется в различной степени многими коммуникативными учреждениями. Его цель — управление массовым чтением в стране. Неотъемлемой частью такого управления является библиотечное руководство чтением, которое проявляется во всех библиотеках, во всех процессах библиотечной работы при обслуживании отдельных категорий читателей, распространении информационных материалов [82].

Поскольку проблемы чтения и управления им выходят за рамки библиотекведения, в эти годы выдвигаются предложения о разработке комплексной «теории чтения». Ее главную задачу О. С. Чубарьян видел во всестороннем анализе книжного обращения и массового чтения в обществе. Он рассматривал теорию чтения как социологическую дисциплину, так как, хотя она и учитывает индивидуальный характер чтения, оно понимается прежде всего как массовое общественное явление, непосредственно влияющее на все стороны жизни личности и общества. Поэтому задачей теории чтения является социальный ана-

лиз проблем чтения, выявление механизмов социально-психологических отношений человека с книгой. О. С. Чубарьян рассматривал теорию чтения как целостный научный комплекс, синтезирующий факты и выводы, полученные при исследовании различных аспектов чтения. Определяя структуру этой комплексной дисциплины, он выделял в ней общую теорию, осуществляющую синтезирующую роль; социологию чтения; психологию чтения; педагогику чтения [103].

Таким образом, в рассматриваемый период, особенно после выхода постановления ЦК КПСС «Об усилении идеологической, политико-воспитательной работы» (1983 г.), руководство чтением стало рассматриваться как основной путь реализации идеологической функции библиотеки. Усиление внимания к идеологической стороне руководства чтением привело к тому, что его педагогическим аспектам не уделялось должного внимания. По этой же причине в эти годы в библиотковедческой литературе почти нет утверждений, полностью отрицающих руководство чтением, так как это могло быть расценено как отрицание идеологической функции и принципа партийности в библиотечном деле.

1.6. Разработка учения о библиотечном деле

В рассматриваемый период продолжалась разработка круга проблем, совокупность которых можно характеризовать как учение о библиотечном деле.

Важнейшим направлением было исследование проблем построения и функционирования единой библиотечной сети. Оценивая теоретическое значение разработки этих проблем, Н. С. Карташов отмечал: «Единая библиотечная сеть выросла в ключевую комплексную проблему, всестороннее исследование, теоретическое обоснование которой составляет одну из важнейших задач советского библиотковедения. Отсюда — анализ сущности, истории развития, современных тенденций и проблем организации единой библиотечной сети, механизма ее функционирования» [51, с. 38].

Крупным шагом в разработке теории библиотечного обслуживания населения (хотя автор и не применял этого термина) явилась монография В. В. Серова [68]. Наиболее важной теоретической пробле-

мой библиотековедения он считал разработку принципов и направлений создания единой системы библиотечно-библиографического обслуживания населения, производства и науки; рассматривал ее как основу решения всех остальных вопросов библиотечного дела; считал проблему совершенствования системы библиотек самостоятельным направлением библиотековедения.

Единую систему библиотек В. В. Серов определял как совокупность постоянно взаимодействующих сетей библиотек разных типов и видов, объединенных общностью задач и принципов размещения, централизованным руководством, имеющих свои специфические особенности и предназначенных для дифференцированного обслуживания книгой различных групп читателей. Особое внимание В. В. Серов уделял централизации библиотечной сети как объективной необходимости перестройки библиотечного обслуживания в связи с изменениями в социально-культурной жизни страны и ростом духовных потребностей населения. Централизация библиотечной сети рассматривалась им как качественно новый этап в развитии библиотечного дела, как объективная закономерность, обусловленная необходимостью приведения уровня библиотечного обслуживания в соответствие с возросшими потребностями читателей [66].

Другим важным направлением учения о библиотечном деле была научная разработка проблем взаимодействия библиотек. Н. С. Карташов подчеркивал, что взаимодействие — это общая закономерность развития библиотечного дела, без изучения которой нельзя понять ни развития, ни структуры, ни процесса функционирования библиотечной системы в целом.

Разработка Н. С. Карташовым концепции взаимодействия библиотек как объективной закономерности их развития на всех этапах истории библиотечного дела, существенного методологического принципа познания его свойств и законов, явилась новым перспективным направлением в развитии теории и практики библиотечного дела. Особенно ценным было то, что Н. С. Карташов выявил закономерности, определяющие функционирование целостных библиотечных систем, пропорциональное развитие библиотечных ресурсов и оптимальное управление ими, критерии эффективности системы библиотек. Им были разработаны теоретические основы формирования библиотечно-территориальных комплексов; определены сущность и особенности библиотечной интеграции как высшего этапа

взаимодействия библиотек; обоснована методология комплексного планирования библиотечных ресурсов [35].

В эти годы анализируются социально-экономические, демографические и региональные предпосылки формирования единой библиотечной сети. Н. С. Карташов указывал, что важной закономерностью развития библиотечного дела является планомерность, которая служит средством сознательной организации использования других закономерностей развития библиотечного дела, в частности соответствия библиотечных ресурсов характеру и уровню информационных (читательских) потребностей [31]. Он полагал, что создание единой библиотечной сети — это планомерно направляемый процесс взаимодействия библиотек разных типов и ведомств, ведущий к формированию целостной библиотечной системы, развивающейся на базе единой теории и методики. Для построения единой библиотечной сети, с его точки зрения, необходимо:

1. Обеспечить внутреннее функциональное единство, взаимодействие и целостность библиотек и ведомственно-отраслевых сетей как компонентов единой библиотечной сети.

2. В процессе перехода к единой библиотечной сети должны утверждаться новые интеграционные, системные качества.

3. Создать механизм управления единой библиотечной сетью.

Н. С. Карташов считал, что развитая, зрелая библиотечная сеть, располагая огромными библиотечными ресурсами, приобретает новые черты — способность развиваться целостно и комплексно, своевременно разрешать возникающие противоречия, прежде всего противоречие между ростом читательских потребностей и библиотечных ресурсов, с одной стороны, и организацией их удовлетворения и использования, с другой. Целостность и комплексность становятся закономерностью развития библиотечного дела [32].

Особенно большое значение имела разработка региональных проблем библиотечного дела. Н. С. Карташов подчеркивал, что в нашей стране территориальные факторы в значительной мере определяют конкретные особенности истории, современного состояния и будущего развития библиотечного дела. Размещение библиотечных ресурсов он рассматривал как важнейшую исходную позицию научного планирования и организации библиотечного дела. Н. С. Карташов отмечал, что проблема территориальной организации библиотечного дела имеет комплексный характер, и для ее успешного ре-

нения требуется развитие науки о размещении библиотечных ресурсов [29].

Н. С. Карташов считал важнейшей региональной проблемой библиотекведения постепенное сближение и выравнивание уровней библиотечного обслуживания регионов. Он отмечал тенденцию к равномерному развитию библиотечных ресурсов, к выравниванию уровней библиотечного развития на основе закона плапомерной пропорциональности [31]; рассматривал его как объективный исторический процесс совершенствования библиотечной системы. Он отмечал, что пройдет определенное время, пока не будет преодолена существенная разница в уровнях библиотечного развития и не появится возможность говорить о законе равномерного развития библиотечного дела. Поэтому Н. С. Карташов справедливо полагал, что необходим систематический сравнительный анализ библиотечного развития регионов и разработка соответствующих рекомендаций, направленных на наиболее полное удовлетворение читательского спроса и использование библиотечных ресурсов. В этой связи он указывал на важность разработки системы показателей выравнивания уровней библиотечного обслуживания, которые должны строиться с учетом полного удовлетворения читательских интересов (информационных потребностей) и использования библиотечных ресурсов, под которыми он понимал комплекс параметров, характеризующих способность библиотечной системы решать современные и будущие проблемы обеспечения потребностей в библиотечно-библиографической информации (обеспеченность фондами, кадрами, библиографическая и материально-техническая обеспеченность, оптимальность организации библиотечной системы) [33].

Исследование региональных проблем библиотечного дела привело к формированию нового направления библиотечной науки, названного Н. С. Карташовым «региональным библиотековедением». При этом он отмечал, что региональное библиотековедение не может быть украинским, молдавским или сибирским. Оно исследует общее и особенное в развитии библиотечного дела разных регионов. Региональные исследования библиотечных ресурсов должны опираться на общebiблиотечные закономерности. По его мнению, суть региональных библиотечных исследований в их нацеленности на выявление особенностей действия объективных (общих) библиотечных закономерностей (тенденций) в условиях конкретных регионов [58, с. 5–23].

1.7. Проблемы типологии и терминологии в библиотековедении

Предметом активной разработки и дискуссий были в эти годы проблемы типологии библиотек. На страницах сборника «Научные и технические библиотеки СССР» развернулась дискуссия по этой проблеме. Начатая статьей Т. Ф. Каратыгиной «Что такое специальная библиотека?» [28], она охватила не только вопросы типизации специальных библиотек, но и широкий круг методологических проблем типологии.

В статьях М. К. Вильяотс, Т. Ф. Каратыгиной, И. М. Фрумина и других авторов было показано развитие и современное состояние разработки проблем типизации библиотек. Так, И. М. Фрумин отмечал, что цель классификации библиотек заключается в том, чтобы выявить общее и несхожее в их многочисленных группах, установить связи и соотношения, соподчиненность и иерархию библиотек. Рассматривая проблемы типологии библиотек, он указывал на сложность их разработки, обусловленную тем, что однозначно классифицировать библиотеки и найти их точное терминологическое обозначение весьма трудно в связи с изменением социальных функций библиотек. С течением времени меняются содержание и облик библиотеки, появляются новые виды, что требует соответствующих корректив в их классификации и наименованиях.

В ходе дискуссии И. М. Фруминым был обоснован важный методологический вывод о том, что вопросы типологии нельзя решать без системно-комплексного анализа, без рассмотрения всех видов библиотек как звеньев единого целого, объединенных прямыми, косвенными и перекрещивающимися связями. Он отмечал, что типизация библиотек, т. е. определение их типобразующих признаков, требует использования методов статистики и научной систематизации [95].

Важным методологическим требованием к типизации библиотек было предложенное М. К. Вильяотс использование единой методики, позволяющей четко и однозначно определять место и структуру объектов в их классификации. Важнейшим итогом дискуссии явился вывод о том, что выявить ведущие признаки различных типов и видов библиотек возможно лишь методом многомерной классификации, позволяющей разрабатывать все возможные варианты группировки библиотек [19].

Однако о пределах применения этого метода не было достигнуто однозначного представления. Так, И. М. Фрумин полагал, что он может быть использован лишь при характеристике низовых объектов типизации и непригоден для описания свойств библиотек верхнего уровня деления — род, тип и т. д. Поэтому Фрумин, не отвергая метода многомерной классификации, считал необходимым использовать и типизации библиотек и «классический» метод классификации, основанный на последовательном делении совокупности объектов на классы, подклассы, типы, виды и т. п. [95].

М. К. Вильяотс, не отрицая возможности типизации библиотек на основе «классического» метода, в то же время совершенно справедливо, с нашей точки зрения, отмечала, что использование многомерной классификации является более предпочтительным, поскольку тип библиотеки не может быть определен каким-либо одним признаком, так как она представляет собой систему, объединяющую разнообразные и разнородные процессы. Обосновывая многомерную классификацию библиотек, она отмечала, что для использования этого метода важно установить круг не зависящих друг от друга признаков, характерных для всех библиотек, но имеющих особенности в зависимости от конкретных вариантов их сочетаний с другими признаками. Сходство совокупности этих признаков в их одинаковом проявлении и служит критерием определения вида библиотеки [19].

Л. З. Амлинский, поддерживая предложения М. К. Вильяотс об использовании для типологии библиотек многомерной классификации, указывал, что ее применение позволяет определить место библиотеки в n -мерном пространстве признаков и исключает необходимость отнесения каждой библиотеки, обладающей весьма сложными сочетаниями параметров, к той или иной группе в рамках однолинейной иерархической классификации [3].

Однако идея многомерной классификации библиотек не была поддержана всеми участниками дискуссии. Так, А. Я. Черняк обвинил сторонников многомерной классификации в плюрализме и отстаивал «монистический» подход. Он полагал, что в основе классификации должен лежать один типобразующий признак, по которому и следует классифицировать библиотеки. В качестве такого признака А. Я. Черняк предлагал «социальное значение» библиотеки или «характер чтения»: профессиональное, непрофессиональное, и соответственно этому два типа библиотек: массовые и специальные [101].

Не отрицая важности этого признака, следует подчеркнуть, что его абсолютизация привела, например, к тому, что областные и крупнейшие городские библиотеки отнесены А. Я. Черняком к специальным библиотекам. Профсоюзные библиотеки, библиотеки для слепых могут, по его мнению, относиться и к массовым, и к специальным библиотекам в зависимости от того, какое чтение — профессиональное или непрофессиональное — преобладает в конкретной библиотеке. Не больше четкости у А. Я. Черняка и при дифференциации специальных библиотек. Например, вузовская библиотека может быть, по его мнению, отнесена и к научным, и к учебным, и к учебно-научным. Таким образом, библиотеки, выполняющие одни и те же функции содействия учебно-воспитательному процессу и научно-исследовательской работе, оказывались в разных «классах» (по терминологии А. Я. Черняка) библиотек.

Итоги дискуссии по типологии библиотек были подведены С. В. Петровой. Можно полностью согласиться с ее выводом о том, что критерий «преимущества», т. е. преобладания того или иного направления в работе библиотек, ненаучен потому, что невозможно хотя бы приближенно очертить границы его влияния. На деле он позволяет относить те или иные библиотеки к массовым или специальным в зависимости не от объективных, а от субъективных моментов [50].

Возможные принципы типизации библиотек были предложены также И. П. Осиповой. По ее мнению, в основу типизации должен быть положен характер общественных информационных потребностей. Основной принцип типизации библиотек она связывала с главными тенденциями развития науки — интеграцией и дифференциацией. При классификации в соответствии с направленностью деятельности библиотек на удовлетворение потребностей в интегральных или специальных знаниях она выделяла два типа библиотек: универсальные и отраслевые (специальные). Первые ориентированы на удовлетворение потребностей в интегральных знаниях, отраслевые — в специальных. Этот признак она соотносила с воспитательными и образовательными задачами, решению которых способствует библиотека. Универсальные библиотеки оказывают комплексное содействие всестороннему гармоническому развитию личности, отраслевые библиотеки — всемерному расширению профессиональных знаний.

Второй принцип типологического деления библиотек отражает, по ее мнению, основные объекты их деятельности и логически связан с региональным и ведомственным принципами управления. По этому принципу тип универсальных библиотек она делила на два вида: библиотеки общегосударственного, республиканского и регионального уровня и ведомственные библиотеки (Академии наук, университетов, профсоюзов и др.). Соответствующим образом на региональные и ведомственные делятся и отраслевые библиотеки. И. П. Осипова считала сомнительной необходимость в качестве принципа типизации использовать критерий научности. Мотивировала она это тем, что научные библиотеки работают не только на науку, но и на производство [49].

В конце периода проблема типологии библиотек была рассмотрена Н. С. Карташовым. Он считал, что главным типообразующим признаком является социальное назначение библиотеки, что диктует необходимость функционального подхода к типологии библиотек. Сочетание в информационных потребностях и читательских интересах комплексной и узкоспециальной тематики приводит его к правомерной типологии библиотек в связи с дифференциацией и интеграцией, чему соответствуют два основных типа библиотек — универсальные и специальные.

Н. С. Карташов указывал, что универсальные библиотеки являются ведущим звеном в единой библиотечной системе. Их типологические черты: комплексность, органическая взаимосвязанность основных функций; универсальность фондов и СБА; региональная направленность деятельности; выполнение координационных функций библиотечного обслуживания определенных территорий.

Основным типообразующим признаком специальных библиотек является удовлетворение информационных потребностей, связанных с научной, производственной, учебной деятельностью. Вторичным признаком специальных библиотек является характер обслуживаемого общественного производства: производственные, научные, учебные. Н. С. Карташов отмечал тенденцию сближения специальных библиотек с органами НТИ. Оценивая ее положительно, он подчеркивал, что это не должно вести к отрыву специальных библиотек от библиотечной системы страны [34].

Наряду с общими проблемами типологии библиотек в эти годы большое внимание уделялось типологической характеристике отдель-

ных типов, в частности национальной библиотеки, что объяснялось отсутствием однозначного определения понятия «национальная библиотека», характеристики ее основных функций и задач.

В решении этой проблемы большое значение имело проведенное Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина при участии национальных библиотек социалистических стран сравнительное международное исследование «Типологические особенности национальной библиотеки в развитом социалистическом обществе». Его целью явилось определение на основе системного подхода типологических особенностей национальных библиотек, выявление общего и специфического в их деятельности, уточнение понятия «национальная библиотека» и создание прогностической концепции развития национальной библиотеки [96].

Значительное внимание уделялось уточнению содержания понятий «центральная библиотека» и «библиотечный центр». И. П. Осипова включала эти понятия в число «ключевых» в библиотековедении. Под «библиотечным центром» она понимала библиотеку, осуществляющую координационные и организационно-методические функции по отношению к другим библиотекам. Понятия «библиотечный центр» и «центральная библиотека» соотносятся, по ее мнению, между собой как часть и целое. Библиотечный центр организует взаимодействие по отдельному направлению (одному или нескольким) деятельности библиотек. Центральная библиотека является организационно-методическим и координационным центром по всем основным направлениям своей деятельности в масштабе региона или отрасли.

И. П. Осипова предложила «иерархический и системный подход» к функциональной характеристике центральных библиотек, рассмотрев его применительно к государственным библиотекам союзных республик. Среди многочисленных функций центральных библиотек она выделила две, назвав их комплексными:

1. Органичное сочетание во всех сферах деятельности функций содействия национальной экономике и культуре с широкой пропагандой научных и культурных достижений других народов в целях их взаимообогащения. Для региональных библиотек другого уровня — это сочетание региональных и общегосударственных аспектов во всех сферах библиотечного дела.

2. Организация межбиблиотечного взаимодействия в целях реализации всех функций библиотеки [49].

Другой проблемой, обсуждавшейся в те годы, был вопрос о статусе массовой библиотеки. Так, В. В. Серов указывал на несостоятельность взгляда на массовую библиотеку только как на учреждение, организующее просветительное непрофессиональное чтение. Он считал традиционное деление библиотек по назначению на два типа — массовые и научные и специальные — условным, так как массовые библиотеки обслуживают и профессиональные запросы, а научные и специальные — выполняют и идейно-воспитательную функцию. Он полагал, что ЦБС в будущем по функциям значительно приблизятся к научным универсальным библиотекам. Поэтому В. В. Серов предлагал выделять два типа библиотек: универсальные и специальные, которые по ряду признаков (ведомственной принадлежности, месту в библиотечной системе, читательскому назначению) подразделяются на виды [68].

Н. С. Карташов также считал, что ориентация на массового читателя не может быть принята в качестве типологического признака, и подчеркивал сближение функций массовых и научных библиотек, превращение массовой библиотеки в разновидность более широкой группы универсальных библиотек. Он отмечал, что этот процесс стал особенно активен в связи с централизацией библиотечной сети. Превращение ЦБС в крупное библиотечное учреждение универсального профиля меняет традиционное представление о массовой библиотеке, сближает ее с библиотеками, обслуживающими науку и производство [34].

И. П. Осипова также полагала, что только широчайшая общедоступность массовых библиотек позволяет сохранять за ними это название. Однако, учитывая перспективные тенденции развития библиотечного дела, этот аргумент представлялся ей неубедительным. Сохраняющиеся различия в возможностях использования читателями библиотек разных типов и видов не могут служить, по ее мнению, основанием для их разделения на научные и массовые. И. П. Осипова рассматривала ЦБС как новый тип библиотечного учреждения, который с трудом укладывается в традиционные представления о массовой библиотеке. По ее мнению, ЦБС — универсальная библиотека, содействующая общему образованию читателей, развитию науки и производства, которую поэтому нельзя противопоставить научной библиотеке [49].

Большое внимание в рассматриваемый период привлекали также проблемы типологии читателей. Внимание к этим проблемам было связано с тем, что к тому времени не была создана единая научно

обоснованная типология читателей и существовало множество критериев, на основе которых строились различные классификации. Имеющиеся классификации характеризовались различием в критериях, которые положены в основу разделения читателей, и полной их несопоставимостью [38].

Об этом, в частности, свидетельствует их перечень, приведенный Т. В. Петрусенко: характер выполняемой работы, содержание труда, род занятий, должностное положение, служебные функции, специализация, специализация, отрасль, область деятельности (область занятости в общественном производстве), преобладающие мотивы чтения, эвристические способности человека, взаимодействие первой и второй сигнальных систем, культура чтения, уровень сознательности и творческой активности, стадии социализации индивида, его интеллектуального развития в процессе овладения объектами познавательной деятельности, тезаурус специалиста, функциональное разделение труда, род функциональной деятельности, цели чтения, роль в производстве, характер читательских запросов, широта принимаемых решений, уровень образования, классификация кадров промышленности и т. п. Оценивая эти различные варианты классификаций, Т. В. Петрусенко отмечала, что их характеризуют различия в критериях, которые положены в основу разделения читателей, и полная несопоставимость получаемых классификаций [43, с. 60–66].

В эти годы прошла дискуссия по проблемам типологии читателей, начатая статьей Ю. С. Зубова. Автор подчеркивал, что важной задачей типологии является осмысление общих универсальных принципов классификации читателей, и полагал, что существует прямая зависимость между уровнем образования, кругом читательских интересов и культурой чтения. Исходя из этой установки, Ю. С. Зубов предложил принцип классификации читателей по уровням образования (уровням познавательной деятельности), оговариваясь при этом, что на практике фактор образования как базовый почти не выступает изолированно. Ему сопутствуют возрастной, профессиональный и общекультурный факторы [24].

Концепция Ю. С. Зубова явилась предметом дискуссии. В ходе ее отмечалось, что интеллектуальная социализация личности как основа развития индивида не может быть основным критерием для классификации читателей, так как отражает лишь одну из сторон духовного развития человека. И. И. Тихомирова констатировала, что в

классификации, предложенной Ю. С. Зубовым, не учитываются культура человека, его творческий потенциал, эмоциональная и нравственная сфера [85].

Внимание библиотекведов было направлено на осмысление общих универсальных принципов классификации читателей. Так, С. А. Трубников подчеркивал, что для построения научно обоснованной общей классификации читателей необходима система признаков, объединенных в едином системном понятии, и в качестве одного из таких признаков предлагал культуру чтения [86].

Эти положения были развиты Ю. М. Туговым и А. П. Куликовой, которые подчеркивали, что составляющие понятия «культура чтения» (направленность чтения, выбор книг и процесс восприятия и усвоения прочитанного) являются критериями читательской дифференциации. Они предлагали строить классификацию читателей, исходя из двух соотносимых уровней культуры чтения — реального и идеального (планируемого). Совокупность признаков культуры чтения, выделенных при сопоставлении этих уровней, составит тот или иной тип культуры чтения, а соответственно, и тип читателя [89].

Перспективным для развития проблем типологии читателей был вывод о том, что при осмыслении такого многофакторного явления, как читательская аудитория, неправомерно говорить о единственном или преобладающем подходе к типизации. Нужна многомерная классификация читателей [41].

Свою типологию читателей в зависимости от уровня культуры чтения и запаса политических, общенаучных и специальных знаний предложил В. И. Терешин:

I тип — читатели с общим средним образованием, имеющие незначительный опыт чтения и пользования библиотекой.

II тип — активные читатели, овладевшие системой вспомогательных библиотечно-библиографических средств выбора литературы (в основном учащиеся средней и особенно высшей школы, лидеры чтения и т. п.).

III тип наиболее квалифицированные читатели, имеющие большой опыт чтения, хорошо ориентирующиеся в библиотеке, способные регулировать свое чтение, руководить им.

По концепции В. И. Терешина, для первой группы библиотекарь — «наставник», для второй — «советчик», для третьей — «сотрудник» [82].

Таким образом, проблемы типологии читателей В. И. Терешин связывал, прежде всего, с разработкой теоретических и практических задач руководства чтением. Это обстоятельство отмечали и другие авторы. Так, Б. А. Смирнова полагала, что разработка читательской типологии позволит создать обобщенные портреты членов каждой читательской группы. Благодаря этому можно будет руководить чтением, хорошо зная особенности читателей, а значит и более эффективно [70].

Вместе с тем библиотековеды тех лет критически оценивали состояние теоретической разработки типологических проблем. Так, Н. Е. Добрынина, Л. Г. Жукова и Е. Е. Троицкая констатировали, что отсутствие строгих теоретических концепций, смешение различных принципов и оснований в подходах к типологии чрезвычайно осложняют возможность практического применения предлагаемых признаков типизации для дифференцированного обслуживания читателей. Поэтому необходимо установить исходный признак, отражающий сущность воздействия на чтение, и разработать «базисную классификацию читателей, учитывающую данные социологии, психологии и педагогики чтения» [22, с. 24].

В ходе дискуссий подчеркивалось, что проблема типологии читателей важна не только для решения теоретических и практических задач руководства чтением (в этом плане она может рассматриваться как составная часть теории руководства чтением), но и имеет более общее методологическое значение, ибо на ее основе разрабатываются проблемы дифференцированного построения сети библиотек, обслуживания различных читательских групп и категорий, формирования библиотечных фондов, пропаганды книги, информационного обслуживания и т. п. Поэтому при всей внешней самостоятельности и независимости проблем типологии библиотек и читателей в их разработке отчетливо прослеживается общее, которое заключается в методологическом подходе к проблемам типологии в библиотековедении, основанном на представлении о том, что проблемы типизации его объектов могут быть решены только на основе применения методов многомерной классификации. Практическое решение этой задачи связано с использованием в этих целях таксономических методов и многомерной обработки исходных данных с помощью ЭВМ и является одной из актуальных и перспективных задач библиотековедения [14].

При разработке проблем типологии подчеркивалась их связь с проблемами терминологии. Эта взаимосвязь отчетливо прослеживалась в дискуссии о типологии библиотек. Начатая в терминологическом плане с уточнения содержания понятий «специальная», «научная», «техническая» библиотека, она переросла в дискуссию по типологии библиотек. Рассматривая итоги дискуссии, С. В. Петрова подчеркивала важность исследований, связанных с выявлением и определением терминов, отражающих сущность каждой разновидности библиотек, и упорядочением употребления их наименований [50].

В библиотековедческой литературе подчеркивалось значение научной разработки проблем библиотечной терминологии, что объяснялось рядом факторов: укреплением социальной роли библиотечного дела и соответственно библиотековедения, усложнением их понятийного аппарата и появлением новых теоретических концепций, необходимым сотрудничеством специалистов в условиях многонационального государства и на международном уровне, разработкой автоматизированных информационно-поисковых систем, требующих четкости и однозначности профессионального языка [20].

В эти годы разработка теоретических проблем библиотечной терминологии шла в следующих основных направлениях: анализ ее состояния; определение общих свойств и специфических особенностей; упорядочение общей библиотечной терминологии и ее стандартизации; выработка научных унифицированных дефиниций, раскрывающих значение каждого термина; построение системы терминов. В работах по терминологии рассматривались современные методы анализа терминов и терминосистем (логические, семиотические, системные), вопросы мотивированности, многозначности, синонимии, анонимии, автономии терминов в области библиотечного дела [59].

Терминологический анализ как один из методов библиотековедческих исследований рассмотрел В. С. Крейденко, который отмечал, что упорядочение терминологии библиотековедения, превращение ее в субординированную и координированную систему требует специальных исследований. Он подчеркивал, что метод терминологического анализа открывает большие возможности для выявления сущности и смысловой значимости библиотечного термина путем применения принципов развития (исследование истории его возникновения и существования) и связи (раскрытие взаимодействия с другими термина-

ми, установление его роли в понятийном аппарате библиотековедения, места в группе родственных терминов) [55, с. 42–61].

Самостоятельным направлением, которое начало формироваться в рассматриваемый период, явилась стандартизация библиотечной терминологии. Ее главную задачу видели в обеспечении однозначности терминологии библиотечного дела, выработке научных унифицированных дефиниций, раскрывающих значение каждого термина. В библиотековедческой литературе подчеркивалось, что стандартизация терминологии связана, в первую очередь, со строгим отбором, анализом терминов, их систематизацией и классификацией, т. е. стандартизация имеет своей целью создание научной систематизированной терминологии [59]. Важным событием в упорядочении терминологии явилось утверждение ГОСТа 7.26–80 «Библиотечное дело. Основные термины и определения» [10].

1.8. Методологические проблемы библиотековедения

В отечественном библиотековедении значительное внимание уделялось рассмотрению проблем методологии библиотечной науки как относительно самостоятельного ее раздела.

Вопросы методологии относились к числу наиболее сложных проблем. В библиотековедении отсутствовало, прежде всего, единое толкование понятия «методология библиотековедения». В рассматриваемый период А. Н. Ванеевым была предпринята попытка определить методологию библиотековедения как учение о принципах построения, формах и способах научного познания объекта библиотечной науки. Это определение показывало, что методология библиотековедения имеет не только научно-познавательное, но и прямое практическое значение для исследования библиотечных явлений и процессов. Она вооружает исследователя средствами, обеспечивающими наиболее эффективное, быстрое и достоверное получение результатов научного исследования. Вместе с тем была подчеркнута особая методологическая роль библиотечной теории в преодолении субъективизма в оценке явлений библиотечной практики [56, с. 30–48].

Ядро методологии — учение о методах. В разработку теории методов библиотековедения значительный вклад внесло издание моно-

графии «Библиотекведческие исследования. Методология и методика» [9]. В ней впервые была систематизирована и изложена методика научно-исследовательской работы в области библиотечного дела. Вместе с тем выход в свет монографии имел и большое теоретическое значение, так как привлек внимание библиотечной общественности к проблемам методологии библиотековедения.

Коллективная монография получила положительную оценку в печати. Вместе с тем в рецензиях указывалось, что рассмотрение в ней вопросов о взаимосвязях библиотековедения с другими науками излишне, поскольку, как считал, например, Н. С. Карташов, эти проблемы лишь отдаленно связаны с методологией и методикой конкретных научных исследований [30]. Ю. Н. Столяров также полагал, что отнесение вопроса о предмете библиотековедения к методологическим несостоятельно, так как основное отличие методологии от теории состоит в том, что первая представляет собой учение о методе научного познания безотносительно к его предмету [79].

Это положение представляется весьма спорным, так как выбор методов не только связан с объектом и предметом исследования, но прямо зависит от них. Именно объектом и предметом исследования определяется та система методов, которая является необходимой и достаточной для их изучения.

Интересные, хотя и спорные соображения, были высказаны Г. К. Пузиковым в статье «О методологии советского библиотековедения». Проблемы методологии библиотековедения автор сводил к проблеме использования в нем методов других наук и отрицанию наличия у него своих собственных. Говоря о применении к исследованию системного объекта библиотековедения методов других наук, автор считал, что их использование не имеет какого-либо заметного отличия от применения этих методов в других науках. Этим самым, по существу, игнорировалась специфика объекта библиотековедения, его отличие от объектов других наук. Г. К. Пузиков пришел к выводу, что специфический метод библиотековедения — это метод комплексного применения методов различных наук. Именно этим, по мнению автора, обуславливается то, что библиотековедение является «особой наукой» [63].

Не приходится отрицать комплексный подход как один из важнейших методологических принципов библиотековедения. Но этот принцип широко используется в науке вообще и не является специ-

фичным только для библиотековедения. Поэтому использование в библиотковедении методов разных наук само по себе не может служить доказательством того, что оно является самостоятельной наукой.

В учебном пособии В. С. Крейденко «Библиотечные исследования: научные основы» характеризовались методология исследовательского труда, важнейшие методы сбора информации, особенности всех этапов НИР, возможности внедрения достижений науки в практику библиотек. Рассматривая систему методов в библиотечной науке, он отмечал, что библиотековедение в процессе своего развития использует общенаучные методы и постоянно вырабатывает и продолжает создавать специальные методы исследования. Он подчеркивал, что некоторые из них (например, анализ читательских автобиографий, отзывов на книги и др.) используются другими науками — теорией журналистики, литературоведением, библиографоведением [40].

Среди работ по методологическим проблемам, опубликованных в рассматриваемый период, следует отметить также статьи В. С. Крейденко, посвященные методу операционализации понятий и использованию тестов в библиотковедческих исследованиях [38, с. 118–133; 43, с. 36–53].

Обоснованию возможности и необходимости применения в библиотковедческих исследованиях библиографического метода, его эвристической функции была посвящена статья М. Г. Вохрышевой. В структуре библиографического метода она выделяла элементы, которые, в свою очередь, также являются методами: метод идентификации библиографической информации, метод библиографического свертывания информации и метод библиографического упорядочения документов [38, с. 108–117].

Вопросам изучения библиотечной практики была посвящена статья И. К. Кирпичевой. Отмечая, что анализ проблемной ситуации в библиотковедческих исследованиях часто сводится к изучению литературы и явно недооценивается ее практический аспект, она подчеркивала необходимость изучения потребностей библиотечной практики, что важно и для объективного выбора проблем, заслуживающих первоочередной разработки, и для выявления, изучения, экспериментальной проверки и внедрения передового опыта. Однако эти возможности анализа проблемной ситуации реализуются еще слабо. И. К. Кирпичева отмечала, что также слабо выявляются возможно-

сти сравнительно-исторического метода, а в его применении допускаются немало просчетов. В результате некоторые ценные идеи библиотекосведов прошлого, предвосхитившие современные представления, не используются. Критикуя недостатки методики библиотекосведческих исследований, она отмечала, что в современной библиотекосведческой литературе преобладает интерес к методам сбора эмпирического материала: «Больше всего написано собственно о сборе этого материала, значительно меньше — о его анализе и еще меньше — об оценке достоверности результатов», что, в свою очередь, вызывает неоправданные отклонения от библиотекосведческих проблем к социологическим [53].

В эти годы в библиотекосведческих исследованиях стали находить все более широкое применение методы факторного анализа, системного анализа, моделирования и др. Оценивая в целом использование в библиотекосведении системных методов, Н. С. Каргашов указывал, что они, к сожалению, еще не прошли «инкубационный период», не обрели методологического и практического веса. Речь шла о таких специфических методах, как системный анализ, моделирование, программно-целевое планирование и управление. Он подчеркивал, что системный подход предполагает более широкое использование в библиотекосведческих исследованиях методов психологии, социологии, педагогики, математики и других наук, укрепление источниковосведческой базы исследований путем использования исторического материала, экономико-статистических данных, учета региональных факторов [51].

В разработке методологии и методики библиотекосведческих исследований значительное внимание уделялось проблеме использования количественных методов. Необходимость математического подхода к оценке явлений библиотечной теории и практики обуславливалась тем, что, поскольку библиотекосведение изучает сложные массовые явления, которые не всегда поддаются простым эмпирическим проверкам, то выявление закономерностей, лежащих в основе этих явлений, определение взаимосвязей между ними требует применения математических методов. Это позволит обнаружить причинно-следственные связи, выделив их из массы внешне случайных явлений [56].

В библиотекосведческой литературе подчеркивалось, что в современной библиотечной науке тенденция математизации проявляется в основном в использовании математических методов для обработки

результатов измерений и вычислений. Однако эти методы еще слабо применяются для поиска новых закономерностей, создания обобщающих теорий, формализации языка библиотечной науки [36].

Разработку количественных методов в библиотековедении были посвящены работы В. М. Мотылева. В них были рассмотрены такие методологические проблемы использования математических методов, как необходимость диалектического единства качественной и количественной сторон изучаемых процессов библиотечного дела, возможность характеристики библиотечных процессов и явлений в виде системы показателей, проблемы измерения и создания измерительных шкал, специфики количественной стороны библиотечных явлений, сложность и многомерность изучаемых библиотечных процессов и проблема соотношения наблюдения, измерения и эксперимента [45, 46].

Подводя итоги разработки методологических и методических проблем, следует отметить, что она способствовала развитию библиотековедения как науки, расширению его связей с другими научными дисциплинами. Активизация разработки этих проблем создала, в свою очередь, базу для исследования более сложных фундаментальных проблем библиотечной теории. В советском библиотековедении были предприняты попытки научного обоснования и практического применения комплексных методов, в частности социологических и социально-психологических, математических и прогностических, к исследованию явлений библиотечной практики.

Однако значительные успехи были достигнуты, прежде всего, в научной разработке методики библиотековедческих исследований. Что же касается проблем методологии, то здесь оставалось много нерешенных вопросов, и в частности, в понимании методологии библиотековедения как науки и методологии как теории методов библиотековедческих исследований, не всегда четко разграничивались общетеоретические и методологические проблемы библиотечной науки.

1.9. Проблемы истории библиотечной науки

Если теоретическим и методологическим проблемам библиотековедения уделялось значительное внимание и разрабатывались они довольно активно, то историческим проблемам библиотечной науки

не уделялось должного внимания, что, без сомнения, являлось определенным тормозом в развитии общей библиотечной теории.

Это было связано, прежде всего, с отрицанием самостоятельного значения истории библиотечной науки, которую стремились представить лишь как одну из частей истории библиотечного дела. Более того, история библиотечного дела рассматривалась как самостоятельная наука, не входящая в состав библиотековедения. Наиболее полно эта позиция нашла выражение в учебнике К. И. Абрамова «История библиотечного дела в СССР», где он прямо указывал, что анализ развития библиотечной мысли входит в предмет истории библиотечного дела, и рассматривал историю библиотечного дела и библиотековедение как самостоятельные науки, имеющие общий предмет исследования теорию и практику библиотечного строительства [1].

Но если история библиотечного дела и библиотековедение являются, как утверждал К. И. Абрамов, самостоятельными науками, то почему библиотековедение в отличие от других наук не должно иметь своего исторического раздела — историю библиотековедения? В монографии А. Н. Ванеева «Развитие библиотековедческой мысли в СССР» подчеркивалось, что такая позиция неизбежно ведет к уменьшению общеметодологического значения истории библиотековедения, ее роли в формировании библиотечной науки [16]. В другой работе А. Н. Ванеев рассмотрел применение принципа историзма в библиотековедении [56, с. 30–48]. Автор подчеркивал, что перспективной задачей библиотечной науки является создание истории отечественного библиотековедения. Это исследование должно раскрыть процесс формирования и развития как библиотековедения в целом, так и всех частных библиотековедческих дисциплин; показать его становление и развитие в каждой союзной республике; раскрыть деятельность научных учреждений, коллективов и отдельных библиотековедов, их вклад в разработку как общей теории, так и частных библиотековедческих дисциплин. В истории отечественного библиотековедения должно быть раскрыто как развитие идей, теорий и взглядов, так и организации библиотечной науки, ее научного и информационного потенциала [16].

Библиотекведение в годы перестройки (1986–1991 гг.)

Введение

Курс на перестройку, провозглашенный на апрельском пленуме ЦК КПСС (1985 г.), привел к началу процессов демократизации во всех сферах общественной жизни. В политический лексикон вошли понятия «новое политическое мышление», «плюрализм», «опора на общечеловеческие ценности», «гласность», «человеческий фактор» и др.

Однако все эти процессы проходили под идеологическим влиянием КПСС, ставившей задачу построения «социализма с человеческим лицом». Даже после отмены ст. 6 Конституции СССР (1990 г.), в которой определялась руководящая и направляющая роль КПСС, и перехода к многопартийности коммунистическая идеология и принцип коммунистической партийности во многом оставались основополагающими для советского библиотековедения.

Это не могло не вызвать противоречий как в оценке современного состояния библиотечной теории и практики, так и перспектив их развития. Анализ позиций отечественных библиотековедов показывает наличие в этот период по крайней мере трех подходов.

Один из них — ортодоксальный. Он исходил из представления о безусловной прогрессивности советского библиотековедения и необходимости «ускорения» его развития на основе марксистско-ленин-

ской теории. В наиболее полном виде эта позиция нашла выражение в изданном в 1988 г. под редакцией К. И. Абрамова и Н. С. Карташова учебнике «Библиотекведение. Общий курс» [13], в котором развитие советского библиотековедения связывалось с возрастанием роли КПСС, а одной из основных задач провозглашалась критика «реакционных концепций» буржуазного библиотековедения.

Другое направление можно характеризовать как демократическое. Оно было связано с пониманием того, что советское библиотековедение является самостоятельной наукой, имеющей несомненные теоретические достижения, и задачи его перестройки в условиях демократизации всей социально-культурной сферы заключаются в освобождении библиотековедения от идеологических постулатов.

Сторонники этого подхода призывали библиотековедов серьезнее анализировать достижения советского библиотековедения, проследить допущенные в прошлом промахи и ошибки. Лишь пересматривая теоретический багаж библиотековедения, выявляя его закономерности на разных исторических этапах, можно развивать теорию и практику библиотечного дела.

Еще одно направление — нигилистическое — характеризовалось полным отрицанием каких-либо теоретических достижений советского библиотековедения, которое, по мнению сторонников этой позиции, находилось в состоянии «многолетнего застоя» [79, с. 5]. Советское библиотековедение обвинялось в «грехе схоластической догматизации и примитивизации» [99, с. 16].

Очевидно, что такой диапазон подходов и оценок не мог не отражаться на разработке общетеоретических проблем библиотечной науки, что находило свое освещение в многочисленных активных дискуссиях. При этом под влиянием социально-экономических сдвигов, демократизации общества менялись и позиции библиотековедов. С одной стороны, многие из них корректировали свои устоявшиеся, казавшиеся им незыблемыми взгляды, признавали в той или иной степени необходимость их корректировки в условиях перестройки.

С другой стороны, полное отрицание каких-либо позитивных сторон советской библиотечной науки сменялось у некоторых из них (к сожалению, далеко не у всех) стремлением признать достижения отечественной библиотечной мысли советского периода.

Разобраться в этом разногласии точек зрения, мнений, критических замечаний и т. п. далеко не просто. Автор стремился по возмож-

ности быть объективным. «По возможности» прежде всего потому, что, к сожалению, не все авторы публикаций, особенно полемических, достаточно четко и непротиворечиво излагали свои позиции. Поэтому суждения автора при всем его стремлении к объективности, вероятно, не лишены известной доли субъективизма.

2.1. Статус библиотековедения как науки, его объект, предмет и структура

В рассматриваемый период преобладало представление о библиотековедении как общественной науке, разрабатывающей теоретические основы общественного пользования произведениями печати и другими документами. Его основная теоретическая задача заключается в исследовании закономерностей библиотечного дела как области идеологической, культурно-просветительной и научно-информационной деятельности. Общие принципы и закономерности процесса организации общественного использования книжных богатств составляют теоретическую и методологическую основу советского библиотековедения [13, с. 3, 31].

В словаре библиотечных терминов библиотековедение было определено как общественная наука, изучающая библиотечное дело, закономерности, принципы формирования, развития, функционирования библиотечной системы, взаимодействие библиотек в различных аспектах [16, с. 23–24].

В работах ряда библиотековедов по-прежнему противопоставлялось социалистическое и буржуазное библиотековедение, подчеркивалось значение «непримиримой борьбы с реакционными концепциями и догмами буржуазного библиотековедения» [13, с. 39].

Так, В. В. Скворцов утверждал, что в условиях перестройки, нового политического мышления «остается неизменным исторически оправдавшее себя принципиальное методологическое положение о том, что социалистическое библиотековедение коренным образом отличается от буржуазного, составляет его противоположность» [95, с. 5].

Аргументированную критику противопоставления социалистического и буржуазного библиотековедения дал в эти годы В. Р. Фирсов. Такое противопоставление, по его мнению, не только необоснованно, но и неконструктивно. Он полагал, что многие недостатки

советского библиотковедения объясняются тем, что вдумчивый анализ опыта зарубежных стран нередко заменяется подведением тех или иных концепций под ярлыки идеалистической философии, приверженности буржуазных библиотковедов к экзистенциализму, неотомизму и т. д., вместо того, чтобы рассматривать и анализировать идеи, реально способствующие развитию библиотечного дела на Западе. Такой подход вел к дальнейшей изолированности социалистического библиотковедения [132, с. 77].

Н. И. Тюлина полагала, что необходимо прежде всего изменить подход к библиотковедению как к «региональному» (советское библиотковедение, американское библиотковедение, немецкое библиотковедение и т. д.) и предельно идеологизированной науке (социалистическое библиотковедение, буржуазное библиотковедение). Она подчеркивала, что общность факторов, детерминирующих развитие современного библиотечного дела в разных странах, схожесть профессиональных задач придают ему мировой характер и требуют новых подходов к разработке теоретических проблем, с тем чтобы обеспечить объективное, свободное от идеологического противостояния обобщение всего мирового библиотечного опыта [128, с. 53].

В эти годы появились и другие определения сущности библиотковедения, хотя они и не получили в тот период должного развития и обоснования. К ним относится определение «гуманитарного (общественного) статуса» библиотковедения В. В. Скворцовым, который понятия библиотковедения как общественной науки и как науки гуманитарной рассматривал в качестве синонимов [92, с. 79].

Понятие «статус библиотковедения» было введено в терминологию библиотечной науки в эти годы И. В. Лукашовым, который определял его как системное рассмотрение сущности библиотковедения [56, с. 60]. Он подчеркивал, что статус библиотковедения определяется наличием и степенью развития системы признаков, характеризующих науку в сферах знания, деятельности и общественного сознания. Как область знания библиотковедение обладает объектом исследования, определенной методологией, терминологией, структурой, местом в ряду других наук, общетеоретическими концепциями. К сфере научной деятельности библиотковедения И. В. Лукашов отнес институты формирования исследовательского сообщества (вузы, кафедры, аспирантуру, научные организации), средства формальной и неформальной коммуникации (специальные журна-

лы, научные съезды, конференции и т. п.). Отражение всех этих характеристик в сознании ученых, «самопознание» библиотечной науки — третья составляющая ее статуса [54, с. 50].

В целях выявления отношения библиотекарей к статусу своей науки И. В. Лукашов провел экспертный опрос ведущих специалистов Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ) [56]. Результаты опроса показали, что и в конце 1980-х гг. все еще не было единого представления о сущности и статусе библиотековедения. Лишь 2/3 опрошенных посчитали его наукой, называя среди признаков, характеризующих его научный статус, наличие собственного объекта и предмета, специфической методологии и терминологии, системы связей с другими науками.

Однако 1/4 опрошенных полагала, что понятие «библиотековедение» шире, чем понятие «наука», и включает помимо научных аспектов и практические методы работы. Как ни странно, эта группа экспертов возвратилась к дореволюционному делению библиотековедения на теоретическое и практическое. Они считали, что поскольку библиотековедение еще не определило закономерностей библиотечного дела, оно не может считаться наукой.

Комментируя это утверждение, И. В. Лукашов писал: «Серьезным доводом, который мог бы свидетельствовать о недостаточном для науки уровне развития библиотековедения, является отсутствие точно сформулированных и обоснованных библиотечных законов и закономерностей. Но философы и науковеды еще не решили, нужно ли считать выявление закона (или закономерности) обязательным признаком науки» [56, с. 55].

Перед экспертами была поставлена задача сравнения уровня разработанности общетеоретических проблем в советском и буржуазном библиотековедении, что позволило бы судить о том, насколько библиотечные специалисты способны отказаться от привычных стереотипов.

Результаты опроса показали, что около 40% опрошенных считали, что советской библиотечной науке присущ более высокий аналитический уровень, что выражается в анализе проблем библиотековедения как общественной науки, в исследовании социальных, классовых, мировоззренческих аспектов библиотечного дела. По их мнению, советское библиотековедение, по сравнению с буржуазным, обладает большим научным потенциалом для постановки и решения теоретических проблем.

Отсутствием четких идеологических установок, что было характерно для периода перестройки, можно объяснить, что почти половина экспертов (40%) вообще уклонилась от сопоставления уровня разработки общетеоретических проблем в советском и буржуазном библиотековедении. Часть экспертов (15%) утверждала, что советское библиотековедение не может претендовать на лидерство в теоретических вопросах, поскольку по уровню развития библиотечного дела ведущие капиталистические страны идут впереди СССР.

Следует заметить, что опрос, проведенный И. В. Лукашовым только в одной, притом крупнейшей научной библиотеке, в которой работает большой процент сотрудников, не имеющих специального библиотечного образования, не мог дать строго объективной картины, однако показал тенденцию к недооценке или даже отрицанию библиотековедения как науки.

В наиболее резкой форме это негативное отношение к библиотековедению отразилось в утверждениях А. В. Соколова, С. А. Басова и некоторых других авторов. Они считали, что советское библиотековедение страдает «двумя взаимосвязанными недугами: узостью и робостью». Узость заключается в том, что библиотековедческая мысль «сознательно ограничила свой кругозор прикладными библиотечными проблемами», не ищет более фундаментальных закономерностей, не рассматривает их с позиций социальной коммуникации или социальной информации. По мнению А. В. Соколова, библиотековедение «редко и неумело» взаимодействует с экономистами и социологами, психологами и педагогами» [79, с. 7]. С. А. Басов утверждал, что библиотечная наука до сих пор редко обращалась к фундаментальным, сугубо теоретическим проблемам, поскольку якобы существовало своеобразное «табу» на их разработку, в основе которого лежал «страх обвинения в схоластике и отрыве от действительности» [7, с. 26].

Эти утверждения были далеки от истины, поскольку в середине 1980-х гг. советское библиотековедение накопило богатый багаж теоретических представлений, сформировалось как самостоятельная «специальная научная отрасль» [123, с. 15].

В центре активных дискуссий тех лет оставался вопрос об **объекте и предмете** библиотековедения. В учебнике «Библиотековедение. Общий курс» утверждалось, что объектом библиотековедения следует рассматривать не только библиотеку, но всю существующую в объективной реальности коммуникативную систему «книга — библиоте-

ка — читатель». Предметом библиотековедения является выявление и исследование закономерностей, принципов формирования, развития, функционирования библиотечной системы, взаимодействие библиотек в различных аспектах [13, с. 32].

Однако существовали и другие определения объекта библиотечной науки. Так, Н. В. Бобылева рассматривала объект библиотековедения в системе «межсубъектно-объективных отношений» в виде триединства «библиотека — книга — читатель», т. е. в соответствии с ее концепцией в центре объекта библиотековедения находится не библиотека или библиотекарь, как у предшественников, а книга [17].

В качестве объекта библиотековедения рассматривалось также библиотечное дело. Так, В. В. Скворцов полагал, что объект библиотековедения — библиотечное дело «во всех его библиотечно-библиографическо-информационно-когнитивных проявлениях». Предмет библиотековедения — основные закономерности, сущностные теоретические характеристики библиотечной практики [95, с. 5].

На той же позиции стоял А. Н. Хропач, который критиковал определение объекта библиотековедения как системы «книга — библиотека — читатель», так как оно, по его мнению, сужает объект библиотечной науки, сводя его к исследованию технологического процесса библиотечного обслуживания, оставляя вне поля зрения «внешние» аспекты библиотечного дела, которые, наряду с «внутренними», технологическими, должны составлять содержание объекта. Поэтому объектом библиотековедения, по его мнению, является библиотечное дело как целостное явление и область человеческой деятельности. Предметом библиотековедения А. Н. Хропач считал «частные аспекты процесса функционирования объекта», т. е. различные факторы, принципы, закономерности библиотечного дела, систему его внутренних и внешних связей [135, с. 4].

Если В. В. Скворцов и А. Н. Хропач считали объектом библиотековедения библиотечное дело, то М. А. Коновалова и А. И. Остапов полагали, что объект библиотековедения — библиотечная практика, включающая «предметы, явления и процессы: письменные документы, содержащиеся в них знания; знания абонентов (читателей); знания библиотекарей; сознание библиотекарей и абонентов; перевод знаний в сознание; взаимодействие знаний, сознания, коммуникации и коммуникативно-познавательных потребностей и т. п.». Предметом

библиотекведения они считали закономерности библиотечного дела [49, с. 80].

Нетрудно заметить, что многие названные выше процессы и явления далеко выходят за пределы библиотечной деятельности. Кроме того, если объектом библиотечной науки у этих авторов была названа библиотечная практика, то предметом — библиотечное дело. Таким образом, понятие «библиотечная практика» оказалось шире понятия «библиотечное дело». По их мнению, библиотечное дело «наиболее существенная и многогранная сторона объекта», которым они считали библиотечную практику.

Л. Н. Гусева, Т. Н. Данченко и Е. В. Смолина, критикуя структурно-функциональный подход Ю. Н. Столярова и его определение библиотеки как объекта библиотекведения, который, по их мнению, больше соответствует техническим (замкнутым) системам и не подходит для систем социальных, предложили системно-деятельностный подход, на основе которого рассматривали в качестве объекта библиотекведения библиотечную деятельность, а предмета — абстрактную модель этой деятельности [31, с. 4–5].

Таким образом, объектом библиотекведения называли и библиотеку, и библиотечное дело, и библиотечную практику, и коммуникативную систему «книга — библиотека — читатель».

А. Н. Ванеев, который был сторонником определения объекта библиотекведения как коммуникативной системы «книга — библиотека — читатель», подчеркивал значение принципа отграничения как «методологической основы определения предмета библиотекведения»: в общем принципиальном плане в предмет библиотекведения входит лишь то, что имеет отношение к библиотечной деятельности, но это верное в своей основе утверждение еще недостаточно для определения предмета библиотекведения, так как оставляет открытым вопрос о том, какие стороны системного объекта библиотекведения имеют отношение к библиотечному делу, а какие — не имеют.

На основе применения принципа отграничения им было сформулировано, что «в предмет библиотекведения входит исследование тех связей и отношений, которые относятся к системе „книга — библиотека — читатель“» [81, с. 3–16].

На сходных позициях стоял и А. В. Соколов, который считал, что объектом библиотекведения является система документной комму-

никации общества. Библиотекведение изучает не всю эту системы, а лишь ее библиотечный аспект, заданный в принципе отграничения. Библиотечным принципом отграничения является «общественное пользование собраниями, состоящими из тиражируемых документов, предназначенных для широкого обращения в обществе». Отсюда, по мнению А. В. Соколова, предмет библиотекведения — это «изучение закономерностей развития документальной коммуникации в зависимости от общественного пользования произведениями письменности и печати» [98, с. 74].

Таким образом, наибольшее распространение в эти годы, как и в предыдущий период, получили две основные концепции определения объекта библиотекведения: библиотека как система и коммуникативная система «книга — библиотека — читатель». Существовали и другие концепции. Однако дискуссии по этой проблеме не привели к единому решению. Словарь библиотечных терминов, изданный в 1986 г., выделял в структуре современного библиотекведения общее библиотекведение (теория, история и методология библиотечной науки) и частное библиотекведение (учение о библиотечных фондах; учение о библиотечных каталогах; теория руководства чтением в библиотеке; теория функционирования библиотек и библиотечных систем). Словарь указывал, что в структуру библиотекведения входят также библиотекведческие дисциплины, образовавшиеся в результате интеграции библиотекведения с другими науками. Среди них в словаре были названы библиотечная педагогика, библиотечная психология, библиотечная статистика, экономика библиотечного дела, библиотечное право, библиотечная этика, библиотечная эстетика, история библиотечного дела [16, с. 24].

В рассматриваемый период предпринимаются попытки переосмыслить содержание понятия «общее библиотекведение». Изданный в 1988 г. учебник, в отличие от предыдущих, был назван не «Общее библиотекведение», а «Библиотекведение. Общий курс». К сожалению, редакторы учебника не объяснили причин изменения названия.

Это попытался сделать в рецензии на учебник В. И. Терешин, который подчеркивал, что общее библиотекведение подразумевает существование частных наук, в результате чего библиотекведение распадается на ряд самостоятельных наук (специальное библиотекведение, детское и т. п.). В названии же учебника «Библиотекведение.

Общий курс» моделируется библиотековедение как цельная наука со своим информационным потенциалом и внутренней структурой. Поэтому, по его мнению, термин «общее» может быть отнесен лишь к учебному курсу, но не к науке [115, с. 46].

Другой позиции придерживался А. В. Соколов, который считал необходимым выделение общего библиотековедения и характеризовал его как обобщающее учение, задачей которого является «исследование общих проблем специализированных дисциплин, создание для них научного фундамента, согласование и консолидация их в рамках единого цикла» [103, с. 10–32].

Необходимость выделения наряду с общим «частного» библиотековедения обосновал в эти годы А. Н. Хропач. Под «частным библиотековедением» он понимал теорию деятельности библиотек разных типов (универсальных и отраслевых). Что же касается интеграционных библиотековедческих дисциплин, то, вопреки устоявшемуся представлению о их библиотековедческой сущности, А. Н. Хропач считал, что они (библиотечная педагогика, библиотечная психология и др.) являются частными дисциплинами этих наук, а не библиотековедения [135, с. 7].

В рассматриваемый период отечественное библиотековедение вновь обращается к проблеме «специального библиотековедения», попытки выделения которого в структуре советского библиотековедения относятся еще к 1970-м гг. Обращаясь к этой проблеме, В. В. Скворцов указывал, что сущность специального библиотековедения сводится к тому, чтобы выделить из всего библиотековедческого комплекса самостоятельную научную дисциплину, которая занималась бы исключительно теорией и практикой специальных библиотек. Попытки выделения специального библиотековедения В. В. Скворцов связывал с кризисом традиционного библиотековедения, которое слабо реагировало на новую информационную ситуацию второй половины XX в. Однако, по его мнению, выделение специального библиотековедения не диктуется какой-либо логической или объективной необходимостью, поскольку связанная с ним проблематика может разрабатываться в рамках общего библиотековедения, успешно ассимилирующего идеи информатики. Поэтому необходимо не разделение библиотековедения, а его консолидация в рамках единой науки [94, с. 24–25].

Таким образом, несмотря на дискуссионность отдельных проблем, в целом в библиотечной науке сложилось представление, что

библиотековедение подразделяется на общее и частное, а в структуру последнего входит ряд частных библиотековедческих дисциплин, сформированных на основе интеграции библиотековедения с другими науками.

2.2. Место библиотековедения в системе наук и его взаимосвязи с другими научными дисциплинами

В рассматриваемый период были предприняты новые попытки рассмотреть все многообразие связей библиотековедения с другими науками.

Прежде всего следует назвать попытки сформировать «комплексную фундаментальную научную дисциплину», в состав которой должно войти библиотековедение. По мнению В. В. Скворцова, в эту единую научную дисциплину должны войти библиотековедение, библиографоведение, прикладная информатика, «некоторые элементы книговедения». Эта научная дисциплина, названия которой В. В. Скворцов не дал, призвана изучать «свойство материи, объединяемое понятием „информация“» [85, с. 17].

Более четко это направление было определено А. В. Соколовым, который, указывая на то, что «обобщающее учение, соответствующее потребностям межнаучного общения библиотечно-библиографического знания, в настоящее время отсутствует», в качестве такового предложил «учение о социальной коммуникации». Мотивировал он свой вывод тем, что социальные функции, присущие библиотекам, выполняют средства массовой информации, издательства, музеи, органы НТИ, т. е. все информационно-коммуникативные системы. А поскольку эти функции не являются отличительными функциями библиотек, то и разрабатываться на фундаментальном методологическом уровне они должны не библиотековедением, а обобщающим учением о социальной коммуникации [103, с. 16–19].

Попытка найти обобщающую для библиотековедения науку, в качестве которой была предложена теория документной коммуникации, была, без сомнения, шагом вперед в построении теоретических концепций библиотековедения.

Однако в эти годы существовали и другие точки зрения на обобщающую науку по отношению к библиотековедению. Традиционно в качестве такой науки называли книговедение. Этот подход в рассматриваемый период обосновывал А. Я. Черняк, который также полагал, что библиотека — это один из институтов документально-коммуникативной системы. Но от одних институтов этой системы библиотека отличается полностью (например, от делопроизводственных учреждений, издательств и т. п.), от других — менее заметно. Он отмечал существенное сходство лишь между библиотекой и книжным магазином, библиотекой и архивом. Отсюда А. Я. Черняк делал вывод о том, что библиотечное дело есть частный случай книжного дела, а библиотечный процесс есть «специфика применения форм и методов книжного дела в условиях библиотеки» [140].

Противоречивость этих положений очевидна, поскольку сам А. Я. Черняк указывал, что не все аспекты книжного дела (например, издательства) связаны с библиотечным делом. Следовательно, и книговедение не охватывает всех библиотечных проблем.

А. В. Соколов считал, что книговедение не может быть обобщающим по отношению к библиотековедению, поскольку оно рассматривает последнее как часть комплексной науки о книге. Соотношение книговедения и библиотековедения как «целое — часть» не может служить, по его мнению, основанием для придания книговедению статуса обобщающего учения, так как это требует рассмотрения в системе «общее — частное», чему эти отношения не соответствуют. Поэтому надо говорить о том, что между этими науками существуют лишь интеграционные связи [103, с. 16].

Критиковал А. В. Соколов и попытки рассматривать в качестве обобщающей науки для библиотековедения теорию культуры (культурологию). Он подчеркивал, что культурология — это философская научная дисциплина весьма высокого уровня обобщения, которая не использует для построения своих концепций библиотечно-библиографические знания и не выполняет по отношению к библиотековедению «трансляционных, методологических, метатеоретических или терминологических функций, свойственных обобщающим учениям». Указывая на то, что между культурологией и библиотековедением отсутствует двустороннее научное взаимодействие, А. В. Соколов в то же время не отрицал ни того, что в библиотековедении используются выводы культурологии, ни того, что последняя рас-

смаатривает библиотеку как один из каналов передачи духовного культурного наследия [103, с. 16].

Внимание библиотековедческой мысли этих лет по-прежнему привлекали проблемы формирования и развития интеграционных дисциплин, образующихся на «стыках» библиотековедения с другими науками.

Одной из таких наук традиционно считалась социология чтения, которая в терминологическом словаре «Библиотечное дело» определялась как научная дисциплина, изучающая социальные аспекты и закономерности функционирования произведений печати в обществе. Ее связь с библиотековедением обосновывалась тем, что большинство социологических исследований чтения разворачивается в сфере библиотечного обслуживания [16, с. 139].

В. Д. Стельмах, подводя итоги научной разработки проблем социологии чтения, подчеркивала, что эта дисциплина «возникла в сфере библиотековедения как прикладное научное направление, ориентированное на практические задачи отрасли». Однако, по ее мнению, по мере становления социологии чтения как научной дисциплины «все острее ощущается потребность в собственных теориях и системе понятий, своей системе ценностей и целей». Поэтому развитие социологии чтения связано с приобретением самостоятельного научного статуса [48, с. 13].

В эти годы активизируется научная разработка проблем библиотечной педагогики, однако среди ученых не было единого представления о содержании и структуре этой научной дисциплины, и позиции библиотековедов по этой проблеме нередко противоречивы.

Например, А. Я. Айзенберг в разработанной им программе курса «Библиотечная педагогика» включал в ее содержание рассмотрение только вопросов педагогического общения с читателями в библиотеке, образовательной и воспитательной функции библиотеки, методов работы с читателями [14]. Однако в другой работе он сосредоточивал проблематику библиотечной педагогики на педагогическом общении библиотекаря с читателем, на методах и формах воспитательной работы в библиотеке, включая в нее «теорию библиотечного коллектива», «исследование форм и методов коммунистического воспитания в библиотечном коллективе» [113, с. 82–94], т. е. расширял рамки библиотечной педагогики.

Проблемы библиотечной педагогики обстоятельно рассмотрел в эти годы в ряде своих работ В. И. Терешин [113, 117, 121]. Он считал,

что библиотечную педагогику неправомерно сводить к проблемам работы с читателями. Библиотеку следует рассматривать как «педагогическую систему», обладающую совокупностью взаимосвязанных элементов, каждый из которых несет в себе определенный педагогический потенциал [117, с. 28]. Библиотечная педагогика — не отдельный участок библиотечной работы, а то, что придает особый смысл и направленность всем социальным и технологическим функциям и процессам, всем элементам системы «библиотека». В связи с этим, уделяя особое внимание педагогическим аспектам библиотечного обслуживания, В. И. Терещин рассматривал педагогические возможности библиотечного фонда, технологии его формирования и использования; педагогические возможности библиотечных каталогов; педагогическую ориентацию научно-методической работы, подготовки и повышения квалификации библиотечных кадров.

Таким образом, на смену представлению о библиотечной педагогике как теории общения с читателем пришло понимание того, что в ее задачи входит теоретическое рассмотрение педагогических аспектов всех направлений библиотечной деятельности.

В эти годы активно разрабатываются научные проблемы библиотечной профессии. Это привело к становлению интеграционной науки, которая в словаре библиотечных терминов была названа «библиотечная профессиография» как научная библиотековедческая дисциплина, изучающая задачи, содержание, формы и специфику трудовой деятельности библиотечных работников [16, с. 25–26].

Однако в работах советских библиотековедов обычно употреблялось другое название этой научной дисциплины — библиотечная профессиология, отсутствующее в словаре библиотечных терминов. Библиотечная профессиология рассматривалась как комплексная теоретико-прикладная научная и учебная дисциплина, объектом которой является библиотечная профессия, а предметом — взаимодействие библиотечной профессии с обществом, библиотечным коллективом и специалистами [137, с. 3].

В проблематику библиотечной профессиологии, по мнению исследователей, входят:

- общие проблемы (сущность библиотечной профессии и ее типологизация);
- социология библиотечной профессии;
- социология библиотечного труда (социально-экономический подход);

- психология библиотечного труда (профессиография); социальная психология библиотечной профессии [38].

Наибольший вклад в разработку проблем библиотечной профессии внесла в эти годы А. С. Чачко. Она констатировала активный процесс формирования библиотечной профессии, определила ее объект и предмет, очертила круг основных проблем, подлежащих изучению [137, 138].

Предметом активных дискуссий в эти годы стали вопросы взаимосвязи и взаимодействия библиотечного дела и библиографии и, соответственно, библиотековедения и библиографоведения, раздаются голоса о необходимости сближения библиографии и библиотечного дела, критикуется стремление закрепить их независимость друг от друга [42, с. 13].

По мнению Н. А. Слядневой, библиография — это «сущность и основа библиотечных процессов», поскольку «все важнейшие процессы, обеспечивающие реализацию основной функции библиотеки, т. е. специфически библиотечные, являются библиографическими по сути» [96, с. 27–28].

Эта позиция вызвала активную критику. Не отрицая взаимосвязей библиотечного дела и библиографии М. Я. Дворкина [33], И. Г. Моргенштерн [69], В. И. Терешин [119], А. Я. Черняк [140] и другие специалисты подчеркивали, что библиография не может быть сущностью библиотечных процессов, так как библиографическое обслуживание осуществляется в рамках библиотечной деятельности, и поэтому определение места библиографической службы и библиографической информации в библиотеке — задача библиотековедения. Однако при этом не отрицалась самостоятельность библиографоведения, призванного изучать «собственные библиографические проблемы».

А. Н. Хропач обращал внимание на необходимость выявления сущности интеграции библиотечного дела с библиографией и оформления частных научных дисциплин — библиотечной библиографии и библиотечной информатики, подобно библиотечной педагогике и библиотечной психологии [143, с. 7]. Однако такое предложение не получило в те годы дальнейшего развития.

В эти годы в библиотековедческой литературе появляется и понятие «библиотечно-библиографическая наука», хотя оно тоже пока теоретически не обосновывается [39, с. 3].

Впервые за долгие годы библиотековедение обратилось к рассмотрению своих теоретических связей с архитектурой, со строительством библиотечных зданий. Этим проблемам посвятил свои исследования Л. З. Амлинский. Он отмечал, что библиотековедение как наука почти не занимается проблемами «библиотечной идеологии строительства специальных зданий». Задачу библиотековедения он видел в том, чтобы выработать систему критериев и правил проектирования библиотечных зданий, соответствующих технологическим требованиям библиотечной деятельности [3, с. 5, 7].

К сожалению, несмотря на то, что в эти годы идет активный процесс перехода библиотек на работу в новых финансово-хозяйственных условиях, разработке теоретических основ экономики библиотечного дела уделялось недостаточное внимание. Публикации в библиотечной печати были посвящены в основном обсуждению только одного вопроса — правомерности введения платных услуг в библиотечную практику. При этом проблема предоставления платных услуг рассматривалась не с экономических позиций, а с позиций реализации принципа общедоступности библиотек. В платности библиотечного обслуживания исследователи видели противоречие с гуманитарной сущностью библиотеки [110].

На терминологическом уровне экономика библиотечного дела рассматривалась не как библиотековедческая дисциплина, а как часть экономики культуры, хотя предметом ее назывался экономический анализ деятельности библиотек [16, с. 170]. И. М. Фрумин полагал, что экономика библиотечного дела еще не является самостоятельной научной дисциплиной. По его мнению, «слишком узки ее предмет и теоретическая база». Он критиковал попытки буквально переносить на библиотечное дело общие законы политической экономики, а также положения экономики промышленного производства [9, с. 38].

По-другому подошли к определению экономики библиотечного дела как научной дисциплины В. К. Ключев и А. М. Чукаев, которые определили ее как научную дисциплину, исследующую социально-экономическое содержание и особенности производства библиотечных услуг. Основная проблема экономики библиотечного дела — выработка принципов и требований, соблюдение которых в полной мере обеспечит сочетание наиболее возможной экономии общественных средств с наиболее полным удовлетворением запросов общества и отдельных читателей на библиотечно-библиографические услуги.

Ими были выделены приоритетные направления развития экономики библиотечного дела как научной дисциплины:

дальнейшая разработка методологии экономики библиотечного дела как «системы основных принципов и требований, определяющих взаимодействие социальных и экономических факторов в библиотечном обслуживании»;

совершенствование методики анализа различных экономических аспектов библиотечной деятельности;

обоснование номенклатуры основных экономических методов в библиотечной среде [47, с. 9].

Таким образом, хотя в библиотековедческой литературе назывались многие науки, с которыми библиотековедение связано или должно быть связано, теоретическая разработка проблем интеграции коснулась в рассматриваемый период лишь небольшого числа наук.

2.3. Идеино-теоретические основы советского библиотековедения

Переоценка ценностей в годы перестройки особенно ярко проявилась во взглядах советских библиотековедов на ленинское наследие в области библиотечного дела.

С одной стороны, продолжалось теоретическое обоснование основополагающего значения ленинских взглядов для развития советского библиотековедения. Представители этого направления рассматривали высказывания В. И. Ленина как научное обоснование роли и значения библиотек, их социальных функций в новых исторических условиях. Взгляды В. И. Ленина характеризовались как высшая ступень развития библиотековедческой мысли, как ленинский этап библиотечного строительства [18, с. 34].

Среди библиотековедов имело хождение мнение о том, что ориентиром дальнейшего развития библиотечного дела могут служить ленинские идеи, что они сохраняют свою «непреодолимую ценность» и в условиях перестройки [46, с. 3–4]. В библиотековедческой литературе утверждалось, что принципиальные установки ленинской программы библиотечного строительства еще не исчерпали своего теоретического, практического и особенно методологического потенциала, а причины многих кризисных явлений в библиотечном деле являются

ся следствием невыполнения ряда ленинских указаний по вопросам библиотечного строительства [85, с. 6].

Такое явное преувеличение значения того, что говорил и писал В. И. Ленин о библиотеках, стремление представить его высказывания как целостную научную теорию, как ленинский этап (план) библиотечного строительства вызвали критику и дискуссии.

Наиболее обстоятельно эти проблемы были рассмотрены на Всесоюзной научной конференции «В. И. Ленин и современные проблемы библиотечной науки и практики» (1990 г.). Участники конференции призвали к обстоятельному анализу наследия В. И. Ленина в области библиотечного дела, обратили внимание библиотекovedов на важность глубокого прочтения работ В. И. Ленина с позиций того, что сохраняет свою значимость в демократическом обществе [87]. Обсуждению ленинских взглядов и их значения для библиотечного дела в период перестройки был посвящен также «круглый стол», проведенный журналом «Библиотекарь» в 1991 г. [80].

Среди теоретических вопросов, которые активно дискутировались в эти годы, следует выделить прежде всего вопрос о том, была ли у В. И. Ленина научная концепция библиотечного дела или лишь отдельные мысли и высказывания по вопросам работы библиотек. Следует заметить, что обсуждение этой теоретической проблемы осложнялось тем, что совокупности взглядов В. И. Ленина в советском библиотековедении давались разные определения: «ленинская концепция библиотечного дела», «ленинская программа библиотечного дела», «ленинский план развития библиотечного дела», что приводило не только к терминологической путанице, но и к противоречивым оценкам ленинского наследия по библиотечному делу.

Например, Ю. Н. Столяров подчеркивал, что у Ленина была концепция библиотечного дела [80, с. 13], в то же время он утверждал, что завершённой программы библиотечного строительства у него не было [108, с. 34]. Хотя, например, предложения В. И. Ленина о внедрении в России швейцарско-американской системы библиотечного дела правомерно рассматривать как программу библиотечного строительства в советской России, а не как теоретическую концепцию библиотековедения.

Вопреки тем библиотековедам, которые утверждали, что такая концепция у В. И. Ленина была, существовала и противоположная точка зрения, по которой справедливо отмечалось, что нельзя делать

из В. И. Ленина и Н. К. Крупской основоположников советского библиотековедения [134, с. 43].

В дискуссиях подчеркивалось, что отдельные высказывания В. И. Ленина о библиотеках нельзя рассматривать как сформулированную концепцию, поскольку в его взглядах на работу библиотек не было ничего собственного, оригинального. Идеи, которые он высказывал, ему не принадлежали, а были результатом развития библиотечной теории и практики начала XX в. И, следовательно, как подчеркивал В. И. Харламов, в ленинских взглядах на библиотечное дело «ничего или почти ничего собственно ленинского нет». В. И. Ленин не разрабатывал своей концепции, а лишь говорил о важности использования в советских библиотеках достижений зарубежных библиотек, которые он обобщил понятием «швейцарско-американская система» [134, с. 44].

В. А. Фокеев также отмечал, что у В. И. Ленина не только не было научной концепции библиотечного дела, но он и не претендовал на ее создание. По мнению В. А. Фокеева, совокупность высказываний В. И. Ленина о библиотечном деле не может рассматриваться как теоретическая концепция в точном значении этого понятия. При этом В. А. Фокеев полагал, что «авторитет Ленина несколько не станет меньше, если мы перестанем приписывать ему роль создателя концепции» [80, с. 14].

Другим дискуссионным вопросом было положение советского библиотековедения о «ленинском этапе библиотечного строительства». По этому вопросу также существовали две противоположные точки зрения.

Одна из них исходила из того, что ленинский этап библиотечного строительства продолжается в годы перестройки и далеко еще не завершен. Сторонники такой позиции обращали внимание на то, что в высказываниях В. И. Ленина по вопросам библиотечного дела много здравого, полезного и сегодня [80, с. 15]. Перед библиотечной наукой ставилась задача «освободить» наследие В. И. Ленина по библиотечному делу «от догматизма, упрощения, фальсификации», оценить в нем то, что сохраняет свою значимость и в правовом демократическом государстве [53, с. 5].

Ю. Н. Столяров призывал к новому прочтению и осознанию идей В. И. Ленина, полагал, что «решительно все, что содержится в ленинском наследии по вопросам гуманизации, демократизма библиотечного дела, сохраняет политическую остроту, теоретическую силу и

служит методологической основой современной концепции библиотечного дела» [111, с. 19].

Вместе с тем в библиотечной печати высказываются и мнения, что ленинские указания, касающиеся работы библиотек, принадлежат уже истории. Так, Л. К. Виноградов, выступив с резкой негативной оценкой третьего издания сборника «В. И. Ленин и библиотечное дело» [18], в который, как он отмечал, было включено множество документов, не раскрывающих взгляды В. И. Ленина на деятельность библиотек, выражал сомнение в правомерности самого понятия «ленинский этап библиотечного строительства» и ставил задачу определить хронологические границы этого «этапа»: завершился ли он со смертью В. И. Ленина, или продолжается до наших дней [26, с. 136].

Попытку дать ответ на этот вопрос предпринял Ю. Н. Столяров, который полагал некорректным считать послеленинский период советского библиотечного дела ленинским этапом его развития. Он подчеркивал, что «худшим видом догматизма является перенос в современную библиотечную практику того, что говорил Ленин почти сто лет тому назад» [80, с. 13].

А. В. Соколов, возражая тем, кто стремился «прятаться за авторитет В. И. Ленина и Н. К. Крупской», подчеркивал, что их наследие имеет непреходящее историческое значение, но оно «не может служить руководством в преодолении кризиса советских библиотек». Поэтому речь должна идти не о «новом прочтении» классиков, а об «очищении библиотечного сознания от догматических наслоений и формировании новых идейных основ» [101, с. 39].

В эти годы продолжалась, хотя и менее активно, теоретическая разработка наследия Н. К. Крупской по библиотечному делу. В 1986–1987 гг. вышли в свет пятый и шестой тома сборников Н. К. Крупской о библиотечном деле.

В 1989 г. прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Теоретическое наследие Н. К. Крупской по вопросам библиотечного дела и его влияние на перестройку работы библиотек» (г. Уфа). Конференция призвала библиотекосведов к изучению и творческому использованию наследия Н. К. Крупской, что поможет не только оценить достижения и недостатки библиотечного дела в прошлом, но и будет способствовать определению путей его дальнейшего совершенствования [114, с. 13]. На конференции подчеркива-

лось методологическое значение наследия Н. К. Крупской для советского библиотековедения [114, с. 17].

Однако некоторые советские библиотековеды видели это методологическое значение лишь в том, что теоретические положения Н. К. Крупской помогают отстаивать марксистско-ленинские основы библиотечного дела в борьбе с теориями и реакционной идеологией буржуазного библиотековедения [1, с. 7].

Подводя итоги рассмотрению ленинских взглядов на библиотечное дело, можно сделать вывод о том, что, хотя и некорректно приписывать В. И. Ленину разработку научной концепции библиотечного дела, его практические указания и рекомендации сыграли положительную роль в развертывании библиотечного строительства в стране в первые годы советской власти.

Дискуссионным был и вопрос о месте *принципа партийности* в библиотечной теории и практике. В годы перестройки этот принцип по-прежнему обосновывался рядом библиотечников как основополагающий методологический принцип советского библиотековедения. С его рассмотрением была связана в эти годы и теоретическая разработка идеологической функции библиотеки.

Советские библиотеки в годы перестройки во многом оставались опорными базами партийных организаций КПСС, рассматривались в качестве «функционального узла пропагандистско-идеологического механизма» [6, с. 6]. В библиотековедческой литературе «активная социальная защита государственной идеологии и политики» объявлялась профессиональным долгом библиотекаря [111, с. 22], подчеркивалось, что библиотека всегда была и остается идеологическим учреждением, что находит свое отражение в направленности ее деятельности [133, с. 61]. Более того, некоторые библиотековеды выражали уверенность в том, что перестройка связана с усилением идеологической функции библиотеки [75, с. 7].

Обстоятельно рассмотрела в эти годы содержание идеологической функции библиотеки Н. И. Тюлина. Она подчеркивала, что «предоставляя свои фонды в общественное пользование, библиотеки неизбежно участвуют в идеологическом процессе» [123, с. 5]. Идеологическую функцию библиотеки нельзя ставить в один ряд с другими, так как идеология представляет собой не функцию, а сущность библиотеки и пронизывает всю ее деятельность, а любой документ несет в себе определенную идейную нагрузку. В доказательство правоты

своего утверждения Н. И. Тюлина ссылалась на деятельность американских публичных библиотек, которые, хотя и стремились всегда ставить себя над идеологией, так никогда и не сумели реализовать это стремление. Библиотека неотделима от общества и поэтому не может не находиться под влиянием господствующей в нем системы мировоззрения [122, с. 4].

Наряду с безусловными сторонниками сохранения общеметодологического значения принципа партийности и его реализации в идеологической функции библиотеки высказываются и мнения о необходимости уточнения содержания этого принципа.

Так, участники дискуссии в МГИКе пришли к выводу о том, что ленинский принцип партийности является ведущим только для работы библиотек с политической литературой. Другие участники дискуссии призывали полностью отказаться от принципа партийности, который, по их мнению, принял «сугубо охранительный характер», и заменить его принципами социалистического гуманизма, учета общечеловеческих ценностей [118].

Теоретические задачи разработки принципа партийности были сформулированы Ю. Н. Столяровым следующим образом: очищение трактовок принципа коммунистической партийности от догматизма и ортодоксальности, искажений в духе сталинизма, раскрытие его подлинной сущности. Ю. Н. Столяров полагал, что в ленинском принципе партийности органически совмещается общечеловеческое, общенаучное и классовое. Он решительно выступал против требований деидеологизации, аполитичности библиотечной работы [109]. По его мнению, партийность — это «объективно закономерная политическая и идеологическая направленность всех без исключения теоретических исследований». Он подчеркивал, что принцип партийности не может ставиться в один ряд с другими принципами. Это не рядовой, а основополагающий принцип [81, с. 99, 101].

В связи с переходом страны к многопартийной системе Ю. Н. Столяров уточнил свое понимание принципа партийности и отказался от его рассмотрения как основополагающего для современного библиотековедения. Он полагал, что «теоретически сосуществование коммунистической партийности с другими партийностями может быть определено как более общий принцип — социалистического плюрализма» [111, с. 25]. Позднее он предложил заменить принцип партийности принципом (законом) социальной обусловленности

библиотечного дела. Это понятие, по его мнению, включает в себя и партийность [80, с. 17].

С критикой такого подхода выступил А. В. Соколов, который подчеркнул, что закон социальной обусловленности — это разновидность марксистского закона о первичности базиса и вторичности надстройки. Он отрицал принцип партийности «ввиду его ограниченности» и считал необходимым, чтобы библиотеки стали беспартийными [101, с. 39]. Поэтому он предложил взамен принципа партийности ввести принцип гуманизма библиотечной деятельности, направленной на личность, на общечеловеческое [80, с. 19].

Отказ от принципа партийности как основополагающего для советского библиотековедения привел к пересмотру взглядов и на идеологическую функцию библиотеки. Ряд библиотековедов, не отрицая эту функцию, анализировали пути ее трансформации в условиях перестройки. Так, И. Б. Михнова считала странным оспаривать, что любая библиотека «в своей основе идеологична». Она, как и все общественные институты, находится под влиянием существующих в обществе идей, теорий, взглядов: «Другое дело, каково их содержание: утверждающее непрерывность наших идеологических норм или предполагающее право на существование разных точек зрения». Она считала правомерной в условиях перестройки политизацию работы библиотек, но это не должно вновь приобрести черты идеологического давления на читательское сознание [68, с. 15–16].

В. И. Харламов также полагал, что, поскольку библиотеки являются «трансляторами» идей, нелогично говорить об их полной деидеологизации. Выступления сторонников деидеологизации подразумевают, что «идеологий много, и они могут существовать на равных» [10, с. 42].

Ю. П. Мелентьева, Ю. Н. Столяров и другие библиотековеды, не отрицая идеологической функции библиотеки, рассматривали ее как вспомогательную [63, с. 5–6], критиковали «крен в излишнюю идеологизацию библиотечной работы», что ущемляет общегуманистическую сущность библиотеки [111, с. 21].

Вместе с тем в эти годы раздаются призывы к идеологической реформе, необходимой для приоритета общечеловеческих ценностей, утверждения принципа гуманизма [6, с. 11]. В библиотековедческой литературе критикуется «консервативность» библиотечной идеологии, которой была свойственна политизированность библиотечной

работы в ущерб общекультурной, гуманитарной направленности деятельности библиотек [12, с. 4].

На научной конференции «В. И. Ленин и современные проблемы библиотечной науки» (1990 г.) преобладала точка зрения, что библиотеки должны отражать всю совокупность взглядов, имеющих хождение в обществе, но не противоречащих Конституции, предоставлять читателю возможность самостоятельно сформировать свое мировоззрение. В условиях многопартийности библиотеки призваны вводить читателей во все разнообразие идей и позиций. Суть библиотеки — быть хранилищем общечеловеческих культурных ценностей. Здесь каждый может найти всю палитру политических течений [53, с. 4].

А. В. Соколов подчеркивал, что отказ от приоритета партийности не означает утверждения безыдейности. Идеологические основы необходимы, но они должны соответствовать современным реалиям. Он видел идеологические основы библиотечного дела в виде трех взаимосвязанных принципов: гуманизма, открытости и доступности изданий, активности и социальной ответственности библиотекарей [100, с. 54].

И. К. Джерелиевская, указывая, что в советском библиотековедении идеологическая функция рассматривалась как доминирующая, связывала «кризис» библиотечного дела с абсолютизацией этой функции. По ее мнению, это привело к превращению библиотек в «придаток» административной системы, когда каждая библиотека превратилась в идеологический центр [35, с. 8–9]. К сожалению, ей не удалось при этом избежать и некоторых неточностей и преувеличений, что было типичным для критики советского библиотечного дела в те годы. Сюда относились и утверждение того, что руководство чтением — это «изобретение» советских библиотековедов, хотя на самом деле оно возникло еще в дореволюционном библиотековедении; и вывод о том, что библиотечная наука в годы советской власти развивалась «исключительно в рамках идеи о преобладающем значении идеологической функции в деятельности библиотек» [35, с. 14].

Не отрицая того, что идеологическая функция в работе советских библиотек была основополагающей, сводить все советское библиотековедение к ее разработке по меньшей мере несправедливо. К сожалению, в этом стремлении отрицать какие-либо теоретические достижения советского библиотековедения она была не одинока.

Так, Ю. П. Мелентьева, отмечая, что в условиях многопартийности необходимо отказаться от трактовки библиотеки как идеологического учреждения, предлагала вместе с тем отказаться и от такой цели ее деятельности, как воспитание всесторонне развитой гармонической личности [63, с. 21]. Такое утверждение о взаимосвязи коммунистической идеологии и воспитания всесторонне развитой личности вряд ли правомерно. Напомним, что задача способствовать гармоническому развитию личности, ее умственному, нравственному и эстетическому образованию ставилась перед библиотеками в отечественном библиотековедении еще начала XX в. [22, с. 54].

Таким образом, результатом отказа от принципа коммунистической партийности были попытки обоснования таких принципов библиотечной деятельности, как гуманизм, плюрализм, опора на общечеловеческие ценности. Подробнее мы рассмотрим их в главе, посвященной анализу разработки в советском библиотековедении учения о библиотеке.

2.4. Проблемы теории руководства чтением

Одной из дискуссионных проблем, вызванных процессами перестройки, была проблема руководства чтением, теория которого рассматривалась в советском библиотековедении в качестве основополагающей, тесно связанной с принципом коммунистической партийности и реализацией идеологической функции библиотеки.

В дискуссиях по этой проблеме, проходящих в эти годы на страницах журналов «Советское библиотековедение» и «Научные и технические библиотеки СССР» и продолжавшихся и в 1990-е гг., ярко проявились основные направления библиотекведческой мысли тех лет.

Одно из них было направлено на сохранение и укрепление теоретических основ советского библиотековедения. Другое исходило из необходимости «модернизации», обновления этих основ. И, наконец, третье породило полное отрицание каких-либо достижений советского библиотековедения. Все эти направления особенно четко выявлялись при рассмотрении теоретических проблем руководства чтением.

О внимании к рассмотрению теоретических и методологических проблем руководства чтением говорит тот факт, что в эти годы вышел в свет ряд учебных и методических пособий, названных «Руководство

чтением» [27, 77, 88, 89], не считая многочисленных статей. Такое внимание к теоретическим проблемам руководства чтением было напрямую связано с процессами перестройки в политической, социальной и экономической жизни страны, стремлением помочь читателям ориентироваться в этой новой обстановке и в организации своего чтения.

Сторонники активизации руководства чтением в новых условиях напрямую связывали его с выполнением библиотекой ее идеологической функции. Они подчеркивали, что библиотека призвана не просто удовлетворять читательские запросы, но и содействовать формированию читателя, влиять на его интересы, вырабатывать культуру чтения. В предоставлении читателям полной свободы выбора при пассивности библиотекаря сторонники этой позиции видели серьезную опасность для библиотеки как «образовательно-воспитательного учреждения»; утверждали, что в условиях перестройки основная задача библиотеки — выступать организатором и руководителем чтения в обществе [45, с. 14].

И. Б. Михнова отмечала, что руководство чтением является идеальным инструментом для реализации идеологической функции библиотеки [68, с. 16].

По мнению Н. С. Карташова, руководство чтением должно сочетать в себе общие методы воздействия, дающие положительные результаты в широких читательских массах; особенные, наиболее эффективные в работе с определенными группами читателей; индивидуальные, учитывающие специфические черты каждого отдельного читателя [43, с. 8].

В библиотечной литературе подчеркивалось, что влияние на выбор читателями литературы присуще и публичным библиотекам за рубежом, преследующим не только досуговые, но и воспитательные цели [37, с. 119].

Поскольку в советском библиотековедении к рассматриваемому периоду руководство чтением определялось как основной путь реализации в деятельности библиотеки принципа партийности и идеологической функции, то именно на эту сторону руководства чтением и была направлена прежде всего критика. Ряд ведущих библиотековедов, вопреки историческим фактам, утверждали, что руководство чтением было «изобретением» советского библиотековедения. Так, К. И. Абрамов уверял, что это «новое» понятие вошла в советское библиотековедение Н. К. Крупская [73, с. 13].

По представлению И. К. Джерелиевской, руководство чтением возникло в первые годы советской власти как «идея приобщения к систематическому чтению людей малограмотных». Признавая его справедливым для этой категории читателей, И. К. Джерелиевская связывала его распространение на все слои общества с абсолютизацией идеологической функции в деятельности библиотек [35, с. 8–10].

В том, что принцип руководства чтением возник в период становления советского библиотечного дела, была уверена и В. Д. Стельмах. Она подчеркивала, что руководство чтением за годы советской власти претерпело «определенные метаморфозы»: идея помощи читателям незаметно подменилась «идеей идеологического диктата и контроля» [106, с. 5]. В. И. Терешин также рассматривал руководство чтением как «революционную диктатуру в чтении» [121, с. 29].

Трудно сказать, чего в подобных утверждениях было больше: намеренного искажения фактов, или, что вероятнее, недостаточного знания истории отечественного библиотековедения. На самом деле теоретические основы руководства чтением закладывались в России библиотековедами либерально-демократической ориентации, внесшими тем самым весомый вклад в мировое библиотековедение [22, с. 46–58].

Среди публикаций, в которых резко критиковалось и отрицалось руководство чтением, следует назвать, прежде всего, статью Л. Д. Гудкова и Б. В. Дубина, которые рассматривали руководство чтением как «фактически полный контроль над интересами и склонностями читателя», «нормирования одной и поощрения какой-то другой части литературной и научной культуры». Они подчеркивали, что, даже при «благих побуждениях» дать читателям самое лучшее, «эта политика воспитания читателя оказывает угнетающее воздействие на культурный процесс, блокируя и деформируя его развитие не только сейчас, но и в будущем» [30, с. 170–171].

Развернутую критику руководства чтением дал в эти годы В. И. Терешин, хотя следует отметить, что его взгляды по этой проблеме были во многом непоследовательны и противоречивы. Еще в 1988 г. он называл руководство чтением основополагающим направлением всей библиотечной работы, которое ведет читателя от незнания к знанию, к духовному совершенству [117, с. 7]. Однако уже тогда его отношение к руководству чтением было неоднозначным. С одной стороны, он не соглашался с тем, что читатель должен всегда быть объектом руководства чтением, выдвигал на первое место принцип

добровольности читателя в чтении [117, с. 18]. С другой стороны, он подчеркивал, что невмешательство в процесс чтения ведет к формированию у читателя некритического отношения к чтению [117, с. 27].

К концу рассматриваемого периода взгляды В. И. Терешина перенесли кардинальные изменения, и руководство чтением получило в его публикациях резко негативную оценку. Он утверждал, что смысл руководства чтением сводится к тому, чтобы заставить читателя читать не то, что ему хочется, а то, что требуют «идеология, партия, библиотека, действующая по принципу партийности» [116, с. 21]. По его мнению, «так называемая система руководства чтением» — это система волевого, авторитарного влияния библиотеки, «павязывания и ограничений». Руководство чтением он характеризовал как «диктатуру в чтении», как «метод насилия над чтением», как «командную систему» по отношению к читателям. Свою критику он доводил до абсурда, утверждая, что руководство чтением «в конечном счете сводится к рукоприкладству в чтении». Поэтому он предлагал библиотекам отказаться от притязаний на руководство чтением и заменить его сотрудничеством библиотекаря и читателя на равных [121, с. 29–33].

Однако при этом следует заметить, что, если В. И. Терешин любую попытку рекомендовать читателю литературу квалифицировал как «запрет на чтение», как «насилие», «волевое давление» библиотеки, то оставалось неясным, в чем же тогда будет выражаться сотрудничество библиотекаря и читателя «на равных».

Некорректность подхода В. И. Терешина проявлялась и при интерпретации библиотечных терминов, когда их научный анализ подменялся рассмотрением их на житейско-бытовом уровне. В результате у него и получилось, что руководить — это «рукой водить», а руководство чтением — это «рукоприкладство».

Статьей В. И. Терешина [121] было положено начало новому «витку» дискуссии по проблемам руководства чтением, которая продолжалась и в 1990-е гг. К рассматриваемому периоду относятся лишь первые отклики на эту статью.

В своем отклике Е. Н. Малевич указывал, что данное В. И. Терешиним определение руководства чтением как «волевого» влияния — это «явно от публицистики (в худшем смысле), так как ни в одном научном определении руководства чтением этого слова никогда раньше не было». Е. Н. Малевич полагал, что в условиях перестройки библиотечной работы требуется не отказ от руководства чтением, а даль-

нейшее научное обоснование этого понятия. Он подчеркивал, что руководство чтением — «не прихоть и не изобретение коммунистически-административного аппарата, а объективная закономерность самого процесса чтения», теория руководства чтением — обобщающая теория библиотековедения. Ее наличие — один из признаков библиотековедения как науки [57, с. 16–17].

Возражал противопоставлению руководства чтением и библиотечной педагогики, предложенному В. И. Терешиним, А. Я. Черняк, подчеркивая, что деятельность библиотеки не может строиться на принципах обучения: «не знаешь — научим, не хочешь — заставим». Он отмечал, что трудно себе представить осуществление названного принципа в библиотеке: «Библиотека никогда и ни в чем не заставляет, она может осуществлять по отношению к читателю лишь рекомендательные функции», против которых выступал В. И. Терешин. А. Я. Черняк полагал, что отрицание руководства чтением — это не что иное, как психологическая реакция на неправомерное расширение сущности процесса, который понимают под руководством чтением. Поэтому он считал необоснованным как расширительный подход к руководству чтением, так и позицию принципиального его отрицания. Он полагал, что руководство (и соответствующий ему термин) имеет право на существование как одна из функций библиотеки, способствующая поднятию уровня книжной культуры населения. А. Я. Черняк предложил свое определение руководства чтением, под которым он понимал «педагогический процесс, помогающий читателю в информировании и отборе литературы с учетом его читательских потребностей и интересов, а также — в формировании культуры чтения». Оно предполагает отсутствие диктата (воздействия) на читателя и происходит на уровне рекомендации [141].

С таким определением руководства чтением можно полностью согласиться, кроме попытки рассматривать воздействие на читателя как «диктат». Очевидно, что такое воздействие на читателя может успешно осуществляться и чаще всего осуществляется на основе пропаганды, рекламы, рекомендаций и т. п., а не диктата.

Следует заметить, что позиции и других библиотековедов также за сравнительно небольшой срок нередко претерпевали значительные изменения. Например, С. Г. Матлина в начале 1987 г. подчеркивала, что всю работу библиотеки, в том числе и информационную, следует подчинить целям руководства чтением [61, с. 85]. В 1990 г.

она утверждала, что в перестройке работы с читателями важную роль играет «преодоление многолетних стереотипов в теории руководства чтением и его методике» [62, с. 53]. Она полагала, что руководство чтением не вправе претендовать на роль единственной теоретической базы, и из обязательного принципа советского библиотековедения «в модифицированном виде» превращается в один из вариантов взаимодействия библиотекаря и читателя [60, с. 22]. В другой статье, написанной совместно с Н. Е. Добрыниной, С. Г. Матлина указывала, что библиотекарь — руководитель чтением «наделяется правом решать за читателя, какую литературу, в каком объеме и последовательности ему читать» [36, с. 10].

Здесь опять тот же случай, что и с высказываниями В. И. Терешина. Ни в одном определении понятия «руководство чтением» нет указаний на «право» библиотекаря «решать за читателя»! Авторы предлагали свое представление о руководстве чтением и сами же его критиковали.

Любопытно, что в другой статье, опубликованной почти одновременно, С. Г. Матлина уже по-другому отнеслась к руководству чтением, подчеркивая, что следует не отвергать его теорию и практику, не отказываться от позитивного опыта воспитательной деятельности библиотек. Она указывала, что теория руководства чтением имеет «глубокие корни в просветительных тенденциях отечественной культуры и как части ее — библиотечном деле». В ее рамках были исторически обоснованы пути реализации воспитательной функции библиотеки. Однако, по ее мнению, в настоящее время теория руководства чтением «сужает воспитательные и образовательные функции» библиотеки, так как информационная, рекреативная, гедонистическая, компенсаторная и другие функции библиотеки не вписываются в теорию руководства чтением [59, с. 49–50].

К сожалению, ряд положений, высказанных в статьях С. Г. Матлиной, не был достаточно четко аргументирован, и поэтому оставалось непонятным, какие «стереотипы» в теории руководства чтением необходимо преодолеть; почему названные выше функции не могут реализовываться через систему руководства чтением, почему последнее «сужает» возможности воспитательного и образовательного воздействия.

Противопоставление руководства чтением и «свободы выбора» приводило некоторых библиотекведов к выводу, что этот выбор не может быть чем-либо ограничен, что необходим «неограниченный

доступ ко всему, что создано человечеством и запечатлено в литературных источниках» [34, с. 27]. Более того, по мнению некоторых библиотекведов, необходимо отказаться не только от воздействия на читательские интересы, но и «устранить из библиотечной науки и практики то, что высокопарно именовалось „воспитание культуры чтения“» [12, с. 8].

Ряд советских библиотекведов, не отказываясь от понятия «руководства чтением», стремились, так или иначе, ограничить содержание этой деятельности. Например, рассматривали руководство чтением лишь в виде «продуманных ненавязчивых советов и предложений», как процесс общения читателя и библиотекаря [77, с. 3], вкладывали в это понятие, прежде всего, «целенаправленную помощь читателю» [58, с. 8].

Некоторые авторы разделяли деятельность библиотеки на две самостоятельные части: руководство чтением и информационное обслуживание. Возражая такому подходу, В. В. Скворцов подчеркивал, что реализация информационной функции библиотеки осуществляется через «управление процессом потребления информации», определенное его регулирование. Этим самым информационный подход не отрицает руководства чтением [85, с. 15].

Другие библиотекведы в работах по проблемам руководства чтением считали необходимым вернуть ему истинный смысл, очистить от идеологического наполнения, т. е. возвратиться к истокам теории руководства чтением, заложенной представителями либерально-демократического направления отечественного библиотековедения. Освобожденное от навязанной ему идеологической роли, руководство чтением правомерно рассматривать как педагогический процесс, наиболее важное (но не единственное) направление библиотечной педагогики. Именно в научном осмыслении руководства чтением как «целостного психолого-педагогического процесса» видел значительное достижение советской библиотекведческой мысли А. Я. Айзенберг [113, с. 89].

В наиболее развернутом виде проблемы руководства чтением были рассмотрены в эти годы в публикациях А. Н. Ванеева [19, 21, 88, с. 3–17; 113, с. 6–21]. Им было прослежено зарождение термина «руководство чтением» с середины XVIII в., на основе чего он пришел к выводу о том, что таким образом утверждалось понимание руководства чтением как квалифицированной помощи библиотекаря читате-

лям в выборе литературы. Однако постепенно содержание этого понятия трансформировалось. А. Н. Ванеев предложил понятие «руководство чтением» заменить термином «управление чтением», которое, с его точки зрения, более адекватно передавало активное, целенаправленное воздействие на содержание и характер чтения, и которое правомерно рассматривать как один из механизмов социального управления духовной жизнью современного общества. Он характеризовал управление чтением как целостный психолого-педагогический процесс, связанный со всеми сторонами библиотечной деятельности.

Основными целями управления чтением являются: содействие всестороннему гармоническому развитию личности, максимальное удовлетворение и развитие читательских интересов и потребностей, воспитание культуры чтения и совершенствование читательской деятельности. Важнейшим принципом управления чтением А. Н. Ванеев считал принцип комплексного подхода, который обеспечивался тем, что управление осуществляется не только при общении библиотекаря с читателем, но и всей системой работы библиотеки. А. Н. Ванеев подчеркивал, что управление чтением базируется на принципе самостоятельности читателя. Его цель – создать благоприятные условия, позволяющие читателю самому выбирать направления и систему чтения, формировать свои читательские интересы. Оно строится на основе «обратной связи» читателя и библиотекаря при активной роли последнего. В советском библиотековедении «свобода выбора» литературы читателями объявлялась буржуазным принципом и подвергалась резкой критике. В действительности, как утверждал А. Н. Ванеев, «это одно из неотъемлемых прав каждого читателя». Он подчеркивал, что «добровольность – главный тезис теории руководства чтением».

Другим принципом теории руководства чтением А. Н. Ванеев называл «принцип социальной активности», подчеркивая, что общество и библиотека как его социальный институт не вправе совсем отказываться от какого-либо воздействия на чтение. Он возражал критикам руководства чтением, которые видели в нем «административно-нажимной» метод воздействия на чтение, смешивая понятия «принуждение к чтению» и «руководство чтением». А. Н. Ванеев подчеркивал, что такая трактовка искажает суть руководства чтением, конечной целью которого является «формирование подлинных духовных ценностей и высоких эстетических вкусов на основе

принципов добровольности и самостоятельности читательского выбора».

А. Н. Ванеев отмечал, что суть управления чтением состоит в поиске оптимальных вариантов решений и активной роли библиотекаря. Однако эти решения не могут быть обязательными, так как чтение – процесс индивидуальный. Поэтому предлагаемые библиотекарем решения должны носить рекомендательный характер. Управление чтением предполагает обязательное участие в этом процессе самого читателя, т. е. фактически решения принимаются совместно.

Понимание руководства чтением как процесса управления чтением было поддержано Е. В. Смолиной, которая указывала, что эти процессы отличаются своим предметом, так как управляют процессами, а руководят людьми. Библиотекарь и читатель управляют процессом чтения на основе совместно принятых решений и «обратной связи». Поэтому сущность руководства чтением заключается в совместной деятельности библиотекаря и читателя [97, с. 40, 50].

Хотя в годы перестройки большинство советских библиотековедов отказалось от рассмотрения руководства чтением как инструмента идеологического воздействия и рассматривало его как целенаправленный педагогический процесс влияния на содержание и характер чтения, проблемы руководства чтением оставались одной из дискуссионных проблем отечественного библиотековедения.

2.5. Разработка учения о библиотеке и ее социальных функциях

В библиотековедческой литературе рассматриваемого периода подчеркивалось, что вопрос о сущности библиотеки и ее социальных функциях «всегда был и остается основным теоретическим вопросом библиотековедения» [81, с. 3]. При этом во многих публикациях библиотека по-прежнему рассматривалась как идеологическое, культурно-просветительное и информационное учреждение, организующее общественное пользование книгами, другими произведениями печати, рукописями, аудиовизуальными и иными материалами, составляющими библиотечные фонды: «Советские библиотеки призваны обеспечить наиболее полное и эффективное использование своих фондов в целях дальнейшего экономического, социально-политиче-

ского и духовного прогресса советского общества, воспитания трудящихся в духе норм и принципов развитого социализма» [16, с. 21–22].

Попытку расширить это традиционное определение предпринял А. М. Стахевич, который полагал, что библиотеку правомерно рассматривать не только как идеологическое, культурно-просветительное и информационное учреждение, но и как научно-исследовательское и функциональное учреждение; памятник культуры; объект строительства и архитектуры; часть домашнего интерьера; книгохранилище и т. д. И каждое из определений этих терминов будет иметь свою специфику [104, с. 3].

В библиотековедческой литературе тех лет наряду с понятиями «сущность», «роль» появилось новое понятие, до этих пор отсутствовавшее в терминологических словарях по библиотечному делу — «миссия библиотеки». Так, Ю. А. Гриханов говорил об «историко-культурной миссии библиотеки» [53, с. 8]. А. В. Соколов подчеркивал, что «социальная миссия библиотечного института видится самоценной и гуманной. Библиотеки всегда были хранилищами общечеловеческих ценностей, гарантом развития цивилизации, именно в качестве полноценных хранителей духовных богатств человечества» [143, с. 13]. Библиотека определялась в качестве института культурной преемственности поколений, сохранения памяти человечества, его опыта, знаний, как хранилище культурного фонда нации [12, с. 5].

Н. И. Тюлина, рассматривая эту проблему по отношению к национальной библиотеке, подчеркивала, что культурная миссия библиотеки заключается в сохранении, преемственности и развитии отечественной культуры. Она отмечала особое значение этой миссии в связи с резким ростом национального самосознания [127].

Цель перестройки библиотечного дела исследователи видели в возрождении гуманистической сущности библиотеки, которой пренебрегали в годы советской власти ввиду ориентации библиотековедческой мысли на идеологическую сущность советской библиотеки.

М. Я. Дворкина определяла библиотеку как «особый мир, кумулирующий и хранящий произведения различных авторов всех веков и народов в первоизданном виде, доводящий их идеи до современного читателя». Отказ от представления о библиотеке как «отражении Вселенной» (Н. А. Рубакин) и привел, по ее мнению, к тому, что биб-

блиотеку в советском библиотековедении стали рассматривать как учреждение, занятое пропагандой партийно-государственной идеологии [32, с. 26].

В. Д. Стельмах на основе проведенного исследования оценок и представлений читателей отмечала, что в их основе лежит образ библиотеки как храма знаний. Традиционный взгляд на библиотеку заключается в представлении о ней как о «храмиллице старых коллекций, неподвластных времени и происходящим вокруг изменениям», и современная библиотека как мощное научно-информационное учреждение не разрушила этот складывающийся веками традиционный образ. Библиотека стала «фактом общественного сознания, занимая место среди ценностей самого высокого уровня, наиболее всеобъемлющих и безоговорочных» [105, с. 18–20].

Концепция библиотечного дела в СССР, опубликованная в 1990 г., исходила из того, что центральное место в ней занимает «мысль о возрождении гуманистической сущности библиотеки, закреплении приоритета ее культурной миссии как социального института». Концепция предложила «новый целостный образ библиотеки», которому присущи следующие черты:

- самоценность библиотеки как социального института;
- гуманистическая направленность ее деятельности, ориентация на общечеловеческие ценности, а не идеологические догмы;
- демократичность библиотечного обслуживания;
- многообразие организационных форм библиотечного обслуживания;
- самостоятельность в проведении библиотечной политики;
- нацеленность на обеспечение доступа к информации;
- преодоление самоизоляции библиотеки как в рамках своей системы, так и на основе взаимодействия с другими библиотеками [50, с. 1–2].

Эту гуманистическую сущность библиотеки видели в наиболее полном удовлетворении постоянно возрастающих потребностей общества в книге и информации [122, с. 2]. Раскрывая содержание понятия «гуманизация» библиотеки, В. Р. Фирсов писал: «Гуманизация предполагает: активное раскрытие культурного наследия, заключенного в фонде библиотеки; обоюдную заинтересованность библиотекаря и читателя в общении; создание благоприятных условий для контактов читателей между собой; оказание разнообразных услуг,

которые будут способствовать выполнению первых трех из перечисленных задач» [131, с. 15].

Вместе с тем в рассматриваемый период в библиотекведческой литературе рассматриваются и другие представления о сущности библиотек. Так, В. В. Скворцов критиковал определение сущности библиотеки как организации общественного пользования произведениями печати и другими документами. Такую концепцию библиотеки он называл формалистической, поскольку, по его мнению, она отражает лишь форму, внешнюю видимость деятельности библиотеки, а не сущность процесса, в ней протекающего. Он полагал, что подлинную сущность библиотеки выражает не документалистская (выдача документов), а информационная концепция: «Строго говоря, библиотека „выдает“ не книгу, не документ, а информацию». Библиотека является не столько хранилищем документов, сколько, и прежде всего, информационным учреждением. По мнению В. В. Скворцова, библиотека — это «социальный механизм сбора и хранения, организации и реорганизации, распределения и перераспределения, централизации и децентрализации, концентрации и рассредоточения, агрегации и деагрегации информации в обществе».

Рассматривая библиотеку как разновидность информационного учреждения, В. В. Скворцов в то же время подчеркивал, что библиотечное дело шире понятия «научно-техническая информация», так как включает в себя «весь универсум информации, в том числе и информации, отражающей результаты художественного освоения мира». В. В. Скворцов полагал, что в конечном счете библиотеки и органы информации объединятся в единую организационную структуру, что явится революцией в библиотечном деле [85, с. 5–19].

Эту информационную концепцию сущности библиотеки развивали В. И. Грачев и Л. И. Рудич, которые, рассматривая библиотеку как институт социальной коммуникации, полагали, что по характеру деятельности и задач современную библиотеку правильнее называть «информотекой» [29].

Это положение вызвало в библиотекведческой печати аргументированную критику. Так, А. Я. Черняк выступил против замены понятия «библиотека» на «информотеку», поскольку библиотека хранит не информацию, а источники (документы) [142, с. 7].

Эту мысль развивал и В. И. Терешин, который подчеркивал, что если принять информационную концепцию библиотеки, то библио-

теку действительно надо называть информотекой, а библиотечную деятельность — информационной. Он полагал, что и формой, и содержанием информации является документ, без которого она не существует. Библиотека имеет дело только с фиксированной информацией, т. е. с документом как единственной формой существования фиксированной информации. Поэтому именно документ лежит в основе библиотеки, а библиотека является основным документным учреждением общества. Исходя из этих соображений, В. И. Терешин защищал «документную теорию библиотеки», подчеркивая, что она не только не противоречит, а, наоборот, наиболее полно выражает информационную сущность деятельности библиотеки [85, с. 19–25].

Против превращения библиотеки в информационное учреждение выступал и Ю. Н. Столяров. Он подчеркивал уникальность библиотеки как «главного, если не единственного хранителя и пропагандиста социальной памяти человечества, фундамента культуры, информационного потенциала общества» [111, с. 25].

В библиотечковедческой литературе тех лет подчеркивалось, что социальные функции задаются библиотеке обществом, которое поддерживает существование библиотек, и поэтому понятия «роль», «задачи», «цель» можно рассматривать как синонимы понятия «функции». Так, М. Д. Афанасьев обосновывал важное теоретическое положение о постоянстве заданных библиотеке социальных функций, когда меняется лишь степень значимости той или иной из них. Эволюция функций зависит гораздо больше от социальных и культурных процессов, происходящих в обществе, нежели от технологических нововведений [5, с. 184, 187]. Постоянство социальных функций библиотеки, для которых на каждом историческом этапе требуется уточнение содержания, подчеркивала и В. А. Мильман [67, с. 12].

Эти утверждения были особенно ценны тем, что среди библиотечковедов довольно широкое хождение имело мнение о том, что социальные функции библиотек изменяются под влиянием их компьютеризации, а также в связи с переменной общественной и культурной ситуации. Отсюда требование пересмотра традиционных функций библиотек [37, с. 109, 116].

С этими положениями связана в основном и продолжавшаяся в те годы дискуссия о принципах определения социальных функций библиотеки, начатая в журнале «Научные и технические библиотеки СССР» еще в 1984–1985 гг. Так, Ж. С. Яцкунас, оценивая состояние

разработки этой проблемы, отмечал, что различная номенклатура и количество функций библиотеки свидетельствуют об отсутствии убедительных критериев их выделения, а отсутствие объяснения взаимосвязи различных функций ведет к тому, что они предстают «в качестве механического конгломерата, а не иерархической системы структурно-функциональных элементов». Ж. С. Яцкунас считал, что, поскольку многие функции (познавательная, воспитательная, идеологическая, эстетическая, коммуникативная и др.) осуществляются и другими сферами культуры, они не могут рассматриваться в качестве специфических функций библиотеки. В качестве такой специфической функции он назвал организацию общественного пользования определенным образом сформированными фондами. В этом он видел роль библиотеки, рассматривая тем самым понятия «роль» и «функции» как синонимы. Вместе с тем он призывал не смешивать сущностные функции библиотеки с выполнением ею временных задач, обусловленных конкретной исторической ситуацией [145, с. 18–20].

На это обстоятельство обращали внимание и другие библиотекосведы, стремясь определить сущностную функцию библиотеки. Так, Л. И. Куштаина, рассматривая понятие сущностной функции библиотеки как ключевое в учении о библиотеке, такой сущностной функцией называла «то реальное содержание деятельности, которое библиотека осуществляет в интересах общества и на благо накопления, сохранения, распространения и приумножения общечеловеческих ценностей» [53, с. 6].

А. В. Соколов разделял понятия «сущность» и «функции» библиотеки. Последние он подразделял на сущностные и прикладные, подчеркивая взаимосвязь между ними. Отличие библиотеки от других учреждений (архивов, музеев и т. п.) заключается, по его мнению, в ее сущности, а не в функциях, которые у них весьма близки и даже совпадают: «Сущностным, субстанциональным свойством» для любой библиотеки является книга. Областью пересечения сущности и функций являются сущностные функции [102, с. 43–45]. А. В. Соколов подчеркивал, что такие социальные функции, как идеологическая, образовательная, культурно-просветительная, содействия научно-техническому прогрессу, являются не имманентными, а социально обусловленными. Поэтому необходимо выявление сущностных (необходимых, имманентных) функций. Они являются первич-

ными, исходными, а исторически обусловленные функции — вторичными, производными, прикладными. Он предложил в качестве сущностных функций: ценностно-ориентационную (оценочную), коммуникативно-познавательную и кумулятивно-поисковую. При этом он утверждал, что специфических социальных функций для библиотек вообще не существует. Исходя из этого, А. В. Соколов полагал, что методологически неверно вести автономную разработку «учения о социальных функциях библиотеки». Должна быть «обобщающая социально-функциональная теория общественно-организованной информационной коммуникации». Задачу библиотековедения он сводил лишь к выявлению функциональных различий отдельных типов библиотек [103, с. 19–20].

В этих рассуждениях неясно одно: если библиотековедение должно выявлять функциональные различия отдельных типов библиотек, то почему оно лишено права выявлять функциональные особенности библиотеки вообще по сравнению с другими органами коммуникации? Надо полагать, что специфика выполнения социальных функций в библиотеках более близка библиотековедам, а не теоретикам учения о социальных коммуникациях.

По-другому подошел к определению социальных функций библиотеки В. В. Скворцов, который предложил заменить «однопорядковый» набор функций «деревом функций», подразделив их на сущностную (информационную) и производные (идейно-воспитательную, культурно-просветительную, образовательную, реакционную) [85, с. 12–14]. Информационную функцию он считал «главной и единственной родовой функцией» библиотек, поскольку сущность библиотечной работы составляет информационная деятельность [93].

Н. И. Тюлина также в качестве «родовой» рассматривала информационную функцию, так как библиотека — это информационное учреждение [122, с. 4]. В основе деятельности библиотеки лежит именно информационная функция, писала она, «поскольку любой аспект ее социальной функции — культурно-просветительной, социализирующей, педагогической, гедонической и др. начинается с поиска и использования информации» [128, с. 47]. Поскольку основная социальная функция библиотеки заключается в предоставлении обществу необходимой документной информации, то поэтому четырехчленная структура библиотеки (документ — абонент — библиотекарь — материально-техническая база), обоснованная Ю. Н. Столяровым

[107], должна быть дополнена пятым элементом — справочным аппаратом, который в период перехода к «новому библиотечному мышлению» приобретает самостоятельное значение [125, с. 5].

Вместе с тем в библиотекведческой литературе мы встречаем и возражения против абсолютизации информационной функции. Так, И. П. Осипова подчеркивала, что развитие информационной функции библиотеки не должно сужать других функций, а, напротив, требует их взаимопроникновения [74, с. 32]. А И. К. Джерелиевская вообще считала, что информационную функцию должны осуществлять органы НТИ, а для библиотек основной является коммуникативная функция. Поэтому в качестве родовых она называла две функции библиотеки. Первую из них она определяла как форму бытования и условия сохранения культуры, исчерпывающего комплектования и вечного хранения, хотя и не дала ее четкой формулировки. Очевидно, что в виду имелась либо «книгохранительная», либо «мемориальная» функция. Вторую функцию она связывала с ролью библиотеки как организатора и генератора библиотечных коммуникаций, т. е. коммуникативную функцию. К этим заявленным двум родовым функциям она добавляла и третью — гуманистическую функцию библиотеки [35, с. 5–7].

В целом в дискуссиях о сущности библиотеки и ее социальных функциях в предлагаемых различных их перечнях нередко в одном ряду с социальными и типологическими фигурировали и технологические, и организационные функции, что не только не проясняло проблему социальной сущности и социальных функций библиотеки, но вносило в эту проблему изрядную путаницу.

2.6. Разработка учения о библиотечном деле

К середине 1980-х гг. в советском библиотековедении библиотечное дело характеризовалось как область идеологической, культурно-просветительной и информационной деятельности, обеспечивающая удовлетворение потребностей населения в произведениях печати и других документах посредством библиотек [16, с. 28], что восходило к ГОСТу 7.26–80 «Библиотечное дело: основные термины и определения» [15, с. 2].

В рассматриваемый период предпринимаются попытки уточнить и конкретизировать это стандартное определение. Так, А. М. Стахе-

вич возражал против определения библиотечного дела как «области деятельности», поскольку функции удовлетворения читательских потребностей выполняет не «библиотечное дело», а библиотеки [104, с. 3].

А. Н. Хропач расширял понятие «библиотечное дело», включая в него помимо библиотек подготовку библиотечных кадров, экономику, управление, теорию и практику библиотечного строительства. Библиотеки он рассматривал как функциональный элемент системного понятия «библиотечное дело» [135, с. 3].

В библиотековедческой литературе этого периода ставилась задача выработать «новое сущностное определение понятия „библиотечное дело“». По мнению М. А. Коноваловой и А. И. Остапова, для этого необходимо определить его функциональную структуру. В нее они включали различные взаимосвязанные и взаимодействующие компоненты: «потребность — мотив — обменный фактор — условия среды — средства — способ объект — предмет — результат». Они указывали на коммуникативно-познавательный характер библиотечного дела. Его цель и технология обуславливают «триединую сущностно-целевую технологическую функцию», ориентированную на удовлетворение коммуникативно-познавательных потребностей [49, с. 80–81]. Однако четкого понятия «библиотечное дело» они не предложили.

В библиотековедении назывались и обосновывались характерные черты библиотечного дела. Среди них в словаре библиотечных терминов были названы: государственный характер; общедоступность и демократизм; дифференциация библиотечного обслуживания; наличие библиотек разных видов; активное участие широких масс населения в библиотечном деле [16, с. 28].

Важнейшим направлением учения о библиотечном деле считалась разработка «целостной теории создания единой системы библиотек», которая характеризовалась как сложная и первостепенная задача библиотековедения. Н. С. Карташов характеризовал создание единой системы библиотек как объективную необходимость, призванную обеспечить удовлетворение информационных потребностей и эффективное использование библиотечных ресурсов [83, с. 4, 7–8].

Проблемы единой системы библиотечного обслуживания приобрели особую актуальность в связи с реальными процессами децентрализации управления в условиях перестройки. Это с особой остротой поставило вопрос о сохранении единства системы советских библиотек.

По мнению Н. И. Тюлиной, такое единство необходимо для возможно полного и качественного удовлетворения потребностей читателей, что, в свою очередь, требует определения объективных закономерностей развития потребностей общества в библиотечном обслуживании. Она рассматривала библиотечную сеть как одновременно и социальную, и технологическую систему. Ею были названы и охарактеризованы основные принципы, обеспечивающие единство библиотечной системы. На первое место, «как единый принцип обслуживания для всех библиотек», она выдвигала принцип общедоступности, который конкретизируется, по ее мнению, еще одним принципом — «взаимодоступности источников библиографической информации». Среди других принципов единой библиотечной системы ею были названы принципы централизованного руководства, плановости развития библиотечной сети, функциональности в распределении ответственности между отдельными типами и видами библиотек. По ее мнению, только централизованное руководство способно гарантировать единство действий библиотек, подчинить побочные интересы общей цели. Указывала она также на принцип методического единства действий всех компонентов единой системы библиотек [126].

Однако механизм реализации построения единой системы библиотек, их взаимодействия в новых исторических условиях теоретически и практически в эти годы еще не был разработан и оставался предметом дискуссий. Одной из таких дискуссионных проблем была проблема централизации в библиотечном деле.

Содержание «ленинского принципа централизации» было обстоятельно рассмотрено Ю. Н. Столяровым, который указывал, что этот принцип В. И. Ленин тесно связывал с пониманием идеологических задач партии и библиотек как ее опорных пунктов: «Идеи партийности и централизации оказались сплетенными в тугой узел» [108, с. 27]. Ю. Н. Столяров подчеркивал, что централизация библиотечного дела — это прежде всего вопрос управления им. В условиях перестройки он подлежит коренному пересмотру. Нельзя доказывать перспективность централизации библиотечного дела ссылками на Ленина, тем более, что при нем существовало и децентрализованное управление (например, в годы НЭПа) [108, с. 33].

К сожалению, Ю. Н. Столяров, как и некоторые другие библиотекведы, смешивал централизованное управление библиотечным делом и централизацию библиотечной сети, т. е. организацию ЦБС.

Первос исходило из принципа централизованного государственного руководства, в котором централизованное управление библиотечным делом было частным случаем, и поэтому рассмотрение вопроса о том, какова должна быть эта система (централизованная или децентрализованная), выходит далеко за пределы библиотечного дела и представляет собой общегосударственную проблему перестройки управления социально-экономической жизнью общества (в том числе, разумеется, и библиотечным делом).

Проблема создания централизованных библиотечных систем должна рассматриваться совсем в другой плоскости. ЦБС — это аналог зарубежных филиальных библиотечных систем, точная их копия: центральная библиотека — филиалы. Это весьма редкий для советских времен пример активного заимствования зарубежной библиотечной практики. Однако, поскольку внедрение ЦБС проходило в годы борьбы с «реакционным буржуазным библиотековедением», то вместо общепринятого термина «филиальная система», о которой, кстати, писал В. И. Ленин, было придумано название — централизованная библиотечная система (ЦБС). Поэтому вряд ли был обоснованным вывод Ю. Н. Столярова о том, что создание ЦБС «идеально вписалось в административно-бюрократический стиль руководства страной и стало идеологической опорой командной системы» [108, с. 34]. Библиотеки были идеологической опорой КПСС и до создания ЦБС, а управление этой системой не связано с централизацией управления страной.

В эти годы ряд библиотековедов (Б. Н. Бачалдин, В. В. Серов и др.) в усилении эффективности и интенсивности централизации и более полном использовании ее возможностей и резервов видели путь перестройки в библиотечном деле, считали централизацию «магистральным и наиболее прогрессивным путем дальнейшего развития и совершенствования библиотечного дела» [87, с. 12], видели в перестройке «новые перспективы для углубления принципов централизации» [8, с. 20].

Однако вся логика перестройки была направлена на развитие демократических начал в управлении, что неизбежно вело к снижению роли централизованного руководства и развитию инициативы на местах. В библиотековедческой литературе подчеркивалось, что демократизация библиотечного дела требует ликвидации «системы жесткого централизованного ведомственного управления» [143, с. 9]. Демокра-

тизацию библиотечного дела связывали с формированием общественных органов управления библиотечным делом [76, с. 3], с развитием читательского самоуправления библиотечным делом в форме советов директоров библиотек города, региона, ведомства и т. д. [128, с. 53].

По мнению А. В. Соколова, «скомпрометировавшее себя иерархическое управление должно уступить место общественно-государственному, где общественную часть представляет собой библиотечное общество, а государственную — местный Совет народных депутатов» [143, с. 13].

Дискуссии возникали и вокруг такого традиционного принципа библиотечного дела, как общедоступность библиотечного обслуживания. Выдвигались требования пересмотра этого понятия, обогащения его новыми критериями.

Так, Н. И. Тюлина критиковала определение общедоступности, данное в учебнике «Библиотековедение. Общий курс», где общедоступность трактовалась как обязанность библиотеки обеспечить наиболее полное и эффективное использование своих фондов всеми гражданами [13, с. 106]. Она подчеркивала, что в основе общедоступности должны лежать равные возможности пользования всеми формами библиотечного обслуживания для всех граждан, независимо от их возраста, уровня образования, национальной принадлежности, физического состояния, социального статуса, места жительства [128, с. 47].

Общедоступность — это возможность для читателя любой библиотеки получить доступ к документу, хранящемуся в любой другой библиотеке. Поэтому, по мнению Н. И. Тюлиной, первым обязательным условием общедоступности является «широта и бесперебойность» системы взаимоиспользуемых библиотечных фондов. Другим важным условием общедоступности она считала одинаковую степень технической оснащённости всех библиотек, входящих в единую библиотечную систему [125, с. 7]. В связи с этим важное значение имело обоснование Е. А. Фенелоновым принципа социальной справедливости, т. е. создания всему населению равных возможностей в использовании общественных книжных фондов [130, с. 15].

С проблемой общедоступности библиотек была связана и проблема бесплатности библиотечного обслуживания. В концепции развития библиотечного дела в РСФСР принцип бесплатности библиотечного обслуживания назван «фундаментальной основой» советской

библиотечной системы [51, с. 11]. По мнению Ю. Н. Столярова, библиотека — это по существу благотворительное общественное учреждение и стремление брать плату противоречит ее гуманитарной сущности [110, с. 30].

К сожалению, эти принципы библиотечного дела, как правило, лишь провозглашались, но не обосновывались пути их реализации в условиях перестройки.

2.7. Проблемы типологии и терминологии в библиотековедении

Предметом активной научной разработки и дискуссий были в эти годы проблемы типологии библиотек. Разработка этой проблемы, как и в предыдущие периоды истории библиотековедческой мысли, шла в двух направлениях: типология (классификация) библиотек и типологические особенности отдельных типов и видов.

В учебнике «Библиотековедение. Общий курс» (1988) констатировалось, что в определении основных типов и видов библиотек нет единой позиции. Традиционным являлось деление библиотек на массовые, научные и специальные. Однако автор главы о типологии библиотек Н. С. Карташов считал, что такое деление уже не соответствует современным представлениям о социальном назначении библиотек. По его мнению, именно социальное (общественное) назначение библиотек определяет необходимость функционального подхода к их типологизации. Он связывал типологию библиотек с дифференциацией и интеграцией информационных потребностей и читательских интересов и на этой основе выделял два типа библиотек: универсальные и специальные [13, с. 76–77].

Разделения библиотек на два типа — универсальные и специальные — придерживались и другие библиотековеды. Так, Н. И. Тюлина считала, что на смену делению библиотек на научные и массовые должно быть выделено как первый ряд типо-видовой классификации деление на два типа: универсальные и специальные библиотеки. По ее мнению, разделение библиотек на научные и массовые несовместимо с распределением ответственности библиотек за библиотечное обслуживание, поскольку в его основе лежит признак ведомственной принадлежности. Эта проблема может быть решена толь-

ко при взаимодействии универсальных и специальных библиотек [126, с. 36].

Многие участники совещания, на котором разрабатывалась концепция развития библиотечного дела (Рязань, 1989 г.), полагали, что при типизации библиотек следует исходить не из содержания запросов (потребностей), а из статуса читателя. В соответствии с этим они предлагали разделять библиотеки на два типа: публичные и специальные. При этом под публичной библиотекой понималась любая библиотека универсального типа [86, с. 83].

Однако эти предложения встречали и активную критику, и противодействие со стороны ряда советских библиотекведов. Так, Ю. Н. Столяров полагал, что общепринятое в библиотекведении разделение библиотек на массовые и научные вполне оправдывает себя на практике при определении социальных функций библиотек, подходе к комплектованию фондов и т. д. Во главу типизации библиотек он ставил информационные потребности. Исходя из этого, он выделял специальные и научные библиотеки, обеспечивающие профессиональные потребности, и библиотеки массовые, ориентированные на потребности непрофессиональные. Деление же библиотек на универсальные и специальные существенно, по его мнению, более всего для определения состава фондов, т. е. для частной библиотекведческой задачи [112, с. 24].

В. И. Терешин считал, что отказ от деления библиотек на массовые и научные слабо аргументирован и исходит из стремления придать массовой библиотеке статус научной. По его мнению, такое объединение массовых и научных библиотек в один тип универсальной библиотеки обедняет систему типизации библиотек [120, с. 6]. Он подчеркивал, что в условиях перестройки наблюдается не сближение массовых и научных библиотек, а обратный процесс. Массовые библиотеки все интенсивнее становятся организаторами досуга, разумного отдыха, всестороннего развития личности. А научные и специальные библиотеки все активнее ориентируются на обслуживание профессиональных потребностей, содействие развитию науки и производства. Он полагал, что главный признак типизации — социальное назначение библиотеки, а универсальность или специализация библиотеки — это профиль, производный признак от главного [115, с. 46–48].

Свои доводы в пользу разделения библиотек на научные (универсальные и специальные) и массовые предложили также

И. М. Андреева, Н. А. Сляднева и Л. В. Трапезникова, которые считали необходимым использовать в качестве типобразующего признака удовлетворение библиотеками либо профессиональных, либо непрофессиональных потребностей. В соответствии с этим они разделяли библиотеки на научные, удовлетворяющие профессиональные потребности, и массовые, ориентированные на удовлетворение потребностей непрофессиональных [4, с. 30].

Наряду с критикой предлагаемой типизации библиотек на универсальные и специальные и защитой традиционного деления на научные и массовые, ряд библиотекведов попытались в эти годы предложить свои варианты типологии библиотек.

Один из таких вариантов принадлежал А. Н. Хропачу, который предложил типизацию библиотек на уровнях общего, особенного и единичного. На уровне общего он выделил три типа: универсальные, межотраслевые и отраслевые библиотеки. На втором уровне дифференциации, на уровне особенного, критерием может выступать сфера деятельности, что позволяет выделить публичные (общедоступные), специализированные и специальные библиотеки. Среди публичных он выделял научные библиотеки, относя к последним лишь имеющие статус научного учреждения и соответствующие подразделения в структуре. И, наконец, на уровне единичного библиотеки могут подразделяться по региональному признаку и ведомственной принадлежности [135, с. 5–6].

Свои представления о типологии библиотек А. Н. Хропач развил в другой статье [136], где, сохранив основное деление на универсальные, многоотраслевые и отраслевые библиотеки, пояснял, что в рамках каждого из этих типов могут различаться публичные (общедоступные), специальные (учебные, производственные) и специализированные (патентные, нотные, детской литературы) библиотеки. «Параметром третьего ряда» он называл признаки ведомственной принадлежности и иерархического положения в ведомственной или региональной сети.

С точки зрения А. Н. Хропача, типизация библиотек по признаку потребностей абонентов неприемлема, так как каждая библиотека должна удовлетворять и профессиональные, и непрофессиональные интересы [136, с. 25].

Аналогичный подход к типизации библиотек по признаку удовлетворения общих, особенных и единичных библиотечных потребностей пред-

лагал Р. С. Мотульский. К библиотекам первого типа он отнес «публичные» библиотеки. Среди них Мотульский выделял следующие виды:

- национальная общесоюзная;
- национальные союзных и автономных республик;
- областные и краевые;
- районные;
- сельские и городские, отдельных предприятий и учреждений.

Под последними он понимал профсоюзные библиотеки, библиотеки для больных, библиотеки в тюрьмах, воинских частях, домах отдыха и санаториях, библиотеки для детей (но не школьные библиотеки).

Библиотеки, удовлетворяющие особенные библиотечные потребности — это специальные библиотеки. «Специальная библиотека — это библиотека, удовлетворяющая особенные библиотечные потребности пользователей, определенные сферой их деятельности, на основе универсального или отраслевого фонда». Среди специальных библиотек он выделял: учебные, производственные, научные, управленческие. Что касается единичных потребностей читателей, то их призвана удовлетворять личная библиотека [71, с. 11–14].

Нетрудно заметить, что в этой классификации смешивались и переплетались общие и особенные потребности. Так, специальная библиотека оказывается и библиотекой универсальной, а в число научных библиотек не входят универсальные научные библиотеки (национальные, республиканские, областные и краевые).

Еще один подход к типологии библиотек предлагала Е. Т. Селиверстова, которая в основу типологии библиотек положила функциональные потребности, выделив в соответствии с этим группы библиотек, соответствующие определенному классу потребностей. Общеобразовательным потребностям соответствуют учебные библиотеки, профессиональным — специальные, самообразовательным — публичные [90, с. 8].

Однако большинство библиотекосведов в рассматриваемый период склонялось к традиционному делению библиотек на массовые и научные и специальные. Предложенное деление библиотек на универсальные и специальные не получило широкой поддержки и стало общепризнанным только в 1990-е гг.

Предметом научной разработки и дискуссий были в эти годы типологические особенности отдельных типов и видов библиотек. Здесь,

прежде всего, следует назвать теоретическую разработку типологических черт национальной библиотеки. Интерес к этой проблеме возрос в связи с выходом в свет монографии Н. И. Тюлиной «Национальная библиотека: опыт типологического анализа» (1988 г.), в которой национальная библиотека рассматривалась как центральное звено единой библиотечной системы и одно из наиболее сложных явлений современного библиотечного дела. В этой монографии представлен обобщенный теоретический облик национальной библиотеки [124].

Отдельные теоретические положения монографии Н. И. Тюлиной вызвали дискуссию. Так, для А. Я. Черняка утверждение Н. И. Тюлиной о национальной библиотеке как самостоятельном типе библиотеки почему-то оказалось не только новым, но и неожиданным, при том, что определение национальной библиотеки как самостоятельного типа давно существовало как в мировом, так и в отечественном библиотековедении. А. Я. Черняк выдвигал требование уточнения понятия «национальная библиотека». В частности, он полагал, что наряду с национальной библиотекой государства имеют право на существование и региональные национальные библиотеки [139, с. 24]. Этой же точки зрения придерживалась Л. Д. Данильянц, которая полагала, что все республиканские (автономных республик) библиотеки следует признать национальными библиотеками [129, с. 6]. В то же время А. Я. Черняк справедливо считал, что специальные библиотеки не могут иметь статус национальной библиотеки, поскольку не выполняют всех ее функций, а подобное допущение приведет к появлению «неопределенного множества» специальных национальных библиотек и к размыванию самого понятия «национальная библиотека» [139, с. 24].

В эти годы обсуждаются и проблемы уточнения типологических функций областных универсальных научных библиотек: останутся ли они универсальными научными библиотеками, либо будут переориентированы на публичные. Так, Л. Д. Данильянц подчеркивала, что в современной социокультурной ситуации областные библиотеки должны оставаться универсальными научными библиотеками, ориентированными на обслуживание читателей, заинтересованных в систематической и углубленной работе с различными типами документальных источников [129, с. 6].

Однако участники совещания «УНБ – региональный библиотечный центр: действительность и возможности» (Пермь, 1990 г.) при-

шли к пониманию областных библиотек и как публичных, и как научных. Они публичные, так как общедоступны и бесплатны. Они научные, так как выполняют роль «региональной памяти» [129, с. 10].

Этот подход развивала И. И. Ганицкая, которая придерживалась точки зрения, что областные библиотеки — «общедоступные (по стилю работы), универсальные научные (по содержанию и видам услуг)». Она охарактеризовала свойства, присущие современным публичным библиотекам: «высокий научный уровень содержания библиотечного и информационного обслуживания, нацеленность на личностные интересы людей, общедоступность услуг и комфортность пользования библиотекой» [28, с. 68].

Такой подход во многом объяснялся тем, что понятие «публичная библиотека» не получило в советской библиотечной литературе тех лет четкого терминологического определения. Если под «публичной библиотекой» понимать библиотеку общедоступную, то в это определение «вписываются» и универсальные научные библиотеки. Если же публичную библиотеку рассматривать как синоним массовой библиотеки, к чему склонялись в эти годы многие теоретики и практики библиотечного дела, то становится очевидным, что универсальная научная библиотека и публичная библиотека — это разные типы библиотек.

В этот период развернулись также дискуссии о правомерности выделения типа «массовая библиотека». Некоторые авторы связывали использование этого понятия не столько с научными соображениями, сколько с «политическими амбициями». Так, Р. С. Мотульский полагал, что этот термин был введен «в пик буржуазному библиотечному делу», где используется термин «публичная библиотека». Термин «массовая библиотека» отражал ее «классовый облик». Поэтому он считал, что наиболее приемлемым является возвращение к термину «публичная библиотека», что позволит приблизиться к международной терминологической системе библиотечного дела. Он предложил следующее определение этого типа библиотек: «Публичная библиотека — это библиотека, удовлетворяющая общие библиотечные потребности пользователей на основе универсального по форме и содержанию библиотечного фонда» [71, с. 11–12].

В библиотечной литературе этих лет продолжало обосновываться сформулированное еще в предыдущем периоде развития

библиотековедческой мысли положение о сближении функций массовых и научных библиотек, обсуждаются типологические черты массовой библиотеки.

Так, Н. С. Карташов считал, что ориентация на массового читателя не может быть принята в качестве типологического признака массовой библиотеки. Изменение самого понятия «массовый читатель» ведет к сближению функций массовых и научных библиотек. Поэтому, по его мнению, массовую библиотеку следует рассматривать как разновидность более широкой группы библиотек — универсальных библиотек [13, с. 76].

Однако этот тезис о сближении функций массовых и научных библиотек встречал и критику. Так, Е. А. Фенелонов, в противовес тем, кто постулировал сближение массовых и научных библиотек, подчеркивал, что массовая библиотека с ее универсальным фондом ориентирована на удовлетворение в первую очередь общеобразовательных запросов, связанных с освоением населением основ культуры, всестороннего развития личности, содержательного досуга. Удовлетворение запросов на производственную, профессиональную литературу является лишь дополнительной функцией массовой библиотеки [130, с. 5–6].

О. П. Коршунов также полагал, что научные библиотеки и массовые библиотеки — это принципиально разные типы библиотек, и их функции нельзя ни смешивать, ни совмещать. Научные библиотеки удовлетворяют профессиональные информационные потребности специалистов. Массовые библиотеки ориентированы на развитие познавательно-образовательных, развлекательных, эстетических и других непрофессиональных читательских интересов [79, № 5, с. 3].

В эти годы предпринимаются попытки выделить «типы специализированных массовых библиотек»:

- отраслевой и жанровой специализации;
- специализации по типам и видам изданий;
- функциональной специализации.

Среди массовых библиотек отраслевой и жанровой специализации были названы исторические, краеведческие и национальные (т. е. с литературой на национальном языке), театральные (включая самодеятельный театр), фантастической и приключенческой (или детективной) литературы.

Специализированные массовые библиотеки по типам и видам изданий: периодических изданий, артотеки, нотно-музыкальных библиотеки, фонотеки.

Функциональные библиотеки — это библиотеки-молодежные центры; досуговые и культурные центры; библиотеки-кафе; библиотеки-клубы; библиотеки-информационные центры; библиотеки-игротeki; библиотеки семейного чтения, библиотеки для лиц пожилого возраста [11, с. 39–41].

Необходимость такого многообразия «типов» массовых библиотек обосновывалась повышением их роли в организации духовного общения и культурного досуга населения [11, с. 6].

Нечеткость типологии библиотек, ее научного обоснования привела к тому, что составители методических рекомендаций обозначили разновидности массовых библиотек понятием «тип». К какой же типологической категории в таком случае следовало отнести понятие «массовая библиотека»?

Надо заметить, что предложения о развитии новых видов массовых библиотек встречали и возражения. Если В. И. Терешин отмечал тенденцию массовых библиотек к организации досуга, разумного отдыха населения [115, с. 47], то А. Н. Хропач возражал против тенденции к образованию комплексов «библиотека-клуб», «библиотека-музей», «библиотека-зоосад», «библиотека-кинозал», «библиотека-видеосалон» и т. п. По его мнению, библиотека должна оставаться библиотекой и не присваивать себе функции других социальных институтов, в том числе и досуговую [136, с. 27].

Рассмотренные выше дискуссии по типологии библиотек показывают важное значение терминологического анализа используемых в дискуссиях понятий («массовая библиотека», «публичная библиотека», «отраслевая библиотека» и т. д.). Вот почему в эти годы продолжается разработка и проблем библиотечной терминологии.

Теоретическое обоснование научной разработки проблем библиотечной терминологии мы находим прежде всего в учебнике «Библиотекведение. Общий курс» (1988), где подчеркивалось, что научная проблема упорядочения терминологии связана с установлением границ и содержания основных понятий библиотекведения, раскрытием содержания новых понятий и уточнением ранее сформировавшихся, но изменивших свое содержание [13, с. 44].

В известной мере этому способствовал выход в свет в 1986 г. второго переработанного и значительно дополненного издания терминологического словаря «Библиотечное дело» [16], хотя трактовка отдельных понятий оставалась дискуссионной, а некоторые понятия, уже вошедшие в терминосистему советского библиотековедения (например, «миссия библиотеки», «публичная библиотека», «статус библиотековедения» и др.), в словаре вообще отсутствовали.

Основной особенностью научной разработки проблем библиотечной терминологии в рассматриваемый период являлось сильное влияние не терминосистему библиотековедения со стороны смежных наук: библиографоведения, книговедения, информатики. При этом проблемы взаимосвязей понятий и терминов научно-информационной и библиотечно-библиографической деятельности являлись предметом дискуссий. Так, И. Г. Моргенштерн с тревогой говорил о том, что терминология библиотечного дела и библиографии «не стыкуется» с понятийным аппаратом научно-информационной деятельности. По его мнению, интеграция в библиотечно-информационном обслуживании требует и согласования терминологии [70, с. 14].

Одним из направлений упорядочения библиотечной терминологии явилась ее стандартизация, начатая еще в начале 1980-х гг. В рассматриваемый период терминологический стандарт 7.26–80 «Библиотечное дело. Основные термины и определения» [15] подвергался разбору и критике. Так, А. М. Стахевич в рецензии на этот стандарт высказал ряд возражений по поводу данных в нем определений терминов (например, понятий «библиотечное дело», «библиотека»). Он критиковал определения стандарта за «однбокость и ограниченность», за недопустимые синонимы (например, читатель библиотеки и абонент библиотеки), за однозначное определение терминов, обозначающих различные категории понятий (область деятельности, явление, процесс, объект). По его мнению, этот стандарт (как и терминологические стандарты по библиографической и научно-информационной деятельности) не способствует взаимопониманию специалистов на национальном и международном уровнях, вступает в противоречие с существующей теорией и практикой библиотечного дела. Он высказал предположение о нецелесообразности разработки терминологического стандарта, поскольку библиотечная терминология формируется, зависит от сферы функционирования терминов и определений, что ведет к их многозначности, синонимичности [104, с. 5].

С. Г. Ашкенази, ссылаясь на опыт стандартизации библиотечных терминов, также призывал к осторожности в использовании «нормативного подхода», так как он «обедняет профессиональный язык, делает его канцелярски однообразным», указывал на важность сохранения лексического многообразия реально используемой терминологии библиотечного дела [144, с. 75].

Дальнейшие перспективы развития в стране терминологических исследований были определены в конце рассматриваемого периода И. М. Сусловой и Л. Н. Улановой, которые выделили:

- теоретико-методологические исследования;
- лексикографические проблемы (разработка терминологических словарей);
- стандартизацию терминов [2, с. 7].

2.8. Методологические проблемы библиотекведения

Во второй половине 1980-х гг. внимание советских библиотекведов привлекали проблемы методологии библиотечной науки.

В 1988 г. В. С. Крейденко защитил докторскую диссертацию «Исследовательские методы в библиотекведении: современное состояние и пути повышения эффективности». По его мнению, задача методологии библиотекведения заключается в том, чтобы систематизировать накопленную информацию о методах и других средствах познания библиотечных процессов, а также о возможностях их эффективного использования, поскольку многообразие традиционных и новых задач, входящих в круг современного библиотекведения, находится в противоречии с относительной ограниченностью исследовательских методов для их решения. Особое внимание В. С. Крейденко уделил проблеме специальных методов библиотекведческих исследований, что, по его мнению, является обязательным (наряду с предметом) условием самостоятельности библиотекведения [52].

Несколько по-иному трактовала цель методологии библиотекведения Н. В. Бобылева, видя ее в создании средствами философского анализа «образа науки, адекватного библиотечному делу». Методология библиотекведения — это его мышление, которое реализует-

ся через познание сущности библиотечных процессов. Наряду с описанием и разработкой конкретных научных методов для решения исследовательских задач методология библиотковедения подразумевает систему средств (эмпирических и теоретических) научного исследования, методик анализа, способов проверки результатов и т. п. в виде системы, модели методов [17, с. 21–22].

В рассматриваемый период в советском библиотековедении анализируются, оцениваются и используются различные методологические подходы к исследованию многообразных явлений библиотечной практики.

В эти годы постепенно меняется отношение к «сравнительному библиотековедению», которое в терминологическом словаре «Библиотечное дело» было названо реакционным методом буржуазного библиотековедения [16, с. 141]. На смену такому представлению приходит понимание того, что суть сравнительного библиотековедения заключается в анализе материалов, собранных с помощью сравнительного метода.

И. П. Осипова подчеркивала, что сравнительное библиотековедение дает возможность выявления общего и специфического на основе сравнительного анализа содержания терминов и определений. Однако при этом, по ее мнению, методологической базой таких исследований должна быть марксистско-ленинская теория [78].

Классическим образцом использования методов сравнительного библиотековедения может служить монография Н. И. Тюлиной, в которой она для научного анализа деятельности национальных библиотек использовала сравнительно-исторический метод, структурно-функциональный и типологический анализ [124].

В эти годы также обосновывался коммуникативный подход, который рассматривался А. Н. Ваневым как один из методологических подходов к исследованию библиотечного дела, что требует исследования всех явлений библиотечной деятельности с позиций коммуникативного подхода. Это особенно важно при анализе «сквозных» проблем библиотековедения, библиографоведения, информатики и других наук, для решения которых необходимы взаимосвязь, взаимообогащение, согласование на методологической базе коммуникативного подхода [25, с. 26]. Разрабатываются также проблемы моделирования в библиотековедческих исследованиях. Так, Б. Ф. Володин рассматривал моделирование как метод реше-

ния наиболее важных и сложных проблем библиотечного дела. Особое значение моделирование имеет, когда необходимо создать варианты перевода объекта исследования в новое состояние и выбрать лучший, оптимальный вариант.

Б. Ф. Володин использовал понятие «углубленное моделирование», что предполагает рассмотрение объекта исследования на основе использования структурно-функционального подхода и анализа системных связей его составных частей. Он подчеркивал, что метод моделирования позволяет при исследовании библиотеки как системы выявить взаимосвязи аспектов ее функционирования. В то же время он отмечал трудности использования в библиотекovedении метода моделирования ввиду сложности и неформализуемости явлений библиотечной практики [84, с. 9–28].

Использование в библиотекovedческих исследованиях метода моделирования было рассмотрено также Н. М. Балацкой и И. Б. Цветковой. Они указывали, что в библиотекovedении существует, с одной стороны, представление об этом методе как исключительно сложном, а, с другой стороны, легковесное отношение, связанное лишь с осознанием преимуществ этого метода и широтой самого понятия «модель». Они подчеркивали, что обязательным условием, основой для моделирования является системный анализ. Авторы обращали внимание и на систему методов, используемых библиотекovedением, где их выбор часто диктуется модой, а не состоянием изученности объекта. Они подчеркивали целесообразность максимально полного применения таких «простых» методов, как анализ документов и статистический анализ и лишь затем более трудоемких. Они также указывали на то, что анкетные опросы неоправданно долго господствуют в библиотекovedении и слабо используются («острый дефицит») методы наблюдения, эксперимента и т. п. [84, с. 75–100].

В библиотекovedческой литературе тех лет среди факторов, сдерживающих развитие библиотекovedческих исследований, называлось «пренебрежение тенденцией математизации» [92, с. 79]. В этой связи большое значение имел выход в свет в 1988 г. капитальной работы В. М. Мотылева, посвященной основам количественных исследований в библиотекovedении. Автор убедительно доказал, что библиотечное дело предрасположено к количественному изучению в силу того, что многие свойства библиотечных объектов легко поддаются числовому выражению. Такой подход противостоял широко

распространенным представлениям о неформализуемости процессов библиотечной деятельности. В. М. Мотылев критиковал как негативное отношение к применению в библиотековедческих исследованиях количественных методов, так и тех исследователей, которые пошли по пути использования чрезвычайно сложного математического аппарата. И хотя элементарные математические процедуры не позволяют провести анализ сложных явлений библиотечной практики, формализм в математизации библиотековедческих исследований приносит не меньший вред, чем «спекулятивные рассуждения без всяких расчетов» [72, с. 4–5].

В библиотековедческой литературе рассматриваются и возможности применения в библиотековедении новых исследовательских методов: библиотечно-библиографических методов оценки первичных документов; методов психолингвистического анализа и психологических тестов; метода экспертных оценок [64].

Однако в целом разработке проблем методологии советского библиотековедения были присущи и серьезные упущения. И. В. Лукашов, ссылаясь на оценки библиотечных специалистов, выделяя следующие серьезные недостатки библиотечной методологии: неразвитость экспериментальных и сравнительных методов; увлечение количественными методами в ущерб качественным и, наоборот, негативное отношение к формализации исследований, к применению математических методов [56, с. 59].

По-прежнему методологической основой (базой) советского библиотековедения считалась марксистско-ленинская теория. Это можно проследить, например, по рецензии А. Н. Хропача, который критиковал авторов учебника «Библиотековедение. Общий курс» за то, что они не рассмотрели в главе «Методология советского библиотековедения» следующих вопросов: ленинское наследие по библиотечному делу; Н. К. Крупская и становление научных основ библиотечного дела; основные решения партии и правительства по библиотечному делу. В то же время он предлагал исключить из главы о методологии параграф «Научные методы в библиотековедении» [135, с. 4–5].

2.9. Проблемы истории библиотечной науки

Процессы перестройки вызвали повышенный интерес к историческим проблемам библиотековедения и библиотечного дела. Вышла в свет монография Ю. Н. Столярова, посвященная видному советскому библиотековеду Ю. В. Григорьеву [112], составной частью которой была впервые опубликованная капитальная работа последнего «История русского библиотековедения (1700–1860 годы)» [112, с. 69–188].

Становлению советского библиотековедения как общественной науки была посвящена кандидатская диссертация В. А. Мильман, защищенная в 1987 г. [67]. В том же году вышла на словацком языке монография А. Н. Ванеева «Развитие советского библиотековедения: 1917–1982» [23]. Появились статьи А. Н. Ванеева [20, 40, с. 117–134], И. В. Лукашова [55], В. А. Мильман [65], посвященные рассмотрению отдельных аспектов развития отечественной библиотековедческой мысли. В этих работах подчеркивалась важность обращения к истории дореволюционного библиотековедения, которое, по определению И. В. Лукашова, отличало стремление «найти решение многих проблем, определяющих статус нашей науки и сегодня» [55, с. 17].

Авторы публикаций критиковали формальный подход к прошлому, стереотипы в оценке явлений библиотечной теории и практики. Так, И. В. Лукашов критиковал вывод В. А. Мильман о том, что большая часть дореволюционных работ по библиотечному делу не была оригинальной, а лишь перелагала иностранные источники [66].

И. В. Лукашов показал достижения дореволюционного отечественного библиотековедения в формировании его основных понятий: «библиотеска», «библиотечное дело» и определении их как объекта (предмета) библиотечной науки; в рассмотрении связей библиотековедения с другими науками книговедческого цикла; в обосновании библиотековедения как самостоятельной науки в ряду других наук. Все это позволило И. В. Лукашову сделать вывод о самостоятельности теоретического мышления дореволюционных библиотековедов [55].

Позднее достаточно высокий теоретический уровень разработки библиотечных проблем в отечественном дореволюционном библиотековедении признала и В. А. Мильман. Важнейшим итогом развития дореволюционной библиотековедческой мысли она считала формирование самостоятельной научной дисциплины «Библиотековедение» [65, с. 17].

Таким образом, в области истории отечественного библиотековедения рассматриваемый период характеризуется активизацией внимания к его дореволюционному периоду. Однако идеологические стереотипы при его оценке все еще преобладают. Так, В. А. Мильман критиковала дореволюционных библиотковедов за то, что большинство из них «еще не осознало необходимость классового анализа библиотечного дела» [65, с. 11].

Что касается истории советского библиотековедения, то здесь основное внимание было уделено рассмотрению исторической роли В. И. Ленина и Н. К. Крупской в развитии теории и практики библиотечного дела в условиях советского общества.

В годы перестройки идет активный и неоднозначный процесс переоценки отечественной истории, в том числе и истории библиотечного дела. В 1989 г. на страницах журнала «Советское библиотековедение» был проведен «круглый стол» по проблемам истории библиотечного дела [44, 82], задачей которого ставилось дать «новый импульс историко-библиотечным исследованиям» [82, № 4, с. 23].

В материалах этой дискуссии, а также в других публикациях рассматриваемого периода, оценивался уровень разработки исторических проблем в советском библиотековедении, отмечались существенные недостатки и пробелы, намечались перспективы научных исследований в области истории библиотечного дела. На основе анализа советской исторической литературы по библиотечному делу были выявлены следующие основные методологические ошибки:

подход к изучению истории библиотечного дела на основе перечня постановлений партии и правительства, при котором отсутствовали анализ и критическая оценка как самих постановлений, так и результатов их выполнения;

безымянность истории библиотечной теории и практики, что явилось, в первую очередь, следствием дискуссии по теоретическим проблемам библиотековедения начала 1930-х гг.;

формальный перенос общегосударственных требований к библиотечному делу в национальные республики без учета их особенностей и, как результат, слабое развитие национального библиотековедения, роль которого нередко сводилась к комментированию общегосударственных директив по библиотечному делу [20].

В ходе дискуссии подчеркивалось, что преодоление формализма в освещении истории библиотечного дела не должно приводить к

попыткам перечеркнуть прошлое, к выводам, основанным на эмоциях или намеренном искажении фактов. Выдвигалось требование «правдивого воссоздания страниц, событий многовековой истории библиотечного дела». Ставилась задача сформировать «подлинно историческое мышление библиотекарей, ибо одна из наших многочисленных бед — недооценка исторического подхода к развитию библиотечного дела». В изучении истории библиотечного дела видели «фундаментальную основу» для определения перспектив его развития [82, № 4, с. 23–24].

В дискуссиях подчеркивалось, что для советского библиотековедения характерно «господствующее индифферентное отношение» в среде историков к изучению «теоретического наследия во всем его разнообразии». По мнению В. И. Харламова, для большинства историко-библиотечных исследований характерен дефицит идей и концепций, отсутствие современных фундаментальных теоретико-методологических разработок в истории библиотечного дела: «Теория у историков библиотечного дела явно отстает от массы конкретно-исторических описаний» [82, № 4, с. 26].

По мнению Н. С. Карташова, «упрощенные и исключительно негативные трактовки» явлений библиотечного дела советского периода свидетельствуют о низкой методологической культуре исследователей. Однако вряд ли эти «негативные трактовки» правомерно было объяснять лишь низким уровнем методологической культуры советских библиотековедов, под которой Н. С. Карташов понимал принцип партийности как «принцип объективной истины», который и является «основным методологическим фундаментом для действительно научных исследований» [44, с. 9].

В библиотековедческой литературе тех лет подчеркивалось, что науковедческий подход к исследованию истории библиотековедения должен исходить из приоритета общечеловеческих ценностей, и на смену противопоставлению социалистического и буржуазного библиотековедения должно прийти изучение истории мирового библиотековедения как единого целого. Изучение достижений мировой библиотечной теории и практики, общего и особенного в его развитии в отдельных странах или группе стран неизбежно должно было способствовать консолидации библиотечных работников вне зависимости от политического строя в разных государствах [20, с. 10].

Библиотекведение в Российской Федерации (1992–2000 гг.)

Введение

Распад СССР привел к упразднению понятия «советское библиотековедение» и замене его новым понятием «российское библиотековедение». Социально-экономические изменения в жизни нашего общества, его демократизация, переход к рыночным отношениям не могли не сказаться как на деятельности отечественных библиотек, так и на развитии библиотечной науки.

Отказ от марксистско-ленинской идеологии и отсутствие какой-либо другой, четко выраженной и однозначно понимаемой, привел к некоторой растерянности среди библиотекведов. Выразалось это в отрицании каких-либо достижений отечественного библиотековедения за годы советской власти и восхвалении дореволюционной библиотечной науки, в стремлении слепо копировать теоретические постулаты зарубежного библиотековедения и отрицать свое, самобытное в отечественной библиотечной науке. Например, по мнению Г. С. Галиуллиной, советское библиотековедение и библиографоведение — это дисциплины «конъюнктурно-схоластические, отчужденные как от личностных устремлений ученых, так и от насущных забот практики» [51].

Стало модным говорить, что библиотековедение в Российской Федерации находится в глубоком кризисе. Характерно, что такая оценка была присуща не только годам перестройки, но и последним годам XX в. Так, в 1998 г. В. П. Полянов утверждал, что состояние теории и практики библиотековедения оценивается ныне как кризисное [27, с. 48–49].

Справедливости ради заметим, что в высказываниях сторонников «кризиса» библиотековедения не всегда было возможным установить, что они имели в виду: кризисное состояние, связанное с финансово-экономическими трудностями, или же кризис собственно библиотековедческой мысли.

Единственное, в чем, пожалуй, сходились все библиотековеды, так это в понимании того, что библиотековедение — единая наука, что не может быть отдельного советского и буржуазного библиотековедения.

Постепенно на смену методологии, по образному выражению Г. Троепольского, «наплюйрализма» [163], негативной оценке нашей библиотечной науки, приходит более взвешенный и объективный взгляд на проделанный ею путь за годы советской власти, на ее состояние в конце XX в.

Отечественные библиотековеды стремились сосредоточить свои усилия не только на критике идеологических установок советского библиотечного дела, но и на поиске путей его реформирования в новых социально-экономических условиях.

Отказ от идеологических постулатов советского библиотековедения активизировал внимание на поиске новых теоретических обоснований отечественной библиотечной науки. Результатом этого явилось то, что библиотековедение, несмотря на растерянность отдельных авторов, уверявших, что оно находится в состоянии глубокого кризиса, получило новый импульс для своего развития. Этим импульсом явилась необходимость не просто отказаться от прежних представлений, на чем специализировались критики советского библиотековедения, а искать новые пути его развития.

В. В. Скворцов подчеркивал неправомерность рассмотрения состояния отечественного библиотековедения как упадка. Более правомерно расценивать его как переход «к качественно новому витку развития» [126, с. 40].

В 1990-е гг. в отечественном библиотековедении велись плодотворные дискуссии об объекте библиотековедения, о его структуре

и месте в системе наук, о социальных функциях библиотеки, активизировалась разработка типологических, терминологических, методологических и других общетеоретических проблем.

Обилие новых терминов и понятий, вошедших в эти годы в терминосистему российского библиотековедения (библиотечная философия, библиотечная идеология, библиотечная политика, парадигма библиотековедения, социальная миссия библиотеки и др.), также свидетельствовало не о застое, а о поступательном развитии отечественной библиотечной науки.

3.1. Сущность библиотековедения как науки, его объект, предмет и структура

На терминологическом уровне сущность библиотековедения как науки рассматривалась в эти годы неоднозначно. Прежде всего, следует отметить, что сохранялось (особенно в начале рассматриваемого периода) определение библиотековедения как общественной науки, изучающей библиотечное дело, закономерности, принципы формирования, развития, функционирования библиотечных систем, взаимодействие библиотек в различных аспектах, управление библиотеками. Именно такое определение содержалось в терминологическом словаре, изданном в 1995 г. [162, с. 19]. Аналогичное определение было дано и в терминологическом словаре 1997 г., однако в нем было снято положение о библиотековедении как общественной науке [29].

Международный стандарт «Информационно-библиотечная деятельность, библиография» (ГОСТ 7.0–99) определил библиотековедение как научную дисциплину, изучающую теорию, историю, методологию, технологию, методiku и организацию библиотечного дела [139, с. 11–98]. Преимущество этого определения заключалось прежде всего в том, что оно не было связано с идеологическими, политическими, региональными или другими особенностями библиотечной науки.

Несмотря на то, что содержание библиотековедения было определено на терминологическом уровне, это не отменило дискуссий о его сущности (Н. В. Бобылева, В. П. Леонов, В. В. Скворцов, Ю. Н. Столяров и др.).

Наиболее активно проблемы сущности библиотековедения рассматривал в эти годы В. В. Скворцов в своей докторской диссертации [124] и в многочисленных публикациях, в том числе в учебнике «Теоретические основы библиотековедения» [130]. В этих работах он дал развернутое определение библиотековедения: «Зрелая по всем основным параметрам научная дисциплина общественного цикла, предметом которой является обеспечиваемое библиотекарем массовое по масштабам явление, индивидуальное по форме реализации и содержанию взаимодействие читателя с информацией в виде публикаций, а главной научной целью — воспроизведение названного предмета в виде законов, принципов, теорий, понятий и других научных построений. По предмету библиотековедение — уникальная научная дисциплина» [124, с. 26].

Определяя библиотековедение как полифункциональную дисциплину, В. В. Скворцов перечислял свойственные ему функции, которые он разделял на собственно научные (познавательная, объяснительная, предсказательная, систематизирующая) и социальные (культурно-воспитательная, практически-действенная) [124, с. 28].

Однако нетрудно заметить, что первая группа функций присуща любой науке, а вторая — всем наукам социальным. К сожалению, сформулировать собственные функции библиотечной науки В. В. Скворцову не удалось.

Позднее В. В. Скворцов предложил более сжатое определение библиотековедения: «Частная, преимущественно прикладная научная дисциплина общественного цикла, институционно ограниченная областью библиотечного дела» [123, с. 38].

Здесь, с одной стороны, обращает на себя внимание отнесение библиотековедения к наукам общественным, а во-вторых, если упростить, снять раскрытие содержания библиотечной науки, то «в остатке» мы получим понимание библиотековедения как науки о библиотечном деле.

Попытку создания «новой по существу концепции библиотековедения» предприняла в эти годы Н. В. Бобылева [31, с. 3]. Она отмечала, что в основе построения библиотековедения должны лежать самостоятельные, но взаимопроникающие концепции: историческая, философская, социологическая, техническая и организационно-управленческая. Из них для «библиотековедческого научного знания» наибольшее значение имеют первые две.

Историческая концепция отражает процесс возникновения, становления, развития и совершенствования исторических форм библиотечно-научного знания. На базе исторической концепции формируется философская концепция библиотековедения.

Социологическая концепция формирует теоретический статус библиотечной науки, ее множественные связи, социальную структуру библиотечного дела, «детерминированную как общими, так и специальными социальными законами и закономерностями» [30, с. 140].

Н. В. Бобылева определяла библиотековедение как «теоретическое обоснование знания, которое подытоживает, обобщает, интерпретирует, анализирует и синтезирует достижения развивающегося библиотечного дела, его историю и повседневный опыт». Библиотечная наука направлена на выявление сущностных особенностей, закономерностей библиотечной деятельности [31, с. 3].

Однако эта «новая концепция», как видно из приведенного выше определения, также свелась, в сущности, к утверждению, что библиотековедение — это наука о библиотечном деле.

В отличие от названных выше авторов, Ю. Н. Столяров определял библиотековедение как науку о библиотеке и характеризовал его как «научную дисциплину документно-коммуникационного цикла, теоретически воспроизводящую библиотеку как научное понятие и объект реальности во всех связях и опосредствованиях» [87, с. 60]. В другом, более позднем определении, он рассматривал библиотековедение как научную дисциплину, изучающую библиотеку, как социальную систему, ее структуру, функции и деятельность [151, с. 93].

Свою концепцию сущности библиотековедения предложил также В. П. Леонов [92]. Он определил сложившуюся в советском библиотековедении систему взглядов как функциональную или сервисную. Характерными чертами этой парадигмы он назвал опору на марксистско-ленинскую философию и идеологию, классовый характер библиотековедения, разделение его на буржуазное и советское [102, с. 32].

Заметим однако, что такое определение этой концепции библиотековедения как функциональной или сервисной представляется не совсем точным, поскольку под ним можно понимать обслуживание нужд библиотечной практики. В. П. Леонов же имел в виду «обслуживание коммунистической идеологии». Поэтому точнее было бы назвать такую концепцию идеологической.

На смену функциональной парадигме В. П. Леонов предложил «процессную» парадигму. В ее основе «процессная трактовка библиотечных явлений, которая направлена на исследование внутренних механизмов, формирующих процессы, познание их сущности, структуры и свойств» [92, с. 99]. Он не разделял процессы библиотечно-библиографической деятельности на социальные и технологические. Он полагал, что выделенные им четыре типа процессов — формирование фондов, библиографирование, библиотечно-библиографическое обслуживание, сохранение фондов и сооружений являются по своей сути не внутрибиблиотечными, а социальными [92, с. 7].

В. П. Леонов усматривал слабую сторону современного библиотековедения в его серьезной зависимости от внешних факторов (политических, экономических, финансовых) и уровня развития смежных наук (педагогика, психологии, книговедения, информатики). По его мнению, это мешает библиотековедению сосредоточиться на познании сущности библиотечно-библиографических процессов [91, с. 47].

При этом В. П. Леонов отмечал, что библиотечные процессы представляют собой лишь разновидность социальных процессов, справедливо подчеркивал, что библиотечные процессы имеют место не только в библиотеках, но и в библиографических службах, архивах, музеях, системах книжного дела и книжной торговли [102, с. 33]. Отсюда следует вывод о том, что библиотечные процессы не изолированы, а зависят от уровня развития других наук (библиографоведения, архивоведения, музееведения и т. п.), ибо было бы некорректным предполагать, что библиотечные процессы в других структурах не испытывают влияния этих структур.

«Процессная» трактовка, предложенная В. П. Леоновым, также ведет к пониманию библиотековедения как науки о библиотеке.

Таким образом, библиотековедение понималось в эти годы либо как наука о библиотечном деле, либо как наука о библиотеке. Первое представляется более четким, поскольку и само понятие «библиотечное дело» шире понятия «библиотека».

С определением сущности современного библиотековедения связаны и представления о содержании социалистического и буржуазного библиотековедения. Может показаться странным, но еще в 1988 г., когда активно шла демократизация жизни нашего общества и провозглашалась опора на «общечеловеческие ценности», утвержда-

лось, что социалистическое библиотековедение «развивается и крепнет в условиях непримиримой борьбы с реакционными концепциями и догмами буржуазного библиотековедения» [22, с. 39].

В библиотековедческой литературе ставилась задача на смену противопоставлению социалистического и буржуазного библиотековедения прийти к изучению истории мирового библиотековедения как единого целого, заключающего в себе как общее, так и особенное в развитии его в отдельных странах [35]. Такой подход исходил из понимания того, что библиотековедение — это единая наука и не может быть самостоятельных советского и буржуазного библиотековедений. Так, Н. В. Бобылева критиковала «наиболее радикальных» библиотечных деятелей, видевших выход из «кризиса» библиотековедения в образовании «некоего гибрида советского и буржуазного библиотековедения». По ее мнению, речь должна идти о формировании «новой по существу концепции библиотековедения» [21, с. 63–64].

Отказ от идеологических постулатов советского библиотековедения и поиск новых подходов к его теоретическому обоснованию ознаменовал новый этап в развитии отечественного библиотековедения, охарактеризованный В. В. Скворцовым как период дебифуркации, как прогнозируемый период развития библиотековедения как единой науки [130, с. 13].

Важнейшим признаком, характеризующим самостоятельность библиотековедения как науки, является наличие собственного объекта и предмета. Четкое представление о них позволяет как более обоснованно отграничить библиотековедение от смежных наук, так и раскрыть его взаимосвязи с другими науками. Однако по этой проблеме и в конце XX в. не сложилось единого представления. Это относится, прежде всего, к рассмотрению взаимосвязей понятий «объект» и «предмет» библиотечной науки.

Ю. Н. Столяров, ссылаясь на свою статью о библиотеке как предмете библиотековедения, опубликованную еще в 1976 г. [142], продолжал возражать против разделения понятий «объект» и «предмет» библиотековедения. По его мнению, следует не развести объект и предмет в разные стороны, а считать, что предмет библиотековедения — это теоретическое воспроизведение его специфического объекта — библиотеки — в ее реальности со всеми связями и опосредствованиями [151, с. 57]. В эти годы Ю. Н. Столяров уточнил свои представления об исходных элементах библиотеки как системного

объекта библиотековедения: это библиотечный фонд, контингент пользователей, материально-техническая база и библиотечный персонал [151, с. 58].

Необходимость такого уточнения не совсем ясна, поскольку ранее речь шла об обобщенной модели библиотеки, и поэтому элементы (документ, абонент, библиотекарь, материально-техническая база) логично вписывались в обобщенную модель. Уточнение привело к тому, что «системный объект» библиотековедения трансформировался в реальную библиотеку как учреждение с присущими ему атрибутами.

Взглядов Ю. Н. Столярова на библиотеку как системный объект библиотековедения придерживались в эти (как и в прошедшие) годы многие отечественные библиотековеды. Вместе с тем предпринимались попытки уточнить концепцию Ю. Н. Столярова, внести коррективы в его представление о системном объекте библиотековедения.

Так, Н. И. Тюлина, рассматривая библиотеку как систему, считала, что в современных условиях, когда СБА из вспомогательного компонента библиотеки превратился в полноценный, играющий самостоятельную роль, четырехэлементная система библиотеки превратилась в пятиэлементную. Пятым элементом стал СБА [164, с. 22].

Н. С. Карташов также дополнял четыре элемента библиотеки как системного объекта еще двумя самостоятельными элементами: справочно-поисковый аппарат библиотеки и библиотековедческое знание (производство библиотечных идей, представлений, сознания) [77, с. 23–24].

Если включение СПА в качестве обязательного элемента библиотеки как системы представляется спорным, так как практически может существовать библиотека, не имеющая каталога (например, личная библиотека), то введение в круг обязательных элементов библиотековедческого знания представляется весьма важным, так как развитие науки является исходным пунктом совершенствования и преобразования библиотечной практики.

Концепцию Ю. Н. Столярова попробовал уточнить В. В. Скворцов. Он ввел понятие «центральный объект библиотековедения», под которым понимал органически целостную, динамичную, системную триаду, в которую включал три основных элемента: информация в виде публикаций, читатель (пользователь), библиотекарь [124, с. 25].

Таким образом, отличие определения объекта библиотековедения В. В. Скворцовым заключалось лишь в том, что понятие «системный объект» он заменил понятием «центральный объект», а из четырех элементов, предлагаемых Ю. Н. Столяровым, оставил только три, исключив из объекта библиотечной науки материально-техническую базу библиотеки.

В отличие от Ю. Н. Столярова, В. В. Скворцов различал и понятия «объект» и «предмет». Предмет библиотековедения он определял следующим образом: «Обеспечиваемое библиотекарем массовое по масштабам, индивидуальное по форме реализации и содержанию взаимодействие читателей с информацией в виде публикаций» [124, с. 25].

Если упростить это сложное построение, то его вполне правомерно заменить понятием «библиотечное дело», так как именно оно обеспечивает взаимодействие читателя с публикациями. И говорит такое определение скорее о предмете библиотечной деятельности, а не о предмете библиотечной науки.

Другое, ставшее уже традиционным, представление об объекте библиотековедения заключалось в том, что им является коммуникативная система «книга — библиотека — читатель». В рассматриваемый период возникло стремление как-то откорректировать, уточнить и дополнить эту концепцию.

Так, Н. В. Бобылева объектом библиотековедения считала «общественное книгопользование», а предметом — библиотечное дело. Элементы этой системы — «книга — библиотека — читатель» [31, с. 12, 15, 22]. Таким образом, эта коммуникативная система рассматривалась ею не как объект, а как предмет библиотековедения.

Предметом библиотековедения, а не объектом, считал библиотечное дело и А. И. Остапов. Систематизирующим элементом, по его мнению, является документ и связанные с ним компоненты: библиотекарь, абонент, материально-технические ресурсы. К этому традиционному представлению о библиотеке, состоящей из четырех элементов, он добавлял потребности и технологии. Что касается объекта библиотечной науки, то его он формулировал весьма неопределенно — «библиотечная сфера деятельности» [107, с. 7]. Но библиотечная сфера деятельности — это, по нашему мнению, и есть библиотечное дело. Таким образом, и у А. И. Остапова объект и предмет оказались неразличимы.

Некоторые исследователи считали объектом библиотековедения библиотечный процесс, или библиотечную деятельность. Например, В. П. Леонов считал объектом библиотековедения «библиотечный процесс в системе документальных коммуникаций» [102, с. 33]. Л. Н. Гусева и Е. В. Смолина считали объектом библиотековедения библиотечную деятельность [58, с. 21; 115, с. 95].

Понятия «библиотечный процесс» и «библиотечная деятельность» важны, необходимы, полезны для уточнения принципа отграничения: везде, где есть библиотечная деятельность, мы имеем дело с библиотековедением. И, наоборот, все, что не связано с библиотечной деятельностью, не относится к компетенции библиотечной науки. Таким образом, библиотечная деятельность — не объект, а предмет библиотековедения [41, с. 28]. Что же касается соотношения понятий «библиотечная деятельность» и «библиотечный процесс», то Ю. Н. Столяров справедливо заметил, что деятельность и является процессом, и их противопоставление В. П. Леоновым нелогично [143, с. 74].

Таким образом, уже с середины 70-х гг. XX в. в отечественном библиотековедении разрабатывались и противопоставлялись друг другу два основных подхода к определению объекта: библиотека как системный объект и коммуникативная система «книга — библиотека — читатель».

С нашей точки зрения, между этими представлениями нет противоречия, они не являются взаимоисключающими. Библиотека как система характеризуется своей целостностью и в таком качестве является неотъемлемым элементом системы «книга — библиотека — читатель», т. е. эти два подхода не противоречат, а дополняют друг друга. Такое определение объекта соответствует представлению о библиотековедении как социально-коммуникативной науке и не позволяет ему сконцентрироваться только на внутренних проблемах библиотеки [39, с. 16]. Что же касается предмета библиотековедения, то здесь важен принцип отграничения библиотечного от неблиотечного. По отношению к элементам системы «книга — библиотека — читатель» к ее предмету относится только то, что имеет отношение к библиотечной деятельности.

Как и в предыдущие периоды истории библиотековедческой мысли, библиотековедение подразделяли на общее и частное. В терминологических словарях 1990-х гг. общее библиотековедение определя-

лось как раздел библиотековедения, содержанием которого являются общетеоретические, методологические и исторические проблемы: структура, объект и предмет библиотековедения; типология и терминология; закономерности, основополагающие принципы и концепции; соотношение с другими науками и место в системе наук; методика библиотековедческих исследований; история библиотековедческой мысли [162, с. 119; 29, с. 79].

Н. С. Карташов определял общее библиотековедение как «ядро системы библиотековедческих дисциплин» и рассматривал его как «методологический ключ», так как оно выявляет те библиотековедческие закономерности и категории, в соответствии с которыми разбиваются все сферы библиотечного дела [24, с. 24].

Свое определение общего библиотековедения предложил В. В. Скворцов. По его мнению, основу общего библиотековедения составляет «выявление и изучение общих свойств и связей библиотечных явлений, исследование общих для групп наук универсальных категорий, изучающих различные аспекты процесса организации общественного использования хранящихся в библиотеках книжных богатств и иных источников информации» [130, с. 4–5].

Более чем очевидно, что такое определение общего библиотековедения неотлично от определения библиотековедения в целом.

Вплоть до 1990-х гг. в отечественном библиотековедении не было четкого представления о том, что следует понимать под «общетеоретическими концепциями библиотековедения». Поэтому крупным научным достижением отечественной библиотековедческой мысли явился выход учебника Н. С. Карташова «Общая теория библиотечного дела» [77], в котором он свел воедино достижения библиотековедения в разработке общетеоретических основ и объединил их в систему двух взаимосвязанных и взаимообусловленных учений: учение о библиотеке и учение о библиотечном деле. Такое обобщение библиотековедческих понятий явилось, без сомнения, правомерным, поскольку «библиотека» и «библиотечное дело» являются общепризнанными основными научными категориями библиотечной науки.

Если понимание содержания общего библиотековедения было в целом общепризнанным, то этого нельзя сказать о частном библиотековедении. В терминологическом словаре 1995 г. его определение было целиком перенесено из словаря 1986 г. и определялось как раздел

библиотекведения, содержанием которого являются: учение о библиотечных фондах, учение о библиотечных каталогах, теория обслуживания читателей, теория функционирования библиотек и библиотечных систем [162, с. 211].

В словаре 1997 г. эта часть определения повторена, но добавлено: «к частному библиотековедению примыкают также дисциплины, образовавшиеся в результате интеграции библиотековедения с другими науками, например, библиотечная педагогика, библиотечная психология, библиотечная этика, библиотечная экономика и др.» [29, с. 153], что в значительной мере обогащало представление о структуре библиотековедения. Справедливости ради заметим, что такое представление о структуре частного библиотековедения не было новым. Оно было предложено А. Н. Ваневым еще в 1983 г. [47, с. 15–16].

В рассматриваемый период появились новые попытки обосновать структуру библиотековедения. В наиболее развернутом виде она была представлена в работах Ю. Н. Столярова [150, 151]. Он дифференцировал библиотековедение на общее и особенное, в том числе частное. По его представлению особенное библиотековедение призвано изучать различные специфические аспекты библиотечной деятельности. К особенному он относил специальное, патентное, космическое и другие библиотековедения.

Частное библиотековедение Ю. Н. Столяров рассматривал как один из видов особенного. В частное библиотековедение он включал разделы библиотековедения, рассматривающие различные «части» библиотеки как системы (фондоведение, читателеведение, каталоговедение).

Ю. Н. Столяров этим не ограничился и предложил разделять библиотечную науку и по другим признакам. Так, по территориальному признаку он выделял мировое, международное, отечественное, региональное, краеведческое библиотековедения. Выделял он также «видовое библиотековедение» по видам библиотек и по видам фондов. Видовое библиотековедение включает в структуре Ю. Н. Столярова универсальное, специальное, детское и т. п.

Продолжая логику Ю. Н. Столярова, можно выделить внутри универсального библиотековедения научное (рассматривающее проблемы научных библиотек), публичное; в специальном библиотековедении дальнейшее деление должно, по логике, включать техническое, сельскохозяйственное, медицинское, педагогическое, юридиче-

ское, военное, тюремное и многие другие библиотековедения. Детское библиотековедение можно подразделить на дошкольное и школьное и т. п. В конечном счете, следуя конструкции Ю. Н. Столярова, придется для каждого деления типологии библиотек конструировать свое библиотековедение! В результате единая библиотечная наука оказывается раздробленной на множество мелких дисциплин, научный статус многих из которых весьма сомнителен. В концепции Ю. Н. Столярова речь может идти скорее о направлениях деятельности библиотек и библиотечного дела в целом, а не о теоретических научных дисциплинах библиотековедения. Например, задачу «космического библиотековедения» Ю. Н. Столяров видел в рассмотрении «создания и функционирования библиотек на космических кораблях». Более, чем очевидно, что под «космическим библиотековедением» в такой постановке можно увидеть организационные и методические проблемы библиотек на космических кораблях, но отнюдь не теорию «космического библиотековедения», которая отлично от библиотековедения «земного».

Близкое представление о структуре библиотековедения дал В. И. Терешин [26, с. 66–68]. Он, наряду с общим библиотековедением, выделял «специализированное библиотековедение» и предлагал ввести в структуру библиотечной науки «новый обобщающий раздел», который интегрировал бы все «специализированные подразделения библиотековедения» в единое «специализированное библиотековедение». Единая схема библиотечной науки, по его представлению, должна была выглядеть как «Библиотековедение + Общее библиотековедение + Специализированное библиотековедение».

В состав специализированного библиотековедения он включал специализированные разделы:

1. Технологическое библиотековедение (библиотечное фондование, библиотечная педагогика и др.).
2. Региональное библиотековедение, исследующее краеведческие, областные, республиканские и другие библиотечные системы.
3. Отраслевое библиотековедение (библиотечное обеспечение различных отраслевых, научных, производственных, технических, сельскохозяйственных сфер, культуры, искусства и т. п.).
4. Демографическое библиотековедение, посвященное построению оптимальных систем информационного обеспечения людей разного возраста.

5. Дефектологическое библиотековедение, включающее тифло-библиотековедение, библиотерапию и др.

6. Когнитивное библиотековедение (исследование библиотечной инженерии знаний).

7. Математическое библиотековедение (формирование и использование единого математического аппарата в целях развития всех библиотечных процессов).

8. Сравнительное библиотековедение (раскрытие сущности, достоинств, недостатков библиотечных систем мира).

И здесь единая библиотечная наука разделяется на множество «библиотековедений» по административно-территориальному и типологическому признакам. Для каждого типа и вида библиотек — свое «библиотековедение»!

Еще одна попытка структурировать библиотековедение принадлежала в эти годы Н. В. Бобылевой. Она выделяла «общий раздел» библиотековедения (история, методология, теория) и специальные разделы: учение о книге, учение о читателе, учение о библиотеке, учение о социально-информационном взаимодействии библиотечных систем и их структур [21, с. 69]. Такое выделение «учений» близко к пониманию объекта библиотековедения как системы «книга — библиотека — читатель», поскольку каждому элементу этой системы здесь соответствует свое «учение», а взаимосвязям отдельных элементов определено отдельное «учение». Недостатком этой структуры является нечеткое отграничение библиотековедческого знания от других неблиотечных сторон исследования книги и читателя.

Еще один подход к структурированию библиотековедения был предложен М. Я. Дворкиной. Она выделяла два основных принципа формирования частных библиотековедческих дисциплин: объектный (библиотечный фонд, библиотечные каталоги) и процессный (библиотечное обслуживание, управление библиотечным делом) [26, с. 21]. Однако предложенное деление достаточно условно. Так, библиотечное фондоведение изучает не только свой объект (библиотечный фонд), но и процессы с ним связанные (комплектование, обработка, хранение и т. д.). С другой стороны, процессы библиотечного обслуживания и управления библиотечным делом имеют, естественно, и свой объект, в рамках которого эти процессы и осуществляются.

Следует также заметить, что подавляющее большинство предлагаемых новых библиотековедческих дисциплин лишь декларировалось, а их сущность, объект, предмет, цели и задачи не раскрывались.

Исключением явилось сравнительное библиотековедение, обособлению которого в рассматриваемый период уделялось значительное внимание. Понятие «сравнительное библиотековедение» давно было известно в библиотечной науке, но оценивалось оно, в основном, негативно. Например, в терминологическом словаре «Библиотечное дело» (1986) статья, посвященная сравнительному методу в библиотековедческих исследованиях, заканчивалась следующим образом: «В буржуазном библиотековедении используется в реакционных целях в качестве „сравнительного библиотековедения“».

Отказ в 1990-е гг. от «борьбы с реакционными концепциями буржуазного библиотековедения», необходимость интеграции отечественного библиотековедения в мировое привели к коренному пересмотру взглядов на сущность сравнительного библиотековедения. В терминологическом словаре 1997 г. сравнительное библиотековедение определено как процесс научной деятельности и ее результат в целях выявления общих закономерностей, особенностей и уровней развития библиотечного дела [29, с. 115].

Теоретические проблемы сравнительного библиотековедения были в эти годы обстоятельно рассмотрены Н. С. Карташовым, который доказал, что сравнительное библиотековедение — не метод исследования библиотечного дела, а самостоятельная научная дисциплина. Это «совокупность систематизированных знаний об общем и особенном в различных библиотечных системах, сферах и аспектах их динамического соотношения» [82, с. 8–9]. Сравнительное библиотековедение анализирует и сопоставляет состояние, основные тенденции и закономерности развития библиотечной теории и практики в различных странах, регионах и в глобальном масштабе; вскрывает соотношение всеобщих тенденций, национальных или региональных специфик; выявляет позитивные и негативные аспекты международного библиотечного опыта; формы и способы взаимообогащения национальных библиотечных культур [81, с. 4].

Предметом сравнительного библиотековедения, по определению Н. С. Карташова, является «библиотечное дело как целостный социальный феномен в единстве и многообразии его проявлений» [24, с. 23]. Сравнительное библиотековедение использует в научных це-

лях разнообразны сравнительные методы: сравнительно-сопоставительный, историко-типологический, историко-генетический и др. [82, с. 9].

Н. С. Карташов указывал, что сравнительное библиотековедение взаимосвязано с региональным библиотековедением — научной дисциплиной о территориальной организации библиотечного дела и с библиотечной этнологией, исследующей истоки и разные стадии становления библиотечных систем во взаимосвязи с определенной национальной культурной средой [24, с. 25].

Таким образом, если в 1990-е гг. в отечественном библиотековедении существовало традиционное представление о содержании общего библиотековедения, то этого нельзя сказать о библиотековедении частном, где разными авторами предлагается различный набор частных (особенных, специальных, специализированных) дисциплин. Очевидно, прав был Н. С. Карташов, отмечая, что между частными библиотековедческими дисциплинами почти отсутствует взаимосвязь и каждая из них «преподносится как особая научная и учебная дисциплина». В результате одинаковые по смыслу понятия обозначаются разными терминами. Такое дробление на ряд наук с собственным объектом и предметами исследования не может способствовать выявлению общих принципов и закономерностей функционирования и развития библиотечного дела [77, с. 253].

3.2. Статус библиотековедения и его взаимосвязи с другими науками

Углубление представлений о сущности библиотековедения тесно связано с введением в библиотечную терминологию относительно нового понятия «статус библиотековедения», предложенного И. В. Лукашовым еще в 1988 г., о чем речь шла в предыдущей главе. Он рассматривал статус библиотековедения как концепцию, основанную на целостном понимании библиотечной науки. Статус определяется наличием и степенью развития системы признаков, характеризующих библиотековедение как науку в структуре знания, деятельности, общественного сознания [94, с. 33].

По его мнению, библиотековедение как отрасль научного знания должно обладать объектом, предметом исследования, методологией,

терминологией, проблематикой, общетеоретическими концепциями (а в идеале — математической теорией и законами) [96, с. 137]. Нетрудно заметить, что в этой формулировке определение статуса библиотековедения ничем не отличается от определения его сущности.

В. В. Скворцов, уточняя определение И. В. Лукашова, указывал, что библиотековедение обладает всеми структурными элементами, позволяющими говорить о его статусе как науки: объект и предмет, законы, принципы, теории, гипотезы, методы, понятийный аппарат, факты. Правда, подчеркивал В. В. Скворцов, степень их развития различна [126, с. 40]. Под статусом библиотековедения он понимал также его место в системе научных знаний, в совокупности общественных ценностей, среди других научных дисциплин [130, с. 71].

Последнее определение, по нашему мнению, наиболее адекватно отражает смысл понятия «статус библиотековедения» как его места в системе наук. И именно в таком понимании оно будет нами в дальнейшем рассматриваться.

Обоснование самостоятельности библиотековедения связано еще с одним подходом к определению его статуса как академической, фундаментальной науки. Например, на семинаре в Российской государственной библиотеке (РГБ) (1999 г.) доктором философских наук В. М. Межуевым, сотрудником Института философии РАН ставилась задача превратить библиотековедение в академическую науку [73, с. 133].

Библиотековедение как академическую науку рассматривали в эти годы и библиотековеды (В. П. Леонов, Ю. Н. Столяров). Последний обосновывал такой подход, исходя из «базовой роли» библиотечного дела по отношению ко всем наукам, что и делает библиотековедение равнозначным с другими фундаментальными и прикладными науками [143, 145]. Однако, как подчеркивал В. П. Леонов, это была лишь постановка проблемы, но не ее решение [26, с. 30–32].

В последние годы XX в. появилось представление о том, что библиотековедение по своему статусу является не общественной, а гуманитарной наукой, что соответствует гуманистической миссии библиотеки и принятому делению совокупности наук на гуманитарные и естественные [35].

О том, что библиотековедение не общественная, а гуманитарная наука говорили в эти годы Н. В. Бобылева [21], А. Н. Ванеев [35], Б. Ф. Володин [102], О. Л. Кабачек [20] и др. Однако, как было пока-

зано в § 3.1, авторы ГОСТа 7.0–99 сочли невозможным отнести библиотекведение к какой-либо группе наук.

Вместе с тем некоторые библиотековеды, признавая библиотекведение гуманитарной наукой, стремились в то же время считать его наукой общественной. Так, В. В. Скворцов, пытаясь совместить эти подходы, рассматривал библиотекведение одновременно и как общественную, и как гуманитарную науку, характеризуя библиотекведение как общественную, социальную науку с четко выраженной «гуманистической доминантой» [130, с. 71].

Следует заметить, что В. В. Скворцову не удалось полностью «примирить» эти два подхода. В пределах одного автореферата он отпосил библиотекведение к научным дисциплинам гуманитарного цикла [124, с. 26] и к научным дисциплинам общественного цикла [там же, с. 25].

Необходимо назвать еще один подход к определению статуса библиотекведения, когда библиотековеды видели путь выхода библиотечной науки в «большую науку» в приобщении его не к гуманитарным, а к естественным наукам [93, с. 13]. Такой подход отражал технократическую линию в развитии библиотечной практики, ориентацию на информационную функцию как ведущую, основополагающую по отношению к другим социальным функциям. Возражая такому подходу, А. Н. Вансев указывал, что во главе библиотечного дела стоит человек – читатель, которого неправомерно подменять пользователем «банка данных». Поэтому выход библиотекведения в «большую науку» надо видеть в его более активном приобщении в первую очередь к гуманитарным наукам [35].

Н. В. Бобылева также отмечала «настоячивое» проявление в библиотекведении антигуманистических, технократических идей как результат внедрения в библиотечную практику автоматизированных библиотечных технологий. Она подчеркивала «приоритет гуманистических ценностей в библиотечно-информационной культуре общества» [31, с. 5, 21].

Еще один подход, который активно разрабатывался В. В. Скворцовым, заключался в представлении, что библиотекведение является по своей сути информационной наукой. Он характеризовал три концепции библиотекведения:

- формально-техническую;
- документалистскую (документальную);
- информационную (включая «знаниевую»).

Принципиальное отличие и преимущества информационной концепции он видел в том, что она ставит во главу угла, расценивает как главное не документ, а саму информацию [20, с. 8–9]. Свое возражение против документной парадигмы библиотековедения он мотивировал и тем, что «по определению» библиотечная теория не может быть документной, так как имеет дело не с документом вообще, а лишь с одной из его многочисленных разновидностей — публикацией [26, с. 57].

В. В. Скворцов подчеркивал, что если ранее документалистская концепция выступала в качестве универсальной, исходной теории библиотековедения, то теперь ее следует рассматривать в качестве частной, дополнительной по отношению к информационной и органически с ней взаимосвязанной [20, с. 17].

Поэтому, считал В. В. Скворцов, «библиотековедение — это наука, обеспечивающая теоретическое изучение социального функционирования информации посредством механизма библиотечного дела, ... это социальная прикладная информатика, институционально ограниченная областью библиотечного дела» [131, с. 77].

Через все работы В. В. Скворцова красной нитью проходит теоретическое обоснование информационной парадигмы библиотековедения, активное привлечение информационного подхода к рассмотрению всех теоретических проблем библиотечной науки. Он считал, что сущностной характеристикой библиотековедения является, прежде всего, его информационная направленность, что есть «важнейшая и существенная» его характеристика [130, с. 30]. В. В. Скворцов подчеркивал, что главной тенденцией современного библиотековедения является движение к информационной парадигме, придание библиотековедению всех стран статуса единой научной дисциплины. Вместе с тем он отмечал, что информационная концепция предполагает сохранение традиционной демократической, гуманистической направленности библиотековедения [124, с. 30].

Рассматривал библиотековедение в качестве «одной из ведущих отраслей информатики» и В. И. Терещин [26, с. 66]. Однако он возражал против противопоставления двух явлений: информации и документа. По его мнению, библиотековедение — документная, а потому и информационная система знаний [160].

В. В. Скворцов оценивал советское библиотековедение как науку, стоявшую на позиции «документализма». Однако, с нашей точки зре-

ния, более соответствующим действительности было утверждение, что оно стояло на идеологических позициях. Эта идеологическая парадигма меняется в современном отечественном библиотековедении на информационную. Именно на информационной парадигме и строит В. В. Скворцов теоретическое обоснование библиотековедения как «информационной науки общественного цикла».

Что же касается рассуждений В. И. Терешина о том, что является первичным — документ или информация, то их ценность очень напоминает пресловутые споры о первичности курицы и яйца. Понятия «документ» и «информация» относятся к разным логическим категориям, и вопрос о том, что из них первичнее, а что вторичнее, не имеет смысла.

В библиотековедении, наряду со сторонниками информационной парадигмы, были и есть сторонники того, что методология библиотечной науки и практики должна быть ориентирована на общечеловеческие гуманистические ценности. Говорит об этом подходе и В. В. Скворцов, но, к сожалению, у него эти парадигмы не соотносятся между собой и существуют как бы параллельно [37, с. 48].

Не все авторы были согласны и с противопоставлением документной и информационной концепции библиотековедения. Так, М. И. Акилина подчеркивала, что документ — это «не форма, а единство формы и содержания». Поэтому спор о том, какое из этих понятий определяет библиотековедение, не имеет смысла. Она подчеркивала, что информационная концепция «должна быть положена не в основу библиотековедения в целом, а в основу специального учения, направления в рамках библиотековедения». По ее мнению, «библиотековедение нуждается в своей теории информации, специфичной для библиотек» [2].

Как уже было сказано выше, под статусом библиотековедения понималась не только его сущность, но и его место в системе наук. Однако, несмотря на многолетнюю теоретическую разработку этой проблемы, единого решения не существует до сих пор.

Ю. Н. Столяров, рассматривая представления о включении библиотековедения в цикл общественных или культурологических наук, полагал, что однозначно определить место библиотековедения в системе наук невозможно и следует признать правомерность его междисциплинарного положения в системе научного знания [151].

И. В. Лукашов отмечал важность теоретического определения статуса библиотековедения, в частности, необходимостью противо-

стоять «агрессии» информатики и книговедения, которые пытаются отрицать право библиотековедения на самостоятельность [95].

Следует заметить, что говорить об «агрессии» книговедения не было особых оснований. В вышедшей в рассматриваемый период энциклопедии «Книга» библиотековедение рассматривалось как родственная, тесно связанная и относительно самостоятельная дисциплина книговедческого цикла [87, с. 304–309].

В таком подходе в принципе не было ничего нового. Взаимосвязи книговедения и библиотековедения были обстоятельно рассмотрены еще в 1970-е гг. В результате был получен вывод о том, что книговедение и библиотековедение — это самостоятельные, но родственные, сопредельные науки [46, с. 180–182]. Правомерность этого утверждения сохранилась и в рассматриваемый период.

В конце XX в. рассматривались три основных подхода к определению места библиотековедения в системе наук: культурологический, информационный и с позиций науки о социальных коммуникациях.

Культурологический взгляд на библиотековедение обосновывался С. Н. Иконниковой. По ее мнению, культурология является менее жесткой, более широкой, по сравнению с социологией, наукой, объединяющей книгу, читателя, библиотеку в контексте культуры [17, с. 21].

В качестве одной из обобщающих наук по отношению к библиотековедению называл культурологию и В. В. Скворцов. Рассматривая взаимосвязи библиотековедения и культурологии, он подчеркивал, что последняя использует в обобщенном виде и с позиций собственного предмета исследования данные библиотековедения. По отношению к культурологии, библиотековедение — частная наука [130, с. 79].

Культурологическую концепцию поддерживали также Л. Н. Гусева и Е. В. Смолина, отмечая, что библиотечное дело развивается не по законам природы, а по законам культуры: «отсюда культурно-творческая функция библиотечной науки» [55, с. 93]. Л. Н. Гусева характеризовала философско-методологические проблемы библиотековедения как проблемы культурологические [19, с. 30]. Последнее нашло, в частности, подтверждение в том, что в рассматриваемый период впервые появились диссертации библиотечной тематики, защищенные на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности «Философия и теория культуры»: Т. Б. Маркова

«Библиотека как феномен культуры» (1999 г.), Е. М. Колесникова
«Библиотека в системе региональной культуры» (2000 г.).

Однако более или менее развернутого обоснования культурологи как обобщающей науки по отношению к библиотековедению в эти годы предложено не было.

Значительно активнее обосновывалась концепция, по которой обобщающей наукой по отношению к библиотековедению признавалась информатика. Наиболее весомый вклад в ее разработку внес в рассматриваемый период В. В. Скворцов. В качестве обобщающей науки по отношению к библиотековедению он назвал фундаментальную информатику и рассматривал библиотековедение в качестве «социальной прикладной информатики» [130, с. 71].

В. В. Скворцов видел перспективу в слиянии библиотековедения, библиографоведения, прикладной информатики и книговедения «в некую новую науку на методологической базе новой, более общей метатеории» [131, с. 75]. Принципиальное отличие библиотековедения конца XX в. он видел в том, что оно «глубоко ассимилировало многие идеи фундаментальной науки информатики и превратилось в одну из ее разновидностей — библиотечную информатику, по отношению к которой фундаментальная информатика выступает в качестве метанауки» [128, с. 42].

Следует отметить спорность позиций В. В. Скворцова, который одновременно предлагал считать обобщающей наукой для библиотековедения и культурологию, и фундаментальную информатику, хотя очевидно, что библиотековедение, как и любая другая наука, должно занимать в классификации наук свое определенное место.

Если концепция В. В. Скворцова о фундаментальной информатике как метанауке для библиотековедения и других смежных, родственных наук, не получила дальнейшего развития, то этого нельзя сказать об еще одной концепции, начало разработки которой было положено в предыдущем периоде. Это обоснование статуса библиотековедения как одной из дисциплин документно-коммуникационного цикла.

Эту концепцию в рассматриваемые годы активно разрабатывал В. П. Леонов. Он предложил сформировать единую фундаментальную науку о библиотечном деле, объектом которой должен быть библиотечный процесс в системе документных коммуникаций. Ее задача — познание универсальных библиотечных процессов не только

в библиотеках, но и в библиографических службах, архивах, музеях, системах книжного дела и книжной торговли [26, с. 30–32]. По его мнению, библиотековедение является неотъемлемой частью системы социально-коммуникативных наук: «В системе документных коммуникаций в обществе происходит движение библиотечно-библиографической информации, обеспечивается ее устойчивая связь с потребителями и формируется новое знание» [91, с. 46–47].

Однако названные выше подходы оставались самостоятельными и никак не соотносились друг с другом.

Наиболее аргументированной и перспективной была позиция, исследовавшая библиотековедение как одну из самостоятельных дисциплин документно-коммуникационного цикла, а обобщающей по отношению к нему рассматривалась наука о социальных коммуникациях.

Особенностью 1990-х гг. было, с одной стороны, расширение и углубление теоретических знаний о взаимосвязях с теми науками, на базе интеграции которых с библиотековедением исторически сложились библиотековедческие интеграционные научные дисциплины. С другой стороны, для этих лет характерно появление и научное обоснование новых библиотековедческих интеграционных научных дисциплин.

В наиболее обобщенном виде проблемы взаимосвязей библиотековедения с другими научными дисциплинами нашли в эти годы отражение в учебнике В. В. Скворцова «Теоретические основы библиотековедения» [130] и в его докторской диссертации [124]. Он отмечал высокую степень междисциплинарного синтеза научных знаний в библиотековедении и систематизировал эти связи на носящие симметрический характер (библиографоведение, книговедение, информатика, архивоведение) и асимметрические связи с философией, культурологией, социологией, педагогикой, психологией, экономикой, математикой [124, с. 29]. Для первой группы он предложил обобщающее понятие «дисциплины библиотечно-библиографического и информационного цикла» [130, с. 73].

В. П. Полянов, характеризуя эти научные дисциплины как «родственные», подчеркивал, что взаимосвязи между ними должны приводить не к их лидерству по отношению к библиотековедению, а к формированию «интегрированного библиотековедения» [111]. К сожалению, автор не дал четкого определения «интегрированно-

му библиотековедению», не обозначил его сущности, объекта и предмета.

В рассматриваемый период активно обсуждался вопрос о соотношении библиотековедения и библиографоведения. По мнению ряда ученых, интеграция этих наук должна вести к включению библиографических проблем в библиотековедение. Мотивировалось это тем, что библиотековедение, как считал Н. С. Карташов, изучает библиотеку и библиотечное дело, включая и библиографический аспект [74, с. 24]. Включал библиографирование в структуру библиотечных процессов и В. П. Леонов [92].

Единство библиотековедческого и библиографоведческого знания подчеркивал и А. В. Соколов. По его мнению, эти науки имеют общий объект познания — систему документных коммуникаций (систему «документ — потребитель» или систему «книга — читатель»). Этот объект изучается ими в различных аспектах, которые определяются «принципом отграничения». Предметом этих наук является библиотечная и, соответственно, библиографическая деятельность.

Библиотековедение и библиографоведение имеют общий объект познания, структурно и функционально сходные предметы изучения. Поэтому «механизмы формирования библиотековедческого и библиографоведческого знания, фундаментальные законы библиотечной и библиографической деятельности не только сходны по форме, но и совпадают по существу [135, с. 161–162].

Однако интеграция библиотечного и библиографического знания не привела к «ликвидации» библиографоведения. Оно остается самостоятельной наукой, родственной с библиотековедением, но со своей теорией, объектом и предметом исследования.

Обсуждалась и проблема интеграции библиотековедения и информатики, которые в эти годы в англоговорящих странах все чаще стали рассматриваться как единая «библиотечно-информационная наука». Однако, несмотря на то, что понятия «библиотечно-информационная деятельность», «библиотечно-информационное обслуживание» и т. п. уже активно использовались в российском библиотековедении, научного обоснования «библиотечно-информационной науки» как единой в рассматриваемый период мы еще не находим ни в библиотековедении, ни в информатике, которые продолжают считать друг друга родственными, но самостоятельными науками.

Попытки уточнить взаимоотношения этих наук предпринял в эти годы В. В. Скворцов, который различал информатику как фундаментальную науку и «прикладную информатику», с которой, по его представлению, и взаимодействует библиотековедение. Прикладная информатика и библиотековедение — это родственные, сопредельные, «равноположенные» наук [130, с. 77]. Такое уточнение представляется весьма существенным, поскольку оно сближает объекты и проблематику самостоятельных научных дисциплин.

Что же касается «асимметричных» (по терминологии В. В. Скворцова) связей библиотековедения с другими науками, то, прежде всего, следует подчеркнуть, что по-прежнему не было единого понимания места интеграционных научных дисциплин в системе библиотековедения. Например, в терминологическом словаре (1997) социология библиотечного дела рассматривалась как раздел социологии [29, с. 113], а читателеведение, наоборот, не как книговедческая, а как библиотековедческая дисциплина, ограничивая тем самым ее задачи не изучением читателя вообще, а только организацией его обслуживания в библиотеках [29, с. 135].

В 1990-е гг. активизировалась научная разработка проблем библиотечной социологии. В эти годы впервые появилось развернутое определение «социологии библиотечного дела» на терминологическом уровне. В словаре (1997) она была определена как раздел социологии, задача которого заключается в изучении закономерностей функционирования библиотеки как социального института. Основными направлениями социологического изучения библиотеки в словаре названы: место и роль библиотеки в жизни общества, историческая типология библиотек, структура читательской аудитории библиотек, библиотека как тип социальной организации (социология труда, профессиональной подготовки, управления библиотечным делом) [29, с. 113]. Характерно, что здесь в задачи библиотечной социологии включено изучение всех аспектов библиотечного дела. Однако проблемы социологии книги и чтения в словаре выделены из структуры библиотечной социологии и рассматриваются как самостоятельные научные дисциплины, не входящие в социологию библиотечного дела.

Более обобщенным было определение библиотечной социологии, предложенное Л. Е. Савич. Рассматривая библиотечную социологию как результат интеграции библиотечно-информационных наук с социологией, она видела ее задачу в изучении и объяснении социаль-

ных функций библиотеки как социального института. В ее состав входят социология чтения, социология читателя, социология библиотекаря, социология библиотек [133, с. 176–186].

Близкое определение библиотечной социологии предложил и В. В. Скворцов. Рассматривая ее как «подраздел библиотекведения (точнее было бы сказать — научную дисциплину — А. В.), он включал в нее социологию библиотеки, книги и чтения, социальные факторы функционирования в обществе книги, знания, информации [130, с. 79].

Таким образом, понятие «библиотечная социология» («социология библиотечного дела») наконец-то было определено на терминологическом уровне. Однако в эти годы еще не появилось обобщающих работ, в которых библиотечная социология была бы всесторонне рассмотрена. Это, видимо, и позволило В. Д. Стельмах констатировать, что «социологии библиотечного дела пока не существует как дисциплины со своей системой понятий, со своим категориальным аппаратом, со своей способностью интерпретировать данные» [140, с. 34].

В. В. Скворцов конструировал библиотечную социологию на основе использования в библиотекведении социально-психологических методов [130, с. 79]. Однако другие библиотекведы полагали, что использование этих методов ведет к формированию в библиотекведении не библиотечной социологии, а социальной психологии библиотечного дела.

Наиболее развернутое ее обоснование было предложено И. А. Мейжис. Она показала отличие библиотечной социологии от социальной психологии библиотечного дела. Первая научная дисциплина изучает библиотеку как социальный институт, вторая — закономерности поведения читателей и библиотекарей, их взаимодействие в процессе библиотечного обслуживания [101, с. 3–9].

Появились в рассматриваемый период и новые публикации, рассматривающие взаимосвязи библиотекведения и психологии. В терминологическом словаре (1997) библиотечная психология была определена как научная дисциплина, изучающая психологические основы библиотечной деятельности [29, с. 20]. Более узкое определение библиотечной психологии как психологии чтения, читателя и книги было дано в эти годы К. И. Воробьевой, которая рассматривала библиотечную психологию как часть библиологической психологии [50, с. 33].

Можно также отметить попытку В. И. Грачева обосновать новую научную дисциплину — «социопсихологию библиотечной жизни», которая опиралась бы на достижения социологии и социальной психологии и изучала бы библиотечных специалистов во всем многообразии их социальных, индивидуальных, профессиональных связей в условиях «библиотечной жизни», под которой автор понимал «разумную творческую и целенаправленную деятельность людей в библиотечной сфере» [52].

По-разному определяли библиотековеды и содержание другой библиотековедческой научной дисциплины — библиотечной педагогики. Так, В. В. Скворцов указывал, что она изучает педагогические основы работы с читателями [130, с. 82]. В терминологическом словаре (1997) библиотечная педагогика определялась как научная дисциплина, изучающая педагогические основы библиотечной работы, однако из этих основ названы только проблемы обслуживания читателей [29, с. 20].

Как и в предыдущий период, по проблемам библиотечной педагогики активно выступал В. И. Терешин, противопоставляя ее руководству чтением. Он рассматривал библиотечную педагогику как самостоятельную научную дисциплину, изучающую «закономерности в организации библиотечной деятельности по воспитанию, образованию, духовному развитию личности», «дидактические принципы, методы и организацию взаимодействия в системе „библиотека — читатель“» [157, с. 50–52].

Таким образом, в отличие от определения библиотечной психологии как научной дисциплины, охватывающей все психологические аспекты библиотечной деятельности, библиотечную педагогику связывали в основном лишь с одним направлением этой деятельности — обслуживанием читателей.

Возражая В. И. Терешину, предлагавшему заменить руководство чтением библиотечной педагогией, А. Н. Ванеев подчеркивал, что содержание библиотечной педагогики значительно шире руководства чтением. Она призвана рассматривать педагогический аспект всех направлений библиотечной деятельности: управления библиотеками, методической работы, подготовки и повышения квалификации библиотечных кадров и многое другое [38, с. 29].

Позднее В. И. Терешин пришел к выводу, что библиотечная педагогика не только педагогический процесс сотрудничества с читате-

лем, а «целый комплекс прямого и косвенного воздействия... Это чрезвычайно широкое понятие и действие, охватывающее всю библиотеку в целом» [161, с. 50]. По его представлению, библиотечная педагогика «определяет саму библиотеку как педагогическую систему» [156, с. 50].

В рассматриваемый период продолжалось научное осмысление проблем *библиотечной профессиографии*. В терминологическом словаре по библиотечному делу (1995) библиотечная профессиография определялась как теоретико-прикладная дисциплина, разрабатывающая описательно-технологические и психофизиологические характеристики трудовой деятельности библиотечных работников, а *библиотечная профессиология* как «формирующаяся библиотекведческая дисциплина, изучающая кадры библиотекарей» [162, с. 29].

Более четкое и развернутое определение библиотечной профессиологии, ее проблематики дали в эти годы А. В. Соколов и А. С. Чачко. Они рассматривали ее как комплексную научную и учебную теоретико-прикладную дисциплину, объектом которой является библиотечная профессия, изучаемая в рамках библиотекведения с использованием достижений смежных наук. Ее предмет — взаимодействие библиотечной профессии с обществом, трудовыми коллективами, специалистами. Ее проблематика включает изучение социальной роли и места библиотечной профессии в обществе, анализ особенностей этой социально-профессиональной группы, в том числе вопросов труда и профессионализации специалистов, выявление кадрового состава библиотечных специалистов, его соответствия профессиональным требованиям, разработку системы непрерывного образования и других систем поддержания, совершенствования и развития профессии [23, с. 24].

В 1990-е гг. возродился интерес к научной разработке еще одной библиотекведческой научной дисциплины — библиотерапии. Если в 1970-х гг. библиотерапия определялась как научная дисциплина, находящаяся на стыке библиотекведения и психотерапии, то в 1990-е гг. Ю. Н. Дрешер рассматривала ее и как комплексную науку, и как область практической деятельности на стыке медицины и библиотечного дела. Цель библиотерапии — активное вовлечение человека в чтение тщательно подобранной литературы с целью его излечения или решения личных проблем, изучение особенностей чита-

тельского восприятия во время болезни, стресса, депрессии и т. д. [24, с. 17–19; 26, с. 94–95].

В рассматриваемый период в терминосистему библиотековедения вошло определение еще двух интеграционных библиотековедческих дисциплин «дефектологического библиотековедения» и «тифлобиблиотековедения». А. Е. Шапошников [177] и Г. П. Диянская [67] понимали под дефектологическим библиотековедением отрасль библиотечной науки, интегрирующую библиотековедческие дефектологические знания. Его подсистемой является тифлобиблиотековедение — научная дисциплина, изучающая проблемы библиотечного обслуживания инвалидов по зрению. Основным принципом этой научной дисциплины, по определению Г. П. Диянской, является «принцип равных возможностей для инвалидов по зрению в библиотечном обслуживании» [67].

Среди других интеграционных научных библиотековедческих дисциплин, на необходимость разработки которых в конце XX в. обратили внимание отечественные библиотековеды, можно назвать попытки обоснования теоретических основ библиотечной этики, ее специфики по отношению к базовой этике как философской науке [7]; библиотечной лингвистики как научной дисциплины, разрабатывающей способы применения лингвистических знаний в библиотечном деле [27]; библиотечной соционики, исследующей «образ человека в библиотеке» [71]; библиотечной когнитологии как особой научной дисциплины, исследующей процессы функционирования и движения знаний в библиотечной действительности [107]. Однако эти новые библиотековедческие дисциплины в рассматриваемый период находились в стадии становления. Некоторые из них получили более углубленное обоснование уже в начале XXI в.

К сожалению, в рассматриваемый период, как ни странно, не уделялось должного внимания теоретическому обоснованию экономики библиотечного дела как научной библиотековедческой дисциплины. Все внимание библиотековедов было направлено на реализацию экономических проблем библиотечной практики. В терминологическом словаре (1997) экономика библиотечного дела определялась не как научная дисциплина, а как область практической деятельности [29, с. 138].

Попытку научного обоснования экономических проблем библиотечного дела предпринял В. К. Клоев, предложивший ввести в биб-

лиотековедение «библиотечную микроэкономику», под которой он понимал «теоретико-прикладную научную дисциплину, изучающую библиотеку как специфическую экономическую единицу и хозяйствующий субъект» [86, с. 29].

В конце XX в. в библиотечную практику широко вошли понятия «библиотечный менеджмент» и «библиотечный маркетинг», что потребовало прежде всего их определения на терминологическом уровне.

В терминологическом словаре (1995) библиотечный маркетинг определен как хозяйственная деятельность библиотеки, имеющая рыночную ориентацию [162, с. 33]. Более «научное» определение содержалось в словаре 1997 г., где библиотечный маркетинг характеризовался как «философия управления, ориентированного на потребителя» [29, с. 24].

В «Справочнике библиотекаря» библиотечный маркетинг определен как технология управления, ориентированная на максимальное удовлетворение нужд и потребностей реальных и потенциальных пользователей услугами и продукцией библиотек [138, с. 250]. Последнее определение наиболее четко выявляло библиотечный маркетинг как направление практической управленческой деятельности библиотеки, но не давало представления о нем как о научной дисциплине библиотекведения.

Примерно также обстояло дело и с понятием «библиотечный менеджмент». В терминологическом словаре (1995) он определялся как «сознательная планомерная деятельность руководителя библиотеки». Суть библиотечного менеджмента в определении «стратегии и тактики управления библиотекой как самостоятельной хозяйственной и юридической единицей» [162, с. 34]. В словарь 1997 г. введено понятие «менеджмент», которое определено как система управления библиотекой в условиях рыночной экономики [29, с. 67].

Попытку определить библиотечный менеджмент как научную библиотекведческую дисциплину предприняла в конце рассматриваемого периода И. М. Сулова в учебно-практическом пособии «Основы библиотечного менеджмента» [154]. Она считала, что библиотечный менеджмент «трансформирует управление библиотекой как частное направление библиотекведения в самостоятельную научную дисциплину, обладающую собственным объектом и предметом». Объектом библиотечного менеджмента она называла не библиотеч-

ное дело, а библиотеку. Предмет библиотечного менеджмента — закономерности управления деятельностью библиотеки [154, с. 26–27].

Следует заметить, что отношение к библиотечному менеджменту как к новой научной дисциплине не было однозначным. Так, Н. С. Карташов отмечал, что из теории библиотечного менеджмента, объектом которого называют библиотеку, выпадают проблемы управления библиотечным делом, библиотечными системами [75].

Таким образом, в качестве объекта новой формирующейся библиотекведческой дисциплины «библиотечный менеджмент» предлагались и библиотека, и библиотечное дело. Однако менеджер — это руководитель библиотеки. Функции же управления библиотечным делом, библиотечными сетями и системами возложены, по «Закону о библиотечном деле», не на менеджеров, а на учредителей библиотек.

В целом следует отметить, что проблемы библиотечного менеджмента и библиотечного маркетинга рассматривались в отечественной библиотекведческой литературе в основном как направления практической деятельности библиотек, а не как новые библиотекведческие научные дисциплины.

3.3. Философские, методологические и терминологические проблемы библиотековедения

Достигнутые в предыдущие периоды истории отечественного библиотековедения результаты позволяли говорить об определенной методологической зрелости библиотековедения, об овладении им современными методами научного познания. Однако в отечественной библиотечной науке оставалось еще много нерешенного в понимании методологии библиотековедения как науки и методологии как совокупности методов библиотечных исследований.

В отечественном библиотековедении не было четкого определения понятия «методология библиотековедения». Несмотря на то, что содержание этого понятия давно определено в философии и науковедении, в отечественном библиотековедении имели место попытки расширительного толкования проблем библиотечного дела как проблем методологических. И. В. Лукашов справедливо указывал, что подход, по которому в разряд методологических включались слож-

ные, крупные проблемы библиотечного дела, приводил к тому, что на этом основании в разряд методологических можно включать практически все проблемы библиотечного дела, тем самым лишая термин «методология» определенности [96]. Однако он сам со своей стороны неоправданно суживал это понятие, ограничивая его проблемой применения в библиотековедении исследовательских методов.

Примером расширительного понимания является определение библиотечной методологии, предложенное Е. В. Смолиной. По ее мнению, в понятие «методология», наряду с научно-познавательной деятельностью, уже включены и все другие виды теоретической и практической деятельности. Поэтому библиотековедение является «разновидностью» методологического знания, которое направлено на библиотечную деятельность [115, с. 95].

Наиболее развернутое определение методологии библиотековедения предложил в эти годы В. В. Скворцов. Он полагал, что под методологией библиотековедения следует понимать систему исходных, наиболее общих законов, принципов, форм и способов построения научного знания в библиотечном деле [124, с. 28]. В понятие «методология библиотековедения» он включал три компонента:

1. Мировая философия, обращенная к процессу познания.
2. Наука логика.
3. Специфические для библиотековедения законы и принципы.

Он выделял общую методологию и частную методологию библиотековедения и подчеркивал особое методологическое значение для библиотековедения теории познания (гносеологии), а также законов и принципов диалектики [130, с. 47].

Значение методологических проблем библиотековедения подчеркивал и В. С. Крейденко: «Методологическая ориентация существенно важна для дальнейшего развития библиотековедения: слабая методология не стимулирует как развитие библиотечной теории, так и углубление ее связей с практикой» [114, с. 5–6]. Он подчеркивал, что в методологии библиотековедения предметом познания является «само познание библиотечных фактов и зависимостей между ними, его принципы и методы» [114, с. 6].

В. П. Леонов полагал, что библиотековедение надо изучать не методом мониторинга, наблюдая и фиксируя изменения, а сконцентрировать усилия на познании сущности библиотечных процессов и явлений, их природы, свойств и особенностей протекания [91, с. 46].

Единства в определении методологии библиотековедения не было даже на терминологическом уровне. Совершенно не выявляло специфику методологии библиотековедения определение, предложенное в терминологическом словаре по библиотечному делу (1995), где она определялась как «раздел библиотековедения, рассматривающий структуру, логическую организацию, методы и средства библиотечной деятельности» [162, с. 105]. Заметим, что методы и средства библиотечной деятельности — это ее методика, организация и технология, а не методология науки и не методы библиотековедческих исследований.

По-иному трактует методологию библиотековедения терминологический словарь 1997 г., в котором предлагается рассматривать методологию как «область библиотечной науки, изучающая общие и частные методы научных исследований, принципы, подходы к исследованию различных объектов, относящихся к библиотечному делу». В словаре разграничены понятия «методология библиотековедения» и «методология и методика библиотечных исследований». Последнее понятие рассматривалось как «инструментарий» библиотечного исследования, его средства и способы. Методология — это область общей стратегии исследования, а методика — его тактика [29, с. 68–69].

И. В. Лукашов предложил условное деление фундаментальных библиотековедческих исследований на «чистые» и целенаправленные. К первой категории он относил системные исследования структуры библиотеки как объекта библиотековедения; изучение закономерностей и принципов библиотечной деятельности; методологических и терминологических вопросов. Целенаправленными он считал НИР, призванные теоретически обосновывать разработку приоритетных проблем библиотековедения [94, с. 42–43].

Методология является одной из фундаментальных сторон любой науки, составное звено триады: «теория — история — методология». Переосмысление философии библиотечной науки и идеологии библиотечной деятельности требует более четкого понимания методологических проблем. Нами было выдвинуто предположение, что более правильно рассматривать методологию библиотековедения как учение о принципах построения, формах и способах научного познания объекта библиотечной науки. Наличие единого методологического подхода было возможно лишь в условиях моноидеологического государства. В ситуации конца XX в. корректнее говорить о системе мето-

дологических принципов, важнейшие из которых — принципы историзма и объективности [39, с. 14].

В годы монополии коммунистической идеологии во всех библиотекосведческих работах, независимо от их тематики, утверждалось, что методологической базой является марксистско-ленинская философия, а основополагающим методологическим принципом — принцип коммунистической партийности. Отказ от моноидеологии, от марксистско-ленинской философии как «единственно верной» привел к стремлению определить философские основания отечественного библиотекосведения.

Первыми попытками, сделанными в этом направлении, можно считать «круглый стол» по теоретическим проблемам библиотечной науки, организованный редакцией журнала «Библиотекосведение» (апрель 1993 г.) [10] и семинар «Профессиональное сознание библиотечарей: необходимость перемен в переходный период», проведенный Московской библиотечной ассоциацией (июнь 1993 г.) [117].

Красной нитью через выступления участников этих встреч проходило осознание необходимости искать новые подходы к философии библиотекосведения. Эти новые подходы видели в возвращении к до-революционной философии просветительства, в движении от идеологии библиотечного дела к его философии. В качестве новой философии библиотечного дела предлагалась философия доступности информации для всех.

Первой статьей, в названии которой появилось слово «философия», была статья М. Я. Дворкиной «От идеологии к философии библиотечного дела» [63]. Однако, используя понятие «философия библиотечного дела», она не дала ему определения, подчеркнув лишь важность философского осмысления библиотечных проблем.

В 1996–1999 гг. Российская национальная библиотека (РНБ) провела три «круглых стола» на темы: «Библиотека в социально-философском контексте» [19], «Профессиональное сознание библиотечарей как предмет философских, культурологических и социологических исследований» [116] и «Философские основы подготовки исследователей и практиков» [171]. Материалы «круглых столов» были опубликованы в журнале «Петербургская библиотечная школа», а главное выступление А. В. Соколова «Философия и библиотекосведение» и в журнале «Научные и технические библиотеки». В своей статье А. В. Соколов перечислял несколько направлений «западной

философии библиотековедения»: формально-дедуктивное, культурно-просветительное, либерально-демократическое, этическое, коммуникационное, эпистологическое [136, с. 5–6]. Однако все эти направления относились не к библиотековедению, а к социологическим и культурологическим концепциям.

Участники «круглых столов» пришли к единодушному выводу о важности и необходимости научного обоснования и теоретической разработки проблем библиотечной философии. Мотивировалось это тем, что осмысление новых идеалов и ценностей библиотечной деятельности требует философского подхода, обоснования философии библиотечного дела.

Философские проблемы библиотековедения рассматривались и на научном семинаре в РГБ в 1999 г. «История библиотечного дела в контексте культурологии и историософии» [73].

Проблемам библиотечной философии в рассматриваемый период были посвящены работы многих отечественных библиотековедов: М. И. Акилиной, Н. В. Бобылевой, А. Н. Ванеева, Л. Н. Гусевой, М. Я. Дворкиной, С. Г. Матлиной, С. А. Порошина, В. В. Скворцова, А. В. Соколова, Ю. Н. Столярова, Н. И. Тюлиной и др., а также философов С. С. Гусева, В. М. Межуева, А. И. Ракитова, Ю. М. Шилкова и др.

Впервые в эти годы внимание к философским проблемам библиотековедения и библиотечного дела нашло отражение в защите кандидатских диссертаций по библиотековедческой тематике не по педагогическим, а по философским наукам (по специальности 24.00.01 — теория культуры) [88, 98].

Анализ опубликованных работ показывает, что наряду с полным отрицанием А. В. Соколовым каких-либо теоретических подходов к философским проблемам в отечественном библиотековедении, в отечественной библиотековедческой литературе рассматриваемого периода можно обнаружить несколько подходов к философскому обоснованию библиотековедческих проблем.

Одним из них является маркетинговый подход, сторонники которого обосновывали «философию маркетинга» как «новое» мышление библиотечной науки, что позволяет создать современный образ библиотеки как социального института, работающего в рыночных условиях [61, с. 77]. Так, Н. И. Тюлина подчеркивала, что маркетинг является философской основой осмысления библиотеки, особенно

проблем библиотечного обслуживания и управленческого процесса в целом [167].

В разработке этого подхода особенно отчетливо видно стремление вписать отечественное библиотековедение в западное, прежде всего библиотековедение США, с его прагматическим подходом к библиотечной деятельности на базе маркетинговых отношений библиотеки с пользователями через ее продукцию и услуги.

Несомненно, что деятельность библиотек в условиях перехода к рыночным отношениям потребовала теоретической разработки проблем библиотечного менеджмента и библиотечного маркетинга. Однако здесь не было единства взглядов. Если одни библиотековеды явно преувеличивали значение маркетинга в библиотечном деле, объявляя его философией библиотечного дела (точнее было бы говорить — теорией), то другие полагали, что неправомерно сводить теорию и практику библиотечного дела к маркетингу.

Критики маркетингового подхода полагали, что возможность механического переноса американской библиотечной философии на русскую почву — это иллюзия, и поэтому следует стимулировать собственную теоретическую мысль [144, с. 12]. Маркетинговый подход отрицает главную идею библиотеки, которая по своей сути стабильна, традиционна, незыблема: «Здесь хранятся память человечества, история культуры, а в итоге — вечность» [97]. При таком подходе первостепенное внимание к коммерческой деятельности библиотеки становится не вынужденным, объясняемым бедственным финансовым положением многих библиотек, а теоретически оправданным. Гуманистическая сущность библиотеки подменяется товарно-денежными отношениями между библиотекой и пользователями.

К маркетинговому подходу примыкает концепция философии управления, предложенная Л. А. Куликовой и Н. В. Могилевер. Философию библиотеки они рассматривали как основу организации ее деятельности. С их точки зрения, философия библиотеки должна формироваться внутри каждой библиотеки работающими в ней библиотекарями, что приведет к изменению их профессиональной ориентации [89, с. 35].

На сходной позиции стоял и Б. Н. Бачалдин, который полагал, что «забота о библиотеках, здравый, деловой подход к прогнозированию условий и принципов их развития и составляет философию отечественного библиотековедения» [8, с. 25].

Такой подход к определению философии библиотеки вызвал возражения со стороны Е. А. Фенелонова, который отмечал, что в попытке авторов сформулировать философию библиотеки речь идет по существу об учете в практической деятельности требований общества к библиотеке как социальному институту: «Можно, конечно, допустить наличие некоей домашней философии но, на наш взгляд, плохо, если она претендует на замену традиционной» [169].

Более чем очевидно, что названные выше авторы говорили по существу не о философии библиотеки, а о ее практической деятельности в новых экономических условиях.

Широко распространенным явился информационный подход, суть которого заключается в том, что в качестве новой философии библиотеки предлагалась «философия доступности информации для всех» [110, с. 136]. Этот подход в своей основе также опирался на американскую библиотечную философию. Можно, например, сослаться на главу «О философии развития библиотечного дела в США» в монографии, посвященной библиотекам этой страны, в которой философия библиотечного дела рассматривалась как философия обеспечения населения информацией [16, с. 6–10].

М. И. Акилина также подчеркивала, что именно обеспечение доступа к информации как важнейшей функции библиотеки послужило «началом становления новой философии библиотеки» [5, с. 93].

Однако не все участники дискуссии были согласны с таким подходом к определению философии библиотеки. Так, С. Г. Матлина полагала, что свобода доступа к информации — это не философская, а идеологическая проблема [99, с. 102].

Наряду с информационным, в отечественном библиотековедении обосновывался и просветительский подход. М. Я. Дворкина отмечала, что становление и оформление библиотечной профессии происходило от появления просветительства, в результате чего эти идеи вошли в систему ценностей библиотечного дела. Передаваясь из поколения в поколение, идеи просветительства «стали по существу философией библиотечного дела». Отмечая, что на Западе формируется философия доступности информации, документов, знаний, М. Я. Дворкина полагала, что эта философия принципиально не противоречит философии просветительства, а развивает ее в новых социально-экономических условиях, поскольку, обеспечивая доступ к информации, библиотека служит и просвещению [61, с. 140–143].

С нашей точки зрения, с позиций библиотечного дела доступность информации для всех не более, чем провозглашенная еще в конце XVIII в. Великой Французской революцией общедоступность, публичность библиотеки, объявлять которую «новой философией» нет никаких оснований. В более же широком плане философия доступности информации для всех не может быть отнесена к библиотековедению, объектом которого является не информация, а библиотека.

Критики информационного подхода к философии библиотеки подчеркивали, что библиотеку нельзя отождествлять только со знанием и информацией, так как она имеет отношение и к области чувственного мира [112, с. 125]. По их мнению, выдвижение на первый план информационного подхода к формированию философии библиотеки ведет к тому, что утрачивается ее гуманистическая сущность, сформированная усилиями отечественных философов, просветителей и библиотековедов.

Поэтому, с нашей точки зрения, наиболее отвечающим философским представлениям о сущности библиотеки является просветительский подход, опирающийся на просветительство как философию библиотечного дела в дореволюционной России. В его основе лежит опора на гуманистические идеалы.

Сторонники такого подхода подчеркивали гуманистическую сущность библиотеки, видели ее «величественным храмом знаний и культуры» [15, с. 93], а ее гуманистическое предназначение — в собрании и сохранении духовных достижений человеческой цивилизации, «памяти человечества» [84, 110, 112].

Возрождение идей просветительства, идущих на смену идеологическому подходу, является, по нашему мнению, наиболее перспективным в обосновании философских проблем библиотечной отрасли.

Таким образом, каждый из названных философских подходов имел как своих приверженцев, так и противников. Не было единого представления о философских проблемах библиотечной отрасли и на терминологическом уровне. В терминологических словарях 1995 и 1997 гг. философские определения вообще отсутствуют. В работах отечественных библиотековедов, посвященных философским проблемам, предлагались различные термины: библиотечная философия, философия библиотековедения, философия библиотечного дела, философия библиотеки, которые зачастую использовались как

синонимы. А. Л. Н. Гусева и Е. В. Смолина предложили опираться одновременно на все четыре понятия, каждому из которых они дали свое определение [55, с. 205–207].

М. Я. Дворкина полагала, что из трех названных ею понятий: философия библиотечного дела, философия библиотеки и философия библиотековедения обобщающим термином является «библиотечная философия» [62, с. 27], которая, по ее мнению, «отражает взаимоотношения библиотеки и общества, библиотеки и отдельных социальных институтов общества (библиотека и культура, библиотека и образование, библиотека и система информационных коммуникаций, библиотека и экология, библиотека и технический прогресс и т. п.); осмысливает место библиотеки в истории становления человека; изучает проблемы библиотечного бытия (библиотечной жизни), профессиональные ценности, библиотечную этику, исследует противоречия, существующие в библиотечном деле, и другие проблемы. Библиотечная философия осмысливает миссию библиотек» [60, с. 7].

Против употребления понятия «философия библиотечного дела» выступал В. В. Скворцов. По его мнению, ее нет и быть не может, так как есть только одна философия — «философия в общепринятом понимании этого строго научного термина». Зарубежное словосочетание «философия библиотечного дела», замечал В. В. Скворцов, используется в метафизическом, а не в строго научном смысле. Включенный в это словосочетание круг вопросов в нашей стране изучается общим библиотековедением [27, с. 53]. «Философия библиотечного дела, — писал он, — это лишь образное выражение общего библиотековедения» [130, с. 37].

А. Н. Ванеев отмечал некорректность применения понятия «библиотечная философия». Как справедливо замечал философ А. И. Ракитов, отраслевых философий не существует [118]. Очевидно также, что не может быть отдельных, самостоятельных философий для библиотечной теории и для библиотечной практики. Поэтому применение одновременно понятий «философия библиотековедения» и «философия библиотечного дела» неправомерно [48, с. 14].

Необходимость различения понятий «философия библиотеки» и «философия библиотековедения» постулировал А. И. Каптерев. По его мнению, рассмотрение библиотеки как социального института требует опоры на социально-философские теории, а библиотековедение опирается на теории философии науки [19, с. 32].

О философии библиотеки писал в эти годы и С. А. Порошин [112], определяя философию библиотеки как науку о наиболее общих теоретико-методологических проблемах библиотеки, и, в отличие от авторов ранее опубликованных работ, говорил не о философии библиотековедения или библиотечного дела, а о философии библиотеки.

М. И. Акилина также считала дискуссионной правомерность понятия «библиотечная философия» и подчеркивала, что правомерно вести речь не о философии библиотечного дела и не о философии библиотековедения, а о философии библиотеки как социального института. Ее главный предмет составляет разработка «теории библиотеки», ее основных положений, законов, закономерностей. Важным аспектом философии библиотеки является осмысление ее места в мире, в обществе, ее социального назначения. Она определяла философию библиотеки как междисциплинарное учение о библиотеке как социальном институте, сохраняющем духовную культуру человечества, рассматривающее библиотеку в ряду социальных и культурных ценностей человечества [5, с. 93].

Т. Х. Ким, также склонная к использованию понятия «философия библиотеки», перечисляла ее проблемы: идеология и библиотека; новые тенденции взаимодействия между обществом и библиотекой; библиотека в условиях раскола культуры на гуманитарную и техническую; образование и библиотека; библиотека как организатор знаний; соотношение информационной и культурной деятельности библиотеки; культурно-исторические традиции в библиотечном деле и др. [113].

Заметим, что в предлагаемых определениях понятия «философия библиотеки» нечетко разграничивались собственно философские и социологические проблемы библиотечного дела.

В 1998–1999 гг. ряд работ о философии библиотеки опубликовал А. Н. Ванев [27, с. 26–27; 35, 42, 48], обосновывая правомерность понятия «философия библиотеки». По его мнению, это понятие наиболее полно отвечает философским представлениям, поскольку в общем плане именно библиотека является центральным объектом библиотековедения. Такой подход основывался на философских понятиях сущности и явления, которые говорят о том, что сущность — это внутреннее содержание понятия, а явление — внешняя форма его существования. Постигание сущности предмета и составляет задачу

философии. Феноменология рассматривает сущность не как реальное, а как нечто идеальное. На основе этих философских понятий библиотека может быть представлена, с одной стороны, на уровне абстрактного мышления как нечто идеальное, духовное, постигаемое воображением, как символ культуры, когда весь книжный мир можно рассматривать как гигантскую, накопленную за века библиотеку — надежную память человечества, а библиотеку — как единую книгу. С другой стороны, библиотеку можно рассматривать на уровне предметного мышления как реальное собрание книг и других носителей информации, как конкретное учреждение с его положительными сторонами и недостатками.

Только в качестве идеального представления о библиотеке можно говорить о «философии библиотеки» как философской основе библиотечной науки, что характеризует сущность библиотеки, а не ее внешний облик. Что же касается внешней формы существования библиотеки, то здесь правомернее говорить не о философии, а о социологии и идеологии библиотечного дела, т. е. о той системе идей, которыми руководствуется библиотека в своей практической деятельности. Отсюда можно заключить, что философия библиотеки и есть философия библиотековедения, объектом которой является библиотека. Философия библиотеки является важнейшей теоретической частью библиотековедения, но не покрывает всей его теории. Поэтому неправомерно ставить знак равенства между общим библиотековедением и «философией библиотечного дела», как это делал, например, В. В. Скворцов [130, с. 37].

Философия библиотеки — это система научных представлений о наиболее общих теоретико-методологических проблемах библиотековедения, призванная рассматривать сущность библиотеки как идеальное ее предназначение, ее гуманистическую миссию [35, с. 28].

В 1990-е гг. повысился интерес к разработке библиотечной терминологии, к уточнению библиотечных терминов и понятий. Впервые ряд понятий (библиотека, общедоступная библиотека, библиотечное дело, пользователь библиотеки, централизованная библиотечная система) был законодательно закреплён в Федеральном законе «О библиотечном деле» [138, с. 15–16].

С 2000 г. был введен новый межгосударственный стандарт ГОСТ 7.0–99 «Информационно-библиотечная деятельность, библиография. Термины и определения». В нем уточнены понятия,

включенные в закон «О библиотечном деле», и значительно расширен круг библиотечных терминов [139]. Ряд основных библиотечных терминов был включен также в энциклопедию «Книга» [87].

Но наиболее широкий круг библиотечных терминов и понятий был отражен в новых терминологических словарях, изданных в эти годы, «Терминологический словарь по библиотечному делу и смежным отраслям знания» (1995), подготовленный Библиотекой по естественным наукам РАН (БЕН РАН) [162], и «Библиотечное дело: терминологический словарь» (1997), подготовленный РГБ [29].

Сопоставление терминов и определений в этих документах и словарях показывает, что они в значительной степени аналогичны и опираются на сложившуюся терминосистему библиотековедения.

Вместе с тем новые словари (особенно это относится к словарю, подготовленному и изданному БЕН РАН) не лишены недостатков, что отмечалось в рецензии на этот словарь [40]. Основной из них заключался в том, что в словарь не вошли многие термины, которые в те годы уже широко использовались в библиотечной теории и практике: философия библиотеки (библиотечного дела), библиотечная идеология, статус библиотековедения, парадигма библиотековедения, библиотечная социология, социальная миссия библиотеки, библиотечное право, библиотечная культура, библиотечная среда, библиотечная соционика, библиотечная реклама, инновационная деятельность библиотек, стратегическое библиотечное планирование и др. Большинство названных терминов и понятий отсутствует в обоих словарях. Словари нередко по-разному определяли одни и те же понятия.

Терминологическая работа велась не только в связи с подготовкой терминологических документов (словарей, стандартов), но и сопровождала разработку практически всех проблем и направлений библиотечной теории и практики. По поводу содержания ряда понятий велись активные дискуссии на страницах библиотековедческой печати.

Здесь следует отметить дискуссионный клуб «Термин», который с 2000 г. вел на своих страницах журнал «Научные и технические библиотеки» для обсуждения проблем современной библиотечно-информационной терминологии и, прежде всего, толкования и оценки существующих версий и вариантов новых терминов и понятий, входящих в библиотечный профессиональный обиход [65]. В данной работе дискуссионные вопросы, связанные с содержанием и опреде-

лением конкретных библиотечных терминов и понятий, рассматриваются в главах и параграфах, посвященных определенным библиотечковедческим проблемам.

Если терминологическая работа по расширению терминосистемы библиотечковедения, по уточнению ряда терминов и понятий велась в 1990-е гг. достаточно активно, то этого нельзя сказать о теоретическом и методологическом обосновании терминологических проблем.

Н. И. Тюлина подчеркивала значение специальных библиотечковедческих терминов как «верстовых столбов эволюции» в библиотечном деле. Появление новых понятий она связывала с переходом конкретного новшества из стадии эксперимента в стадию практического применения [167, с. 19].

Э. Р. Сукиасян выступал против засилья в библиотечной терминологии иноязычных терминов. Он считал, что «терминология — часть нашего профессионального языка, во многом определяющая специфику профессии». По его мнению, задача терминоведа состоит в том, чтобы полностью исключить из русского текста понятия, обозначенные иностранными буквами: «Русский текст должен быть написан русскими буквами. Либо мы принимаем иноязычный термин в русскую профессиональную лексику (и в этом случае пишем его русскими буквами), либо мы должны найти в русском языке эквивалент этого термина» [152, с. 114–115].

3.4. Проблемы библиотечной идеологии

Деятельность реальной библиотеки в определенных социально-экономических условиях требует опоры на методологические принципы, соответствующие идеологии конкретного общества. Если отказ библиотечковедения от опоры на марксистско-ленинскую философию вызвал стремление найти иные его философские основания, то отказ от коммунистической идеологии выдвинул проблему определения идеологии нового этапа развития библиотечного дела. Однако и по этой проблеме не было единой позиции среди отечественных библиотечковедов.

Основные теоретические подходы к этой проблеме можно свести к следующим. Один из них ориентировался на отказ от

какой-либо идеологии в библиотечном деле. Отсюда призывы двигаться в библиотекосведении «от идеологии к философии библиотечного дела» [63].

Такие попытки заменить идеологию философией вызвали возмущения. Так, С. Г. Матлина предостерегала участников философской библиотекосведческой дискуссии (1996) от подмены философского анализа «идеологическими посылами» [99, с. 104].

Участники «круглого стола» «Библиотека в социально-философском контексте» (1996) подчеркивали, что философия выражает сущность, а идеология — оценки, что речь должна идти не о замене идеологии философией, а о замене партийной идеологии профессиональной [19].

При рассмотрении соотношения понятий «философия» и «идеология» в библиотечной отрасли следует, по нашему мнению, исходить из того, что философия и идеология не противостоят друг другу, а тесно взаимосвязаны, что наиболее отвечающим науковедческим представлением является понимание того, что философия относится к библиотечной науке, а идеология связана с практической деятельностью библиотеки. Поэтому, кстати, употребление понятия «философия библиотечного дела» неправомерно. Можно говорить лишь о его идеологии.

Очевидно, что, если по определению идеология — это система идей, то современное отечественное библиотекосведение должно выработать такую систему идей, такой методологический подход, который опирался бы на философскую сущность библиотеки как «памяти человечества», на ее гуманистическую миссию [35, с. 29].

По мнению Г. А. Алтуховой, библиотечная теория и практика должны опираться не на различные виды идеологий, бытующих в современном обществе, а базироваться на собственной библиотечной идеологии, отражающей интересы и цели библиотечного сообщества [24, с. 9–10].

На терминологическом уровне библиотечная идеология была определена в терминологическом словаре (1997) как система профессиональных взглядов (теоретических идей, правовых и этических норм, экономических основ и т. д.), обобщающих программные, стратегические задачи библиотек в обществе [29, с. 20].

Более развернутое определение «общественно-профессиональной» библиотечной идеологии предложил В. Р. Фирсов. По его мне-

нию, она должна представлять систему общих профессиональных ценностей, служащих ориентиром при принятии тех или иных управленческих решений. Библиотечная идеология формируется как на основе научных, профессиональных представлений о целях библиотечного развития, так и на основе осознаваемого или вносимого государственного интереса [49, с. 48]. Ее главной составляющей является представление о социальной роли библиотеки [172, с. 16].

Аналогичную мысль развивала и В. П. Чудипова, понимая под профессиональной идеологией библиотекарей «утвердившиеся социальные мифы, стереотипы, ценности, идеалы и нормы, убеждения и представления, принципы и правила», составляющие в совокупности идеологию или философию библиотекаря [117, с. 18]. Таким образом, здесь значительно расширен круг признаков, характеризующих профессиональную библиотечную идеологию. Однако, к сожалению, между понятиями «идеология» и «философия» поставлен знак равенства.

Попыток сформулировать теоретические основания библиотечной идеологии было немного. Одно из предложений было связано с постулированием для библиотечного дела идеологии плюрализма. Сторонники деидеологизации библиотечной деятельности, отказа от идеологической функции библиотеки подчеркивали, что нельзя допускать одностороннего идеологического влияния на библиотеки, что ее идеологическая зависимость от государственной идеологии не отвечает духу плюрализма.

Однако следует заметить, что, хотя такой подход и опирался на Федеральный закон «О библиотечном деле», требующий от библиотек отражать в своей деятельности сложившееся в обществе идеологическое и политическое многообразие (ст. 12, п. 2), его реализация вступает в противоречие с требованиями формирования и реализации единой государственной библиотечной политики (ст. 14), что возможно лишь на базе единой идеологии, а не их многообразия.

Другое предложение основывалось на утверждении о том, что идеологией библиотечного дела должна стать ориентация на общечеловеческие ценности. При всей привлекательности такого подхода его недостаток — в неопределенности этого понятия. Среди философов и политиков существует достаточно распространенное мнение о том, что понятие «общечеловеческие ценности» — не научная катего-

рия, а лишь публицистическое выражение, политический лозунг, что общечеловеческих ценностей не бывает и быть не может [35].

Еще одно представление о библиотечной идеологии предложил В. А. Фокеев, обозначив ее как идеологию политической корректности, основанную на идеальном представлении о равенстве всех людей, независимо от их национальной, половой, классовой и иной социальной принадлежности. Политическую корректность библиотеки он обозначил как один из ведущих принципов ее деятельности [25, с. 49].

Таким образом, вопрос о профессиональной библиотечной идеологии оставался открытым, и он едва ли будет решен, пока в нашей стране не будет выработана и четко сформулирована единая государственная идеология.

Одной из дискуссионных проблем, начало разработке которой было положено еще во второй половине 1980-х гг., была проблема идеологической функции библиотеки, которая резко разделила библиотекведов на два противоположных лагеря — сторонников и противников сохранения этой функции в современной библиотечной теории и практике.

Сторонники отказа от идеологической функции библиотеки (Ю. А. Гриханов [18], Ю. В. Климаков [84], Е. И. Ратникова [119], Н. И. Тюлина [167] и др.) подчеркивали, что нельзя допускать одностороннего идеологического влияния на читателя, что зависимость библиотек от государственной идеологии не отвечает духу плюрализма. Они полагали, что сохранение библиотеки как идеологического учреждения справедливо лишь для библиотек партийных организаций. Государственная библиотека должна быть учреждением «внеклассовым и надпартийным» [84, с. 117].

Е. И. Ратникова констатировала «освобождение» библиотеки от идеологической функции [119, с. 27]. Анахронизмом называл идеологическую функцию библиотек и Ю. А. Гриханов [18, с. 6]. М. Я. Дворкина утверждала, что библиотека не является идеологическим учреждением, но допускала, что она может быть использована группой, организацией, партией для распространения своей идеологии [168, с. 33]. Н. И. Тюлина также считала, что в условиях построения демократического общества идеологическая функция библиотеки «вообще отпадет» [167, с. 4].

Сторонники сохранения и развития идеологической функции библиотек (Л. В. Солоненко [28], Г. П. Фонотов [174, 175] и другие)

справедливо подчеркивали, что любая библиотека, как и все общественные институты, находится под влиянием господствующих в обществе идей, теорий, взглядов. Предоставляя свои фонды в общественное пользование, библиотека неизбежно участвует в идеологическом процессе.

Так, Г. П. Фонов подчеркивал, что обилие идеологий, с которыми теперь имеет дело библиотека, делает ее еще более идеологической. Библиотека является идеологическим учреждением потому, что имеет дело со многими идеологиями. Библиотека — неотъемлемая часть общества, и она не может функционировать вне государственной идеологии, объединяющей это общество [174]. По его мнению, тезис о деидеологизации справедлив, когда речь идет об однозначном наборе партийных доктрин, но несостоятелен, когда дело касается интересов государства и общества в целом. Библиотеки любой страны руководствуются заданной им идеологией, обрамляя соответствующим образом и используемые ими общечеловеческие ценности. Так, в условиях США краеугольным камнем являются идеалы американской демократии, американский образ жизни, ведущая особая роль этой страны в мире [175, с. 39].

Л. В. Солоненко также подчеркивала, что идеологическая функция — неизбежность библиотеки любого общества. Она выступала против недооценки (или непонимания) сущности библиотеки как идеологического института [28, с. 38].

Любопытное обоснование идеологической функции библиотеки предложил В. Б. Чурбанов: «Распространяя знания, библиотека производит просвещение, просвещая, библиотека несет в общество ценности и тем самым оказывается... идеологическим учреждением» [13, с. 38].

Продолжалась в эти годы и активная дискуссия вокруг ленинского принципа партийности библиотеки. По мнению многих библиотекведов, этот принцип оказал губительное влияние на развитие библиотечного дела в СССР. Поэтому суть новой библиотечной идеологии должна заключаться в отрицании моногамии какой-либо партии, а, следовательно, и принципа партийности [173].

Однако, как полагали некоторые библиотекведы, отказ от коммунистической партийности не означает отказа от принципа партийности вообще. В библиотекведческой литературе подчеркивалось, что этот принцип был и остается как в нашей стране, так и за рубежом [132, с. 13].

Ю. В. Климаков, ссылаясь на материалы дискуссии о принципе партийности на библиотечном факультете Московского государственного института культуры (МГИКа), констатировал, что «некоторые специалисты пытаются предлагать для библиотек обновленный вариант принципа партийности (путем внесения в него общечеловеческих ценностей, плюрализма и исключения негативных явлений при его реализации» [84, с. 116].

Ю. Н. Столяров подчеркивал объективный характер принципа партийности, поскольку «им, хотя бы и нет, вынуждены руководствоваться все библиотеки во все времена». Этот принцип вытекает, по его мнению, из самой природы библиотеки как общественной системы. Ю. Н. Столяров характеризовал принцип партийности как принцип «соответствия библиотечной деятельности задачам, которые ставит перед ней общество» [144, с. 11]. Нетрудно заметить, что при таком определении принцип партийности оказывается синонимом понятия «идеология», с чем трудно согласиться. Принцип партийности, как пишет Ю. Н. Столяров, напрямую связан с партийной деятельностью: «количество партийностей соответствует числу партий» [144, с. 6].

Задачи, которые ставит общество перед библиотекой, отражаются в библиотечной политике, определение которой мы находим в той же статье Ю. Н. Столярова: «Это система идей, теоретических положений и директив о месте и роли библиотеки в обществе» [144, с. 10], т. е. речь идет об идеологии библиотечной деятельности, но не о ее партийности.

Не соглашаясь со стремлением Ю. Н. Столярова сохранить ленинский принцип партийности в библиотечном деле демократического общества, следует подчеркнуть, что он прав, когда критикует утверждения о том, что деятельность библиотек должна быть деидеологизирована, политически нейтральна.

С дискуссиями об идеологической функции библиотеки, о принципе партийности в ее деятельности тесно связана и дискуссия по проблемам руководства чтением.

Последняя по времени дискуссия по этим проблемам, вызванная процессами перестройки, деидеологизации нашего общества, была начата еще в 1990 г. на страницах журнала «Научные и технические библиотеки» и активно продолжалась в последнее десятилетие XX в. Во взглядах на руководство чтением, высказанных в эти годы, можно вы-

делить сторонников и противников использования принципов и методов руководства чтением в отечественных библиотеках. К сторонникам сохранения и дальнейшего развития теории и практики руководства чтением можно отнести Г. А. Алтухову [6], А. Н. Ванева [38, 49, 103], И. А. Мейжис [100] и др., а к противникам — М. Я. Дворкину [61, 64], Н. С. Карташова [78], В. И. Терешина [157, 158, 161]. и др.

Существовало еще «промежуточное» представление, в соответствии с которым руководство чтением приемлемо, но только в работе с подрастающим поколением. И. П. Осипова полагала, что именно такое представление преобладает среди библиотечных специалистов [104, с. 91]. С этим можно согласиться, однако следует отметить, что никто из сторонников такого подхода не указывал, с какого конкретно возраста (14, 16, 18 лет) следует прекратить руководство чтением подростов читателя. Дело, видимо, не в возрасте, а в уровне читательской культуры личности, которая может быть низкой и у взрослого читателя и потребует от библиотекаря повышенного внимания к руководству его чтением.

Сторонники отказа от руководства чтением связывали его, прежде всего, с идеологической функцией библиотеки, которая, по их мнению, была присуща лишь советским библиотекам, осуществлявшим руководство чтением в идеологических целях.

По мнению М. Я. Дворкиной, приоритет идеологической функции библиотеки «ограничивал возможности личности реализовать свою свободу в получении необходимых знаний» [61, с. 20]. Советская библиотека, подчеркивал В. И. Терешин, осуществляла методами руководства чтением «идеологический прессинг» читателей [161, с. 46].

Положение о том, что в годы советской власти руководство чтением выполняло прежде всего идеологическую функцию, не вызывало никакого сомнения ни у сторонников, ни у противников руководства чтением. Единственное несогласие с тем, что в советские годы руководство чтением отличало «отчетливо выраженное идеологическое направление», высказала Л. Н. Гусева. Она отмечала, что в советские годы библиотека выполняла не идеологическую функцию, а функцию ценностной ориентации [57].

Поскольку, по мнению противников руководства чтением, современным российским библиотекам идеологическая функция якобы несвойственна, то отпадает и необходимость в руководстве чтением.

Неверная посылка, что современная библиотека является учреждением деидеологизированным, привела к отрицанию руководства чтением в условиях современных российских библиотек.

Так, В. И. Тершин характеризовал руководство чтением как «рецидив командно-административной системы» [158]. По его мнению, «истинную сущность руководства чтением составляет принуждение читать или не читать те или иные документы, регулировать чтение, выступать библиотеке в качестве цензора» [161, с. 45]. Н. С. Карташов также считал руководство чтением «стереотипом прошлого» [78, с. 3].

М. Я. Дворкина, рассматривая этимологию слова «руководить», отмечала, что оно означает «направлять что-нибудь». Но библиотекарь не может направлять деятельность читателя, который пришел в библиотеку по своей воле. По ее мнению, влияние библиотекаря проявляется в совете (рекомендации), а это не имеет ничего общего с руководством. Поэтому она считала, что термин «руководство чтением» является «неорганичным для библиотекосведения». Она предложила заменить его понятием «библиотечное ориентирование», сущность которого «не предполагает давления на содержание и характер чтения» [61, 64].

Сторонники сохранения и развития теории и практики руководства чтением в российских библиотеках аргументировали свою позицию, ссылаясь на то, что начало разработки теории руководства чтением относится не к советскому, а к дореволюционному периоду. Уже в начале XX в. существовала стройная система представлений о руководстве чтением. Оно рассматривалось Н. А. Рубакиным и другими прогрессивными библиотековедами как важное направление демократизации библиотек, имеющее своей целью помощь читателям в выборе лучших книг в соответствии с их интересами и потребностями, содействие формированию новых читательских интересов и развитию вкусов, помощь читателям в овладении навыками самостоятельного выбора книг и в восприятии прочитанного [38, 103].

Руководство чтением, как педагогический процесс, подразумевало активное влияние (воздействие) на содержание и характер чтения как путем непосредственного общения (сотрудничества) с читателем, так и опосредованным путем, через формирование библиотечного фонда, отбор и рекомендацию лучших, наиболее ценных произведений печати [103].

А. Н. Ванеев подчеркивал, что свобода выбора литературы действительно является одним из неотъемлемых демократических прав каждого читателя, который добровольно, по собственному желанию обращается к услугам библиотеки в соответствии со своими потребностями и интересами. Таким образом, в основе обслуживания читателей в библиотеке лежит принцип добровольности в выборе читателем объектов чтения. Влияние на чтение может быть достигнуто лишь в результате сотрудничества библиотекаря и читателя в процессе их общения на основе совместно принятых решений. Это полностью согласуется с принципом добровольности читателя в выборе объектов чтения, и в то же время не отрицает активной роли библиотекаря [38, с. 21].

Г. А. Алтухова также подчеркивала, что отечественные библиотековеды никогда не связывали руководство чтением с диктатом и принуждением и всегда видели в руководстве чтением равноправное сотрудничество библиотекаря и читателя [6, с. 70]. Рассматривая руководство чтением как педагогический процесс, И. А. Мейжис указывала, что оно, в отличие от обучения, полностью исключает принуждение [100, с. 28].

Сторонники развития теории руководства чтением в новых социально-экономических условиях нашего общества пришли к выводу о том, что следует не отрицать руководство чтением, а вернуть ему истинный смысл, очистив от идеологического наполнения, т. е. возвратиться к истокам руководства чтением, заложенным представителями демократического направления отечественного библиотековедения. Освобожденное от навязанной ему идеологической роли, руководство чтением правомерно рассматривать как педагогический процесс, наиболее важное (но не единственное) направление библиотечной педагогики [100, 103].

А. Н. Ванеев подчеркивал, что в годы советской власти теория руководства чтением, направленная на реализацию основополагающего принципа коммунистической партийности и идеологической функции библиотек, приобрела в силу этого статус общетеоретической концепции библиотековедения. По его мнению, потеряв свою идеологическую функцию, теория руководства чтением утратила и свое общетеоретическое значение для библиотековедения, что однако не умаляет роли руководства чтением как педагогического воздействия на чтение. Значение такого воздействия в конце XX в. не

только не уменьшилось, а возросло в условиях отсутствия регламентации книгоиздания и книгораспространения со стороны государства [38].

3.5. Учение о библиотеке, ее миссии и социальных функциях

Для 1990-х гг. характерно повышенное внимание к определению сущности библиотеки как социально-культурного института. Этой проблеме были посвящены статьи М. И. Акилиной [4], Н. В. Жадько [68], Ю. П. Столярова [27, 147] и др., а также кандидатская диссертация Т. Б. Марковой [98]. Учение о библиотеке широко представлено в соответствующем разделе учебника Н. С. Карташова «Общая теория библиотечного дела» [77, с. 3–116].

В рассматриваемый период давались различные определения библиотеки как социального института. Федеральный Закон «О библиотечном деле» (1994) определял библиотеку как информационное, культурное, образовательное учреждение, располагающее организованным фондом тиражированных документов и предоставляющее их во временное пользование физическим и юридическим лицам [138, с. 15]. К этому определению в терминологическом словаре (1997) было добавлено: «а также осуществляющее другие библиотечные услуги» [29, с. 18]. В ГОСТе 7.0–99 «Информационная деятельность, библиография. Термины и определения» это определение было повторено [139, с. 15].

Однако, несмотря на то, что понятие «библиотека» было зафиксировано на законодательном уровне и стандартизовано, библиотековеды продолжали предлагать свои определения сущности библиотеки. Здесь можно выделить несколько подходов к этой проблеме.

Большинство библиотекведов рассматривало библиотеку как особую информационную, документно-коммуникационную систему, удовлетворяющую информационные потребности. Так, В. В. Скворцов определял библиотеку как «специальное учреждение, осуществляющее индивидуальное по форме организации обеспечение общественных потребностей в информации, сосредоточенной в ее фонде публикаций (библиотечном фонде). Библиотека — это информаци-

онная система, предоставляющая в распоряжение общества сконцентрированные в ней информационные ресурсы» [130, с. 7].

Ю. Н. Столяров также видел сущность библиотеки в удовлетворении информационных потребностей и рассматривал ее как обслуживающую физических и юридических лиц «документно-коммуникационную систему» [27, с. 57; 147, с. 3].

По мнению М. И. Акилиной, «в самом абстрактном смысле библиотека — учреждение, удовлетворяющее информационные потребности читателя путем предоставления во временное пользование не принадлежащего потребителю документа» [4, с. 135].

Ряд библиотекведов (С. Е. Клещук, Н. И. Тюлина и др.) определяли библиотеку как «символ культуры» [83, с. 55], как фундамент просвещения и культуры [165, с. 135], подчеркивали ее гуманитарную сущность: библиотека — это хранилище культурного наследия, система, удовлетворяющая потребности личности и общества в этом наследии, предоставляемом библиотекой в общественное пользование. Она по своей природе является гуманистическим социальным институтом [49, с. 53; 56].

И, наконец, отдельные авторы определяли библиотеку и как информационное, и как культурное пространство [98, с. 8]. Так, Н. В. Жадько подчеркивала, что библиотека, являясь общекультурным институтом, представляет собой «механизм социальной коммуникации». По ее мнению, библиотека как социально-культурный институт общества включает в свою деятельность два пласта: социальный и культурный. В социальном плане библиотека является одним из средств обеспечения социальной коммуникации. В культурном — библиотека осуществляет «историческую трансляцию знания в рамках культурной коммуникации» [68, с. 57].

Таким образом, обобщая взгляды отечественных библиотекведов на сущность библиотеки, следует выделить определение библиотеки как социального института общества, обеспечивающего социальную и культурную коммуникацию между документом и пользователем.

В декабре 1997 г. журнал «Библиотекведение» провел «круглый стол» по теме «Универсальная научная библиотека в эпоху перемен». Может показаться странным, что специалисты, собравшись обсудить актуальные проблемы деятельности УНБ в современных условиях, занялись обстоятельным рассмотрением содержания понятия «мис-

сия библиотеки» [168]. Однако такое внимание к этой общетеоретической, философской проблеме было закономерным.

Понятие «миссия библиотеки» было новым в отечественной библиотекведческой терминологии, отсутствовало в терминологических словарях по библиотечному делу, изданных в 1995 и 1997 гг. Поэтому понятно, что у участников «круглого стола» не было единства взглядов на содержание, наполнение и границы этого термина. Если обобщить многочисленные высказывания на «круглом столе», то их можно сгруппировать по двум направлениям. Одно из них связано с рассмотрением миссии библиотеки как категории философии библиотеки. Другое направление исходило из утверждения, что понятие «миссия библиотеки» не несет в себе ничего нового. Оно лишь синоним понятий «социальное назначение» и «социальная роль» библиотеки.

Сторонники первого направления рассматривали миссию библиотеки как категорию высшего порядка по сравнению с понятиями «социальная роль» и «социальная функция», как высшую идею ее предназначения, «суперцель» библиотеки, ключевое понятие философии библиотечного дела. Однако следует отметить, что формулировалась эта «суперцель» по-разному. Миссию библиотеки видели в том, чтобы вносить вклад в прогресс человечества (Е. М. Ястребова). Ее рассматривали как главное социальное предназначение библиотеки — всемерно содействовать повышению качества жизни членов общества (И. П. Осипова), как «двигатель цивилизации» (М. В. Дьячков), как содействие реализации «национальной идеи» (Т. Ф. Каратыгина).

Можно согласиться с тем, что понятие «миссия» отражает главное социальное предназначение библиотеки. Однако определение этого предназначения требовало, по нашему мнению, уточнения. В приведенных выше формулировках явно преувеличивались возможности библиотеки как социального института, перед ней ставились сверхглобальные цели.

Кроме того, если одни участники «круглого стола» стремились вложить в понятие «миссия библиотеки» конкретное содержание, то, по мнению других, миссия — голая, умозрительная абстракция, существующая лишь в субъективных представлениях библиотечарей (И. В. Балкова, И. В. Лукашов). По мнению С. Г. Матлиной, миссию следует рассматривать «как нечто экзистенциальное, метафору, чью

суть трудно сформулировать, но которая, тем не менее, осознается как что-то реальное».

Попытки определить содержание понятия «миссия библиотеки» мы находим и в последующих публикациях отечественных библиотекведов. При этом надо иметь в виду, что, определяя основное предназначение библиотеки, авторы не всегда обозначали это словом «миссия», предпочитая использовать другие термины.

Миссию библиотеки видели в сохранении и дальнейшем развитии достижений цивилизации (Н. Е. Добрынина) [27, с. 34]; в генерации культурного фонда нации (В. М. Межуев) [13, с. 35]; в сохранении «памяти человечества, зафиксированной в собранных в ней фондах, для грядущих поколений» [49, с. 52].

В. Д. Стельмах подчеркивала, что «подобно храмам библиотеки взяли на себя миссию хранения и демонстрации тех ценностей, которые отбирались веками и приобрели статус классических образцов». Она называла это «высоким символическим статусом» библиотеки, ее «ценностной моделью» [141, с. 39–41].

Как уже отмечалось выше, на «круглом столе» было предложено и другое определение понятия «миссия библиотеки». Ее рассматривали как задание, которое дается библиотеке обществом, учредителями (А. Е. Шапошников). Миссия библиотеки — это ее роль, ее назначение, формулировка ее социальной роли и функций (Л. О. Кабачек, Б. Ф. Володин). Очевидно, что при таких определениях понятия «миссия библиотеки» и ее «социальная роль» неразличимы и являются, как отмечалось и на «круглом столе», синонимами.

Привязка понятия «миссия» к реальной библиотеке как социальному институту привела некоторых участников «круглого стола» к выводу об изменчивости миссии библиотек во времени и пространстве. Если с позиций одних участников «круглого стола» миссия библиотеки не зависит от изменений в социально-экономической жизни общества, то сторонники отождествления миссии с социальной ролью придерживались противоположной позиции, говорили об изменчивости содержания миссии в зависимости от типа библиотеки и от конкретно-исторических условий. Так, А. Е. Шапошников полагал, что у библиотек разного типа (универсальных, научных, массовых, специальных) свои миссии. А. И. Аникина и Ю. А. Гриханов стремились определить отдельную конкретную миссию УНБ.

По мнению Е. И. Ратниковой, миссия библиотеки исторически изменялась. Она представляла собой «книгохранилище», «библиотеку для широкой публики», «информационное учреждение». Очевидно, и в данном случае речь идет по существу не о миссии библиотеки, а о ее социальной роли в конкретных исторических условиях.

К этому следует добавить, что само по себе такое определение социальной роли весьма неточно, поскольку сводит роль библиотеки к выполнению только одной функции (книгохранительной, образовательной, информационной), что не соответствует реальной практике библиотек, которые во все времена не ограничивали свою деятельность выполнением только одной функции.

Об изменчивости содержания понятия «миссия» во времени говорили на «круглом столе» также Ю. А. Гриханов (по его мнению, миссия — это «слепок общества») и Т. Ф. Каратыгина, связавшая понятие «миссия» с идеологией «национальной идеи».

Если согласиться с тем, что «миссия» является понятием более высокого уровня по сравнению с понятиями «назначение», «роль» библиотеки, то следует искать в содержании понятия «миссия» нечто общее, присущее всем библиотекам, независимое от времени и пространства, а тем более от социально-экономического и идеологического состояния конкретного общества.

Если же полагать, что миссия изменяется во времени и пространстве, что это понятие обозначает назначение библиотеки в конкретных социально-исторических условиях, то в термине «миссия» не будет никакого нового содержания кроме того, которое традиционно вкладывается в понятие «социальная роль» и которое более точно отражает назначение библиотеки как социального института. С некоторой долей условности можно утверждать, что миссия — это предназначение библиотеки, а социальная роль — это ее конкретное назначение [17, с. 170–171].

В связи с тем, что понятие миссия по существу отождествлялось с понятием «социальная роль», сторонники этой позиции говорили не о социальной роли, а о социальных функциях библиотеки. Например, М. Я. Дворкина утверждала, что миссия библиотеки выражает ее идеологию, а функции — ее реальную деятельность. Таким образом, устанавливалась прямая связь «миссия — социальные функции», в которой отсутствовало звено «социальная роль».

Отождествление понятий «миссия» и «социальная роль» библиотеки привело к тому, что в рассматриваемый период разработке

проблем социальной роли библиотек не придавалось должного значения.

Среди высказываний по этой проблеме следует выделить, во-первых, те, в которых речь шла о «миссии», хотя по существу рассматривалось не предназначение библиотеки, ее миссия, а социальная роль в условиях конкретного времени и пространства. К числу таких высказываний относятся, по нашему мнению, все те, в которых речь шла об изменчивости миссии библиотеки. В таких высказываниях фактически постулировалась социальная роль библиотеки в конкретных исторических условиях.

Например, М. Я. Дворкина рассматривала миссию библиотеки как «ответственное задание», «поручение» библиотеке как социальному институту, данное обществом. При этом каждое общество дает свое «поручение». Она считала, что в разное время в разных обществах у библиотеки особая миссия. В XIX — первой половине XX вв. у библиотек была просветительная миссия, сегодня — обеспечение свободного доступа к мировым ресурсам информации [15, с. 8; 60, с. 7–8].

Знак равенства между понятиями «миссия» и «социальная роль» библиотеки ставили Л. Н. Гусева и Е. В. Смолина, определяя миссию как «совокупность видов деятельности и функций», которые должна выполнять библиотека. По их мнению, эта социальная роль (миссия) реализуется библиотекой, имеющей «определенный статус» в обществе в конкретной исторической ситуации [55, с. 207]. Из этого определения становится ясным, что речь идет не о миссии библиотеки, а о ее социальной роли в обществе в конкретный исторический период.

С точки зрения В. В. Скворцова, понятия «миссия», «социальная роль», «общественная роль», «социальные функции» библиотеки — равнозначные понятия [77, с. 3].

В эти годы появляются и некоторые работы (к сожалению, их было немного), специально посвященные не миссии, а социальной роли библиотеки. Так, Н. Е. Добрынина определяла понятие «социальная роль» библиотеки как «реальное значение, место библиотеки в действительности в тот или иной период». Социальная роль библиотеки зависит от активности и полноты выполняемых ею социальных функций [27, с. 34]. Это, пожалуй, единственное определение понятия «социальная роль», отсутствовавшего даже в терминологических словарях 1995 и 1997 гг.

Что касается конкретного наполнения понятия «социальная роль» библиотеки в современном обществе, то можно привести определение, данное М. Я. Дворкиной: «Расширение доступности информации повышает роль библиотек как стабилизирующего социального фактора, обеспечивающего социальную безопасность, социальную устойчивость, выравнивающего информационные возможности разных категорий населения» [60, с. 7].

Таким образом, если философское представление об идеальной библиотеке заключалось в определении ее духовной миссии, то теоретические представления о реальной библиотеке как социальном институте базировались на таких ключевых понятиях, как «роль» и «функции». Если миссия инвариантна, то социальная роль и социальные функции реальной библиотеки тесно связаны с историческим процессом развития общества и производны от него [17, с. 168–169]. На «круглом столе» сторонники определения миссии библиотеки как категории более высокого порядка подчеркивали, что миссия определяет цель деятельности библиотеки, а социальная роль и социальные функции — пути, способы, методы достижения этой цели, механизм ее реализации [168].

С определением понятия «социальная роль» тесно связано понятие «социальные функции».

Учение о социальных функциях библиотеки, с одной стороны, одно из наиболее разработанных в отечественном библиотековедении. Начало его разработки относится еще к дореволюционному периоду. С другой стороны, в рассматриваемый период не прекращались попытки уточнить как само понятие «социальные функции», так и их наполнение и соотношение между собой.

В 1990-е гг. проблемам социальных функций библиотек были посвящены работы М. И. Акилиной [3, 5], А. Н. Ванеева [17, с. 67–172], Н. Е. Добрыниной [27, с. 33–35], Н. В. Жадько [68], В. В. Скворцова [20, 77, 123], А. И. Пашина [20, с. 21–24], М. М. Самохиной [14], Е. Т. Селиверстовой [120], Ю. Н. Столярова [20, с. 30–33], Н. И. Тюлиной [166] и других библиотекведов.

Определение этого понятия на терминологическом уровне было различным, хотя в общем плане, казалось бы, очевидно, что социальные функции — это функции библиотеки в обществе. Это достаточно четко зафиксировано в терминологическом словаре (1997): «Социальные функции библиотеки — это комплекс функций библиотеки

как социального института, отражающий взаимоотношения библиотеки и общества» [29, с. 112].

На терминологическом уровне функции библиотеки подразделялись на социальные и производственные (внутрибиблиотечные) [29, с. 96]. Последние в библиотковедческой литературе назывались также технологическими, деятельностными, т. е. касающимися ее практической работы [77, с. 13], утилитарными [162, с. 175]. Кроме того, В. В. Скворцов выделял типологические функции, под которыми он понимал дополнительные, свойственные конкретным типам библиотек [77, с. 13].

Как ни странно, хотя на терминологическом уровне это было достаточно четко определено, в библиотковедческой литературе нередко не различались социальные и производственные функции. Часто производственные функции объявлялись социальными.

Ярким примером такой подмены может служить формулировка «социальных функций» В. П. Леоновым. Среди них он называл:

- ориентирование в потоке документов с целью удовлетворения индивидуальных и коллективных информационных запросов;
- обеспечение сохранности коллективной документной памяти человечества в процессе эволюции библиотечно-библиографических систем;
- координация совместных действий на стадии конкретной реализации библиотечно-библиографической деятельности [92, с. 6].

Очевидно, что все, здесь перечисленное, отражает не функции библиотеки в обществе (социальные), а ее внутренние, производственные функции.

Смешение социальных и производственных функций можно наблюдать и у М. М. Самохиной. Она перечислила четыре «сущностные функции библиотеки как социального института»:

1. Кумуляция — собирание и хранение документов и информации о них.
2. Классификация документов в фонде, выступающего в качестве модели культуры.
3. Трансляция — предоставление абонентам классифицированных (т. е. выступающих как определенные части модели культуры) документов и информации о документах.
4. Ценностная ориентация — иерархия элементов модели, выделение ценностей и рекомендация их абонентам [14, с. 13].

Но собирание и хранение документов, их классификация, предоставление абонентам документов и информации о них — это основные производственные функции библиотеки.

Еще более ярко смещение социальных и производственных функций можно наблюдать у М. Я. Дворкиной. Она в качестве одной из важнейших социальных функций библиотеки называла обслуживание читателей, предоставление им услуг [60, с. 5].

Т. Б. Маркова выделяла функцию «систематизации культурного наследия» [98, с. 6], хотя очевидно, что это технологическая функция, а не социальная, поскольку библиотека систематизирует не само культурное наследие, а его отражение в документах, в произведениях печати.

Что касается производственных (внутренних) функций библиотеки, то наиболее полно их определила М. И. Акилина. Она подчеркивала, что эти функции правомерно сопоставить с функциями архива, музея книги, органа НТИ. Они связаны с движением документа в данных учреждениях — их собирания, хранения, организации, демонстрации, организации использования [4, с. 133–134].

Социальные функции библиотеки (точнее, их наполнение) производны от той социальной роли, которую выполняет реальная библиотека на определенном отрезке времени. В последнее десятилетие XX в. в нашей библиотечковедческой литературе широко постулировалось утверждение о том, что в современных условиях изменились социальные функции библиотеки. Но при этом, как правило, ничего не говорилось о том, какие же социальные функции появились, какие исчезли, т. е. суть изменений не раскрывалась.

По нашему мнению, такой подход не позволял рассмотреть природу социальных функций библиотеки. Терминологический словарь (1997) определял социальные функции библиотеки как отражающие ту или иную сторону ее деятельности [29, с. 112]. Если на основе этого определения проанализировать те или иные социальные функции, то легко обнаружить, что они появились задолго до того, как в библиотечковедении им было дано название и определение. Такие социальные функции библиотеки, как информационная, культурно-просветительная, образовательная, досуговая и другие, существовали с древних времен. Другое дело — степень их развитости, их наполнения конкретным содержанием, приоритет отдельных функций в конкретный отрезок времени [17, с. 171].

Эту мысль четко выразила С. Г. Матлина, которая рассматривала функции как векторы общественного предназначения библиотеки, обусловленные конкретной социально-культурной ситуацией, предопределяющей приоритет той или иной функции в конкретных исторических условиях. Одна и та же функция «проявляет себя через разное содержание, даже когда за ней стоят схожие цели и задачи» [168, с. 38].

Представление о том, что исторически меняются не социальные функции, а их наполнение, поддерживали и другие библиотековеды. Так, М. Я. Дворкина подчеркивала, что изменились не функции библиотеки, а возможности их реализации в условиях использования современных технологий [60, с. 6]. А. И. Пашин отмечал, что социальные функции библиотек постоянно развиваются, их содержание меняется в зависимости от политических, экономических и социальных преобразований в обществе [20, с. 21].

По нашему мнению, хотя названия многих социальных функций сохранились, их «наполнение» изменяется во времени и пространстве под влиянием той социальной роли, которую общество возлагает на библиотеки. Вместе с тем социальные функции библиотеки через изменяющуюся во времени и пространстве социальную роль связаны с неизменной, инвариантной миссией библиотеки. В конкретных социальных функциях через социальную роль реализуется миссия библиотеки.

Графически соотношение миссии библиотеки, ее социальной роли и социальных функций можно представить в форме концентрических кругов, где в центре расположено общее, инвариантное, присущее библиотеке вообще — ее миссия. По периферии будут располагаться социальная роль библиотеки, изменяющаяся во времени и пространстве. И, наконец, по внешней окружности располагаются социальные функции библиотеки, содержание которых определяется миссией библиотеки, но непосредственно связано и зависит от социальной роли библиотеки [17, с. 171–172].

В рассматриваемый период в отечественной библиотековедческой литературе постулируется также понятие о сущностных функциях библиотеки, которые, как отмечала Н. В. Жадько, остаются неизменными на всем протяжении исторического развития [68, с. 55].

Е. Т. Селиверстова отмечала, что сущностные функции библиотеки стабильны, неизменны, но со временем углубляется их содержа-

ние. Она предприняла попытку классифицировать функции библиотеки и выделяла, прежде всего, основные ее сущностные функции — кумулятивную, мемориальную и коммуникативно-информационную. В основе выделения следующей группы социальных функций лежат, по ее представлению, читательские потребности. Отсюда функции помощи в учебе, профессионально-производственной и научной работе, в самообразовательной, досуговой, рекреационной деятельности.

Третью группу социальных функций составляют «производные, опосредованные»: просветительная, воспитательная, рекреационная, гедонистическая. К дополнительным функциям Е. Т. Селиверстова отнесла методическую и исследовательскую [120].

Таким образом, и здесь мы видим смешение социальных и производственных функций библиотеки.

В рассматриваемые годы значительно расширился круг социальных функций, обоснованных, прежде всего, на терминологическом уровне. В терминологическом словаре (1997) дано определение ряда социальных функций, отсутствующее в ранее изданных словарях. Среди них можно назвать гедонистическую (с. 31), досуговую (с. 38), мемориальную (с. 67), рекреационную (с. 103). К сожалению, эти функции в большинстве случаев лишь определялись терминологически, но не получили обстоятельной разработки на теоретическом уровне.

Более того, одна и та же социальная функция получала разное терминологическое определение. Так, в терминологическом словаре 1997 г. дана формулировка «коммуникационной» функции библиотеки, предполагающей деятельность библиотеки по обеспечению пользователей документами [29, с. 57]. В словаре 1995 г. эта функция названа «коммуникативной» и рассматривается как одна из функций библиографической информации, которая реализуется путем информирования о документном потоке [162, с. 89]. Таким образом, эта функция не только не получила однозначного термина, но и единого понимания ее сущности.

Отказ от идеологической функции библиотеки как основополагающей привел библиотекосведов к поискам другой основополагающей функции, в качестве которой предлагались чаще всего либо информационная, поскольку ее реализация обеспечивала доступность информации для пользователей, либо мемориальная, назначение ко-

торой заключалось в сохранении культурного наследия для последующих поколений. Были предложения рассматривать обе эти функции как основополагающие. Последнее представление было зафиксировано на терминологическом уровне [29, с. 112].

Соотношение мемориальной и информационной функций было обосновано В. П. Леоновым. Он рассматривал их в качестве основных социальных функций библиотеки и подчеркивал, что по своему назначению они противоположны друг другу, преобладание одной из них наносит ущерб другой [102, с. 34]. О «сбалансированности» информационной и мемориальной функций писала и Н. В. Жадько [68, с. 62].

Однако наиболее распространенным и доминирующим в отечественном библиотековедении было представление, что основополагающей, доминирующей социальной функцией следует считать функцию информационную.

В терминологическом словаре (1997) эта функция была определена как направленная на удовлетворение разнообразных информационных потребностей: культурных, образовательных, в связи с профессиональной деятельностью, а также повседневными нуждами [29, с. 47].

Ее обстоятельный анализ был представлен М. И. Акилиной. Ею рассмотрены разные понимания информационной функции библиотеки:

- информирование пользователей о документах в фонде библиотеки и за ее пределами;
- деятельность по аналитико-синтетической переработке информации;
- процессы, связанные с движением информации в библиотеке как единая информационная функция.

По ее мнению, наличие в библиотеке информации не может быть критерием сущности информационной функции, поскольку эту функцию выполняют все социальные институты, имеющие дело с информацией. Поэтому информационная функция библиотеки означает «действие, производимое библиотекой над информацией». М. И. Акилина подчеркивала, что предложенное ею определение информационной функции в равной мере характеризует как внутреннее действие библиотеки, так и ее социальную функцию [3].

Заметим, что в данном случае сделана удачная попытка как разграничить социальные и производственные функции (в данном случае информационную), так и показать их взаимосвязь.

В. В. Скворцов полагал, что библиотека изначально была и остается информационным учреждением. Поэтому главной и единственной ее сущностной функцией является информационная. Все прочие социальные функции являются производными от нее [20, с. 29].

Эту же точку зрения поддерживал и Ю. Н. Столяров, поскольку библиотека как социальная система являлась и является в первую очередь информационным учреждением, а это означает, что ее главное социальное предназначение состоит в выполнении информационной функции [20, с. 30]. В дальнейшем Ю. Н. Столяров несколько изменил свою позицию, и в качестве основополагающей (сущностной) функции библиотеки стал называть документно-коммуникационную [27, с. 57]. Он подчеркивал, что «онтологическая функция библиотеки — коммуникационная, т. е. обеспечение связи между документом и пользователем» [147, с. 8]. Информационную функцию он стал рассматривать как частную библиотечную функцию, поскольку информационная функция — общая для документа вообще. Библиотека выполняет эту функцию лишь в целях информации о самой себе, составе своего фонда и т. п. [27, с. 57].

Определяя информационную функцию как главную социальную функцию библиотеки, М. И. Акилина подчеркивала, что по мере развития библиотеки, усложнения ее функций и смены главной из них, все остальные социальные функции в качестве вспомогательных сохраняются. В то же время она отмечала, что содержание информационной функции не сводится только к сохранению, упорядочению и организации доступа к информации. По ее мнению, в настоящее время доминирующее значение имеет функция оценки сохраняемой в библиотеках информации, т. е. ценностно-ориентационная социальная функция [5].

Н. И. Тюлина подчеркивала, что информационная функция изначально присуща библиотеке как социальному институту, так как именно библиотека является родоначальницей информационного процесса. Суть информационной функции она видела в обеспечении общественного доступа к зафиксированной на носителе информации. Поэтому она рассматривала эту функцию как основополагающую по отношению к другим социальным функциям библиотеки — образовательной, воспитательной, досуговой.

Другой основополагающей функцией библиотеки Н. И. Тюлина называла коммуникативную, связывающую документ и сведе-

ния о нем с потребителем. Свои социальные функции библиотека выполняет через родовые производственные функции — фондообразования, библиографической информации и обслуживания [166, с. 4–5].

Несмотря на то, что большинство отечественных библиотекослов в 1990-е гг. считало информационную функцию библиотеки главной, ведущей, основополагающей, некоторые специалисты, исходя из идей просветительства, рассматривали библиотеку как прежде всего не информационное, а просветительное учереждение (А. Н. Ванеев [17, с. 167–172], Н. В. Бубекина [32], Н. Е. Добрынина [27, с. 33–35], Н. В. Жадько [69], Е. И. Ратникова [119] и др.).

Так, по мнению Е. И. Ратниковой, после «освобождения» библиотек от идеологической функции «доминирующей» стала культурно-просветительная [119, с. 27]. Н. Е. Добрынина также называла «доминантной» просветительную функцию, вбирающую в себя информационные, образовательные, воспитательные и коммуникативные задачи [27, с. 35]. Н. В. Бубекина также считала, что основной функцией библиотеки является просветительная, перерастающая в самообразовательную [32].

Обстоятельную критику информационной функции как основополагающей предложила Н. В. Жадько. Она полагала, что информационная функция не может быть доминирующей потому, что такой подход делает библиотеку неотличимой от органов НТИ. Однако, по ее мнению, у этих структур различные социальные задачи.

Наделение информационной функции статусом «базовой», «родовой» лишает библиотеку ее собственной библиотечной специфики. Библиотека — это не только информационный, но и социокультурный институт, задача которого обеспечить преемственность в развитии культурной традиции. Поэтому сущность библиотеки определяют просветительная и мемориальная функции. Именно они, а не информационная функция, отделяют библиотеку как социальный институт от других институтов [69, с. 5–9].

Представляется, что такие попытки противопоставить друг другу социальные функции, выделить из них главную, основную, ведущую, неправомерны. Мы помним, к каким перекосам в библиотечной теории и практике привело выдвигание идеологической функции библиотеки в качестве главной, основополагающей, функции, которой подчинены все остальные. Выделение какой-либо функции как осно-

вополагающей неизбежно вело к недооценке других, не менее важных для общества социальных функций библиотеки.

3.6. Разработка учения о библиотечном деле

Федеральный закон «О библиотечном деле» (1994) определил библиотечное дело как область информационной, культурно-просветительной и образовательной деятельности, в задачи которой входит создание и развитие сети библиотек; формирование и обработка их фондов; организация библиотечного, информационного и справочно-библиографического обслуживания пользователей библиотек; подготовка кадров работников библиотек; научное и методическое обеспечение развития библиотек [138, с. 16].

Это определение было полностью повторено в терминологических словарях по библиотечному делу 1995 г. [162, с. 31] и 1997 г. [29, с. 22] и в учебнике Н. С. Карташова «Общая теория библиотечного дела» [77]. Несколько иное, более сжатое определение понятия «библиотечное дело» дал ГОСТ 7.0–99, где оно обозначено как «область деятельности по организации библиотечного обслуживания» [139, с. 15].

Наряду с законодательными и стандартизованными определениями понятия «библиотечное дело» библиотекведы предлагали и другие определения, отражающие их понимание этого термина. Так, Н. В. Бобылева отмечала, что библиотечное дело — не набор конгломерата библиотек, а нечто единое, целое, система, в которой все библиотеки занимают определенное место и связаны друг с другом определенными отношениями. Сущность библиотечного дела состоит в том, что оно является формой организации общественного книгоиспользования [31, с. 20, 26].

Еще одно определение понятия «библиотечное дело» принадлежало А. И. Остапову, который считал, что «библиотечное дело — системно и структурно организованная деятельность библиотек по удовлетворению запросов абонентов на документы» [106, с. 3].

Свое определение библиотечного дела дал и В. В. Скворцов. Он подчеркивал, что библиотечное дело — «область профессионального труда, назначением которой является удовлетворение информационных потребностей общества с помощью информационных ресурсов,

сосредоточенных в библиотеках, а также как совокупность библиотек, действующих на той или иной территории» [130, с. 7].

При всей разности предлагаемых определений общее в них заключалось в представлении о том, что библиотечное дело — это форма системной организации деятельности совокупности библиотек. Понятие «библиотечное дело», исходя из приведенных выше определений, шире понятия «библиотека», поскольку вбирает в себя совокупность библиотек, их систему.

С таким подходом не соглашался Ю. Н. Столяров, который обосновал тезис о том, что понятие «библиотека» включает в себя и понятие «библиотечное дело». Он объяснял это ограниченностью дефиниции «библиотечное дело». С его точки зрения, это определение акцентирует внимание лишь на функциях, поскольку «дело есть деятельность, процесс, функция, не более того». А рассмотрение библиотеки как системы требует изучения не только функций, но и структуры библиотеки как по отдельности ее элементов, так и в их единстве. Поэтому библиотечное дело «частный случай» библиотеки как системы и, следовательно, «библиотека является более широким понятием» [151, с. 35].

Эту точку зрения поддержала Н. М. Сулова, которая также полагала, что библиотечное дело «частный случай» библиотеки как системы и, следовательно, «библиотека является более широким понятием» [153, с. 35].

В рассматриваемый период в библиотековедении дискутировались различные теоретические концепции библиотечного дела. В. В. Скворцов выделял шесть таких концепций:

- эпистемологическая («знаниевая») видит сущность библиотечного дела в оперировании знаниями;
- функционально-технологическая, согласно которой библиотечное дело представляет совокупность технологических процессов комплектования и организации фондов и обслуживания читателей;
- социально-функциональная, по которой библиотечное дело трактуется как область информационной, культурно-просветительной и образовательной деятельности;
- информационная — библиотечное дело понимается как одна из областей информационной деятельности;
- библиотечное дело — подсистема документных коммуникаций [130, с. 26].

К сожалению, большинство из названных концепций не получили в рассматриваемый период более или менее детального теоретического обоснования.

Наиболее разработанной можно назвать информационную концепцию, которую развернуто обосновывал В. В. Скворцов. Он считал ее единственно истинной из всех им перечисленных [130, с. 17].

В. В. Скворцов отмечал, что библиотечное дело с момента его зарождения было не какой-либо, а информационной системой. Библиотечное дело — это «относительно самостоятельная, распределенная в пространстве, единая глобальная информационная сеть» [24, с. 44–45], «информационный институт общества» [123, с. 38]. Существо библиотечного дела выражает, по его мнению, не общественное использование произведений печати, а организация общественного использования информации» [20, с. 10].

В. В. Скворцов подчеркивал, что под влиянием информатизации общества библиотечное дело превращается «в один из крупнейших и важнейших секторов великой индустрии информации, сохраняющем свои традиционные, гуманистически ориентированные ценности». Развивая информационную концепцию, В. В. Скворцов подчеркивал, что она отрицает документалистскую сущность библиотечного дела [27, с. 52].

Сторонником документалистской концепции был В. И. Терешин, который подчеркивал, что библиотека имеет дело только с фиксированной информацией, т. е. документом. Информационной системой библиотеку делают только документы. Поэтому в библиотечном деле первичным является не информация, а документ [160, с. 39].

Дальнейшее теоретическое обоснование получила в эти годы и «знаниевая» концепция. Представления о том, что в библиотечном деле циркулируют знания, а не информация, поддерживались Т. Б. Марковой [98, с. 9] и В. К. Ключевым [85, с. 8]. По мнению Б. В. Чурбанова, библиотека производит знание [13, с. 38].

Наиболее обстоятельно рассмотрел «знаниевую» (когнитивную) концепцию библиотечного дела в своей докторской диссертации и ряде публикаций А. И. Остапов [105, 108]. По его мнению, библиотечное дело должно быть ориентировано не столько на документ, сколько на знания, содержащиеся в документе. Основными направлениями библиотечной деятельности являются «накопление знаний, их библиотечная обработка» и «обслуживание знаниями». Поэтому в

библиотековедении требуется переориентация с «документной» идеологии на «знаниевую» (когнитивную) [108, с. 117]. А. И. Остапов считал, что библиотеки должны значительно расширить и углубить свою деятельность, переходя от работы с документом не только к работе с информацией, но и далее — «к генерированию, накоплению, обработке и распространению знаний» [106, с. 3].

Знаниевая (когнитивная) концепция библиотечного дела также вызывала критику. Так, В. И. Терешин подчеркивал, что знания — это особый вид информации, зафиксированной в документах. Поэтому подлинную сущность библиотеки выражает не знаниевая, а именно документная концепция [160, с. 40].

Критиковал знаниевую концепцию и В. В. Скворцов, подчеркивая, что со знанием оперирует не библиотечное дело, а соответствующие науки. Сущность библиотечного дела составляет не знание, а информация [130, с. 27–28].

Таким образом, ни одна из предложенных теоретических концепций библиотечного дела (ни информационная, ни документалистская, ни знаниевая) не получила в те годы однозначного признания. По нашему мнению, наиболее перспективной была концепция библиотечного дела как подсистемы документной коммуникации. К сожалению, в рассматриваемый период она еще не получила достаточно прочного теоретического обоснования.

Совокупность теоретических представлений о библиотечном деле Н. С. Карташов объединял обобщающим понятием «учение о библиотечном деле». В него он включал основные принципы организации и функционирования библиотечного дела; закономерности формирования библиотечных систем; систему управления библиотечным делом [77, с. 117–250].

Н. С. Карташов сформулировал и рассмотрел основные принципы организации библиотечного дела: общедоступность библиотек; приоритет читательских интересов; системность библиотечного дела; оптимальное сочетание централизации и децентрализации; координация и кооперирование библиотечной деятельности; государственно-общественный характер библиотечного дела [77, с. 143]. В своем учебнике «Общая теория библиотечного дела» он подвел итоги теоретической разработки этих принципов в отечественном библиотековедении.

Особое внимание Н. С. Карташов уделил теоретическому обоснованию принципа общедоступности, который традиционно призна-

вался основополагающим в отечественном библиотековедении. По выражению М. Я. Дворкиной, этот принцип «есть отражение в профессиональном сознании сущности библиотечного обслуживания» [61, с. 27]. Н. С. Карташов подчеркивал важнейшее условие общедоступности — физическую доступность библиотек и их фондов [77, с. 144].

Развитием принципа общедоступности библиотек явилось обозначение Г. П. Диянской «принципа равных возможностей» в библиотечном обслуживании [66, 67]. Хотя этот принцип рассматривался ею как собственный принцип тифлобиблиотекосведения, по нашему мнению, область его применения значительно шире, и его правомерно рассматривать как один из основополагающих принципов библиотечного дела, как конкретизацию принципа общедоступности библиотеки. Заметим, что при теоретической разработке и практической реализации принципа общедоступности равные возможности читателей в использовании библиотечных ресурсов подразумевались, но этот принцип до Г. П. Диянской не разрабатывался.

При вычленении принципа приоритета читательских интересов Н. С. Карташов подчеркивал, что именно в его реализации следует видеть гуманистическую направленность библиотечного дела [77, с. 154]. Этот принцип он характеризовал также как принцип плюрализма, как «качественно новый принцип организации и функционирования библиотечного дела, знаменующий, с одной стороны, отказ от монопольной, бюрократической системы работы с читателями, ломку старых форм и методов, а с другой — формирование демократических основ работы» [78, с. 3].

По существу это же понимание внес в принцип плюрализма и Ю. Н. Столяров, сформулировав его как «принцип социальной справедливости». Он подчеркивал, что «будучи по природе таким социальным институтом, который идеально приспособлен для консолидации общества, библиотека должна четко проводить линию на согласие, а не на конфронтацию различных общественных групп» [144, с. 14].

Близок по своему наполнению к принципу приоритета читательских интересов и принцип «дружелюбия» по отношению к читателю, сформулированный Н. И. Тюлиной. Под ним она понимала «не только этику человеческого общения», но и комплекс условий, обеспечивающих читателю максимальные удобства пользования библиоте-

кой: полноту и сроки выполнения заказов, соответствующие часы работы, комфортность читальных залов, наличие подвозящих к библиотеке транспортных средств и т. д. [165, с. 134].

Н. С. Карташов обобщил и сформулировал итоги разработки основных закономерностей формирования библиотечной системы страны; взаимодействия библиотек, целостности библиотечных систем, динамичности развития библиотечной системы страны [77, с. 143–184]. Однако в библиотековедческой литературе рассматриваемого периода эти принципы не получили сколько-нибудь заметного рассмотрения, что было связано прежде всего с проблемами и сложностями их развития в те годы, особенно в связи с децентрализацией управления библиотечным делом и переводом его на местный (муниципальный) уровень. Эти проблемы стали более обстоятельно рассматриваться лишь в начале XXI в.

С разработкой принципа системности библиотечного дела связана проблема типологии библиотек.

Типология является одним из ведущих методов научного познания. Поэтому неслучайно, что в библиотечной науке проблемы типологии привлекали внимание библиотековедов с начала XX в. вплоть до наших дней.

Однако, несмотря на многочисленные попытки построения научной типологии библиотек, эта проблема и в 1990-е гг. оставалась предметом дискуссий. В наиболее обобщенном виде итоги разработки в отечественном библиотековедении проблем типологии библиотек были изложены в монографиях А. Н. Ванеева по истории библиотековедческой мысли [43, 46], в кандидатской диссертации Т. А. Белобратовой «Проблемы типологии библиотек» [11], в учебнике Н. С. Карташова «Общая теория библиотечного дела» [77], в статье Ю. Н. Столярова [148].

В рассматриваемый период разработка проблем типологии библиотек велась по следующим направлениям:

- научное обоснование понятия «типология библиотек» и его методологических оснований;
- новые предложения по типологизации библиотек.

На терминологическом уровне основные определения типологических терминов были даны в терминологическом словаре «Библиотечное дело» [29]. В нем типология библиотек определена как классификация библиотек по общности признаков, в качестве которых

названы характер информационных потребностей, удовлетворяемых библиотекой; объекты ее деятельности; региональный уровень; формы собственности; ведомственная принадлежность. Кроме этого базового термина в словаре дано определение понятия «тип библиотеки» как высшее деление в типологии библиотек. Среди них были выделены два основных типа: универсальные и специальные [29, с. 121–122].

Разделение библиотек на эти два основных типа относится еще к концу 1980-х гг. и связано с именами Н. С. Карташова и П. И. Тюлиной. В 1990-е гг. Н. С. Карташов продолжал уточнять свои представления о типологии библиотек. Он подчеркивал, что под типологией следует понимать установление ряда объективных признаков, существенно значимых для изучаемых библиотек. Типология библиотек — это «метод научного познания, в основе которого лежит обладающее определенными свойствами разделение изучаемой совокупности библиотек на группы» [77, с. 38].

Н. С. Карташов подчеркивал, что образование типов библиотек должно идти не формально-логическим путем, а содержательным. Это означало, что из многих неравноценных по своему значению признаков необходимо выделить такой, который отражал бы основную сущность библиотеки как социального института, т. е. первичный по отношению к дополнительным, производственным признакам. Таким основным признаком он считал информационные потребности, выделяя среди них по тематике комплексные и специальные, и в соответствии с этим два типа библиотек — универсальные и специальные. В особый, третий тип он выделял национальные библиотеки «ввиду их особой социальной значимости и роли в библиотечной системе страны» [76, с. 42].

Теоретические проблемы «библиотипологии» были рассмотрены в эти годы А. А. Гречиным. Он подчеркивал, что «цели типологии — не только упорядочить исследуемые множества объектов в систему, но и отобразить, объяснить структуру системы, выявить закономерности ее развития, прогнозировать существование и появление неизвестных еще объектов». А. А. Гречин критиковал позицию Н. С. Карташова [76], отмечая, что, когда последний говорит о делении библиотек на классы, то речь идет в данном случае не о типологии, а о «типизации библиотекосведческих явлений» [53, с. 29–30].

Свое понимание типологии библиотек предложил также Ю. Н. Столяров. Он отмечал, что в логике принята родовидовая классификация, а не типовидовая, как в библиотековедении. Поэтому, по его мнению, библиотеки надо делить на род — вид — подвид — разновидность [148]. Чтобы родовая классификация не была противоречивой, она должна, указывает Ю. Н. Столяров, строиться на одном основании, охватывать все без исключения библиотеки, делить их последовательно по убывающим группам. В основу классификации библиотек он предложил положить признак учредительства, что полностью согласуется с классифицированием библиотек в Федеральном законе «О библиотечном деле» (1994) по учредителям и формам собственности. Ю. Н. Столяров подчеркивал, что в законе предпринята попытка дать всеобъемлющую классификацию библиотек по действительно существенным признакам [148].

О важности выделения в типологии библиотек существенных (сущностных) типологических признаков писала в своей диссертации и Т. А. Белобратова. В основу типизации она положила деятельностный подход, по которому первичным является библиотечная деятельность, а вторичным — библиотечное учреждение. Она выделяла два сущностных признака — общественное значение и состав фондов, объединив всю совокупность библиотек также в два типа: универсальные и специальные [11].

Эти предложения о выделении двух сущностных типов библиотек получили закрепление и на терминологическом уровне в словаре библиотечных терминов [29, с. 122].

Несколько по-иному подошли к типологизации библиотек А. В. Гришин и А. М. Уланова. Они полагали, что существующее деление библиотек на универсальные и специальные не может считаться окончательным, и предложили в качестве наивысшего уровня дифференциации библиотек выделить классы, а в качестве основания деления «мотивации обращения читателя в библиотеку». Обслуживанием «лично значимых мотиваций» занимаются публичные библиотеки, а общественно значимых — специальные.

Таким образом, в основу типологии библиотек ими были положены два типа (класса) — публичные и специальные. Публичные библиотеки они, в свою очередь, разделяли на публичные научные и массовые [54]. По мнению Н. С. Карташова, такое выделение класса пуб-

личных библиотек некорректно, поскольку публичные библиотеки имеются и в классе специальных библиотек [77, с. 41].

Сомнительным считал выделение публичных библиотек в самостоятельный класс и Б. А. Симонов. Поскольку прилагательное «публичный» означает «общественный», а не «частный», то с этой точки зрения все библиотеки являются публичными. Он поддержал тех авторов, которые типообразующим признаком считали характер информационных потребностей, т. е. выделение двух типов: универсальных и специальных библиотек [122].

Свои основания типологии библиотек предложил А. И. Остапов. В качестве критерия классификации библиотек он выделил критерий их интеллектуальной сложности. На этой основе он выделял два класса библиотек: документные и когнитивные. Среди документных библиотек — три подкласса (нормодокументные, гипердокументные, документно-информационные).

Нормодокументные библиотеки — это библиотеки с неполным универсальным, отраслевым или специальным фондом и с традиционной технологией. Гипердокументные библиотеки отличаются почти полным или исчерпывающим универсальным, отраслевым или специальным фондом с традиционной технологией. Документно-информационные библиотеки отличаются от гипердокументных использованием наряду с традиционными новых информационно-компьютерных технологий.

Казалось бы, такой классификацией и исчерпываются все возможные типы библиотек. Однако А. И. Остапов выделил еще класс когнитивных библиотек, в который включил три подкласса: гиперинтеллектные, высокоинтеллектные, суперинтеллектные.

Гиперинтеллектные библиотеки (или их подразделения) генерируют новые знания в области библиотечно-библиографической и информационной деятельности. Высокоинтеллектные библиотеки отличаются «более универсальной знаниевопорождающей способностью». Суперинтеллектные библиотеки обладают «универсальным характером порождения знаний в различных сферах человеческой деятельности».

В целом, по определению А. И. Остапова, когнитивные библиотеки «принадлежат к классу наиболее сложных интеллектуальных подсистем». Они функционируют в рамках порождения, накопления, обработки новых знаний [25, с. 68–69].

Если предложение о разделении совокупности библиотек на публичные и специальные вызывало критику, то основания типологии библиотек, предложенные А. И. Остаповым, исходя из его знаниевой теории библиотековедения (библиотечного дела), не получили, к сожалению, должной оценки в библиотековедческой печати.

Наряду с обоснованием типологии (классификации) библиотек в рассматриваемый период внимание библиотековедов привлекали проблемы определения типологических особенностей отдельных типов и видов библиотек.

Особо пристальное внимание при этом привлекала характеристика типологических черт публичных и массовых библиотек. Одни авторы полагали, что публичная библиотека «не есть разновидность массовой библиотеки, а совершенно новый, особый тип государственной библиотеки». Они призывали трансформировать массовую библиотеку в публичную [109, с. 25]. Ее характерные черты они видели в том, что публичная библиотека должна быть центром межличностного общения, досуга и широкого информационного обеспечения [109, с. 3–4].

По мнению других, термин «публичная» надо воспринимать лишь как принцип деятельности любой общедоступной библиотеки, что между понятиями «публичная» и «массовая» библиотека существует лишь терминологическое, а не сущностное различие [77, с. 62].

Так, В. И. Терешин подчеркивал, что массовая библиотека сохраняет свой статус библиотеки, ориентированной на удовлетворение и развитие информационных потребностей и интересов своих пользователей («широкой публики»), и считал понятия «массовая» и «публичная» библиотека равнозначными [159, с. 11].

За сохранение термина «массовая библиотека» активно выступал Ю. Н. Столяров. По его определению, массовая библиотека — учреждение, удовлетворяющее относительно стандартизированные, но неуклонно возрастающие информационные потребности широких слоев населения. Поэтому массовая библиотека как тип имеет право на существование [148].

В 1990-е гг. в связи с расширением функций массовых библиотек А. В. Солоненко было внесено предложение о введении в типологию нового типа — «общедоступные специализированные библиотеки» (библиотеки семейного чтения, библиотеки — культур-

ные комплексы, библиотеки — информационно-образовательные центры и др.) [137].

Дискуссионным оставался и вопрос о статусе национальной библиотеки. Так, если Б. Ф. Володин полагал, что национальная библиотека — это не только особый статус, но прежде всего уникальное учреждение, занимающее «определенное положение среди институтов государственности» [115, с. 26], то Л. Д. Данильянц считала, что назначение и специфику национальной библиотеки надо определять, «исходя из идеи национальной культуры», а не ее государственности [115, с. 51].

В результате дискуссий по проблемам типизации библиотек ведущим для 1990-х гг. стало представление о типологии библиотек с разделением их совокупности на два типа: универсальные и специальные. Однако такое представление не было однозначным, и в библиотечковедческой литературе рассматривались и другие проекты построения типологии библиотек. Не было единства и на терминологическом уровне. Группа библиотек «высшего» уровня типизации определялась по-разному: тип, класс, род. Соответственно, разные терминологические и типологические определения получали и нижестоящие группы библиотек.

3.7. Проблемы истории библиотечной науки

Для 1990-х гг. характерно повышенное внимание к истории отечественного библиотечковедения, что было связано, прежде всего, со стремлением переосмыслить и оценить уровень развития библиотечковедения как в дореволюционный период, так и в годы советской власти.

В конце XX в. значительно возросло число публикаций по истории библиотек. В некоторых из них авторы не ограничивались биографическими сведениями о деятелях библиотечного дела, но стремились изложить их мысли и теоретические воззрения, высказывания по тем или иным библиотечным проблемам. Однако такому изложению не всегда сопутствовала авторская оценка этих взглядов [72].

В самой обобщенной форме, хотя, к сожалению, в краткой, история мирового, в том числе и отечественного, библиотечковедения бы-

ла изложена в учебнике В. В. Скворцова «Теоретические основы библиотекведения» [130, с. 10–23]. Им было введено понятие «предыстория библиотекведения». По его мнению, для этого этапа, названного им периодом развития библиотекведческой мысли, были характерны первоначальные, элементарные представления о библиотеках и библиотечном деле. Внутри этапа он выделял два периода: библиотекведческая мысль древности и библиотекведческая мысль средневековья.

Период развития библиотекведческой мысли В. В. Скворцов характеризовал как формально-технический. Однако следует указать на условность такого определения, поскольку, например, идея публичности библиотеки, т. е. ее ориентации не на хранение, а на предоставление книжных богатств в общественное пользование, относится, как подчеркивает сам В. В. Скворцов, еще к временам Древней Греции.

Этапу развития библиотекведческой мысли В. В. Скворцов противопоставил этап становления библиотекведения как науки. Здесь он допустил явную логическую ошибку, поскольку более чем очевидно, что со становлением библиотекведения как науки библиотекведческая мысль не только не исчезла, а продолжала активно развиваться.

Хронологической границей становления библиотекведения как науки и в мировом масштабе, и в России В. В. Скворцов назвал начало XIX в. и разделил этот этап на три периода:

- единого мирового буржуазного библиотекведения; период бифуркации (разделение библиотекведения на социалистическое и буржуазное);
- период дебифуркации (прогнозируемый период развития библиотекведения как единой науки) [130, с. 11].

Здесь следует отметить противоречие в определении хронологических границ формирования библиотекведения как науки. Относя ее к началу XIX в., В. В. Скворцов в то же время констатировал, что первые признаки отделения библиотечной науки от практики относятся лишь к концу XIX в. [130, с. 15]. Аналогичную картину можно наблюдать и в России, где формирование библиотекведения как науки также относится лишь к самому концу XIX — началу XX в. [45].

Три этапа развития библиотекведения выделяла Н. В. Бобылева. На первом этапе приходит понимание методик и практики библио-

течного дела, когда методика понимается как «теоретическое созерцание практической деятельности». На втором этапе происходит отделение методики от практики, однако по-прежнему теория понимается как созерцательное отражение практической библиотечной деятельности. И, наконец, на третьем этапе происходит абстрагирование теоретической деятельности от практической, идет поиск способов построения научной теории [21, с. 66].

Такой подход не противоречит представлению о донаучном этапе развития библиотекведческой мысли, которому соответствуют первые два этапа, выделенные Н. В. Бобылевой. Третий этап — это этап функционирования библиотекведения как науки.

Следует заметить, что не все библиотековеды считали использование понятия «библиотекведческая мысль» верным, особенно применимо к первоначальным этапам развития библиотечного дела. Так, И. В. Лукашов считал неправомерным использование этого понятия, особенно по отношению к начальному периоду развития библиотечного дела, поскольку тогда еще не рассматривались такие общетеоретические вопросы, как объект, предмет библиотекведения, его структура и т. п., а речь шла лишь о роли библиотеки в жизни общества и ее социальных функциях. Поэтому, по его мнению, более корректно использовать понятие «библиотечная мысль». Как замечает И. В. Лукашов, понятие «библиотечная мысль» — «менее строгое». Достаточно прибегнуть к инверсии, чтобы убедиться в том, что библиотекведческая мысль — это мысль о библиотекведении, а библиотечная мысль — это мысль о библиотеке, и неравнозначность этих понятий станет очевидной [15, с. 108].

Однако следует заметить, что взгляды на роль и социальные функции библиотеки имеют не только практическое, но и несомненное теоретическое значение, и поэтому их правомерно характеризовать как библиотекведческую мысль [44, с. 3]. Она начала формироваться вместе с появлением библиотеки как учреждения, предназначенного для собирания, хранения и использования рукописных и печатных книг. С момента появления первых библиотек их строители должны были поставить перед собой вопросы: с какой целью они создают библиотеку, какие задачи и функции на нее будут возложены, какие потребности общества эти библиотеки призваны удовлетворять? В разные исторические эпохи в зависимости от социально-экономических условий, состояния культуры и просвещения раз-

вивались свои представления о роли библиотеки в обществе, высказывались те или иные взгляды на библиотечное дело.

Наиболее крупными работами по истории библиотековедческой мысли в дореволюционной России и в Советском Союзе были в эти годы учебные пособия А. Н. Ванеева [43–47]. Их целью был анализ развития отечественной библиотековедческой мысли, формирования и эволюции взглядов русских библиотековедов по общетеоретическим и методологическим проблемам библиотековедения как науки. К ним автор относил объект и предмет библиотековедения, его сущность и структуру; основополагающие принципы; роль библиотеки в жизни общества и ее социальные функции; взаимосвязи библиотековедения с другими науками и его место в системе наук; методологию и методику библиотековедческих исследований.

Основная теоретическая концепция, которой придерживался автор в оценке библиотековедческих идей и взглядов, заключалась в утверждении, что на всех этапах развития библиотековедческая мысль не была «вещью в себе». Она формировалась под прямым воздействием тех социально-политических представлений, которые были характерны для отдельных этапов развития библиотековедения. Взгляды общества на социальную роль и функции библиотеки были определяющими для развития библиотечной теории и практики.

В рецензиях на учебные пособия А. Н. Ванеева подчеркивалось, что автор «впервые в мировом библиотековедении... фундаментально развил целое направление исследований исторической тематики». В результате «в отечественном библиотековедении почти полностью восстановлена цепь исторической последовательности его развития». Рецензент отмечал, что «в мире пока нет ни одной страны, которая вышла бы на подобный уровень законченности анализа и изучения истории своего библиотековедения» [125, 129].

Вместе с тем следует указать, что не все теоретические положения, изложенные в пособиях А. Н. Ванеева, были однозначно приняты библиотековедами. Так, в автореферате диссертации Л. Н. Гусевой содержалась загадочная фраза о работах А. Н. Ванеева: «В традициях исторических исследований он описывает творчество практиков в понятиях своей современности. В связи с чем эти исследования не могут служить эмпирическим обоснованием культурного познавательного процесса в библиотечной сфере в различные исторические периоды» [56, с. 3]. Из этого текста, во-первых, невозможно понять, о какой «со-

временности» идет речь: либо в понятиях исторического времени, либо в понятиях наших дней. А, во-вторых, принцип историзма требует рассмотрения идей и фактов как «глазами прошлого», так и с учетом современного уровня развития науки, чем и руководствовался А. Н. Ванеев в своих исторических работах.

В высказываниях библиотековедов 1990-х гг. можно проследить стремление противопоставить дореволюционное и советское библиотековедение. Так, по мнению Ю. В. Климакова, в советском библиотековедении уже к концу 1920-х гг. «мало что осталось от гуманистических идеалов». Поэтому он считал необходимым вернуться к идеалам дореволюционного российского библиотековедения [84, с. 114, 117].

Эту мысль развивал и Ю. Н. Столяров. Он, исходя из представления о том, что всякое развитие осуществляется по спирали, считал, что пришла пора возвратиться «к самобытным творческим истокам» дореволюционного библиотековедения. Эти истоки он видел в обращении к «русской идее», а ее суть — в формуле официальной идеологии царизма: «самодержавие, православие, народность» [144, с. 13].

При этом Ю. Н. Столяров сразу отказался от рассмотрения такой составляющей этой триады как самодержавие, тем самым разрушив единство этого идеологического постулата. Напомним, что автор этой формулы С. С. Уваров видел в ней «истинно русские охранительные начала» [90, с. 186–188], а Н. А. Бердяев называл эту «официальную фразеологию неискренней и лживой» [12, с. 280].

С. С. Уваров, назначенный министром народного образования в 1833 г., обосновывая правительственную программу в области народного просвещения, во «всеподданнейшем отчете» по поводу «искоренения крамолы» в Московском университете отмечал, что «образование правильное, основательное должно слиться с глубоким уважением и теплою верой в истинно русские охранительные начала Православия, Самодержавия, Народности!» [90].

Если содержание понятий «Православие» и «Самодержавие» ясно, то что следует понимать под «Народностью»? Ответ на этот вопрос дал сам Уваров, подчеркнув, что «народность наша состоит в беспредельной преданности и повиновении самодержавию» [90]. Формула «самодержавие, православие, народность» стала идеологической основой политики царизма в области просвещения 30-х гг. XIX в.

Что же касается русской идеи, то ее философское рассмотрение относится к концу XIX — началу XX в. Оно принадлежит русским философам Серебряного века Вл. Соловьеву, впервые употребившему это понятие в 1885 г., Н. Бердяеву, И. Ильину, Л. Карсавину и другим и не исходит из охранительной формулы русского самодержавия [42, с. 72].

Интересно отметить, что К. И. Абрамов, посвятивший всю свою научную и педагогическую деятельность изучению истории отечественного библиотечного дела, вдруг в 1998 г. пришел к выводу о невозможности в годы «господства коммунистической тоталитарной идеологии» прийти к объективной научной оценке истории отечественного библиотековедения [27, с. 15].

Оценку таким попыткам отрицать все позитивное в советском библиотековедении дал Ю. Н. Столяров, охарактеризовав их как «новую форму идеологической нетерпимости, только вывороченную наизнанку» [155, с. 114].

В рассматриваемый период почти не было обобщающих работ по истории советского библиотековедения, не считая учебного пособия А. Н. Ванеева «Разработка теоретических проблем библиотековедения в России в 1978–1985 гг.» [47], но по отдельным направлениям развития библиотековедческой мысли в годы советской власти, их характеристике и оценке велись активные дискуссии.

Это относится, прежде всего, к переоценке взглядов В. И. Ленина на библиотечное дело и их влияния на советское библиотековедение. Дискуссия по этой проблеме началась еще в годы перестройки. К. И. Абрамов, оценивая ее итоги, видел то общее, что роднит участников полемики — «предвзятость, нигилистическое отношение к ленинскому плану планомерной организации библиотечного дела» [1].

Однако анализ материалов дискуссии второй половины 1980-х гг. не даст оснований для такого вывода. В результате дискуссий было достигнуто понимание того, что, хотя и некорректно приписывать В. И. Ленину разработку научной концепции развития библиотечного дела, его практические указания и рекомендации сыграли положительную роль в библиотечном строительстве в нашей стране.

Дискуссии по этой проблеме, особенно в связи с оценкой ленинского принципа партийности, его методологического значения для развития советского библиотековедения, продолжались и в 1990-е гг. В этих дискуссиях можно выделить следующие основные позиции.

Продолжалась резко отрицательная оценка ленинских взглядов, которые характеризовались как «прекраснодушные маниловские мечтания» [83, с. 52].

Другие отечественные библиотековеды задавались вопросом: было ли во взглядах В. И. Ленина на библиотечное дело что-то новое по сравнению с существовавшей тогда мировой и российской библиотечной практикой? Аргументируя свою позицию, Ю. В. Климаков писал: «Ведь идеи общедоступности и бесплатности библиотек, создания планомерной всесторонне развитой сети библиотечных учреждений, рационально распределенной по территории страны... высказывались и ранее, и ничего нового В. И. Ленин в них не внес» [84, с. 113].

Аналогичных взглядов придерживались и другие авторы, подчеркивая, что, поскольку в ленинских соображениях о библиотечном деле не содержалось ничего нового по сравнению с трудами современных ему библиотековедов, то их нельзя рассматривать как «программу развития библиотечного дела» [173, 176, с. 18].

Библиотековеды подчеркивали, что действительно новым в библиотечной теории стали лишь ленинская идея централизации государственного руководства библиотечным делом и разработанный им принцип коммунистической партийности библиотек [84, с. 113].

Однако оценка значения этого нового для развития библиотечного дела была далеко неоднозначной. Например, В. В. Серов полагал, что В. И. Ленин во главу преобразований в области библиотечного дела ставил принципы демократизма и общедоступности библиотек. Он подчеркивал важное значение ленинского плана централизации библиотечного дела в нашей стране и перспективность для его будущего развития библиотек. Этот ленинский план централизации библиотечного дела, по мнению В. В. Серова, успешно реализовался в СССР [121, с. 53].

В другой своей статье, написанной совместно с Б. Н. Бачалдиным, В. В. Серов подчеркивал, что значение ленинских «указаний» нельзя сводить лишь к заимствованию швейцарско-американской системы. Эти «указания» включали положения о создании единой сети библиотек, построенной на принципах демократизма и общедоступности, их планомерного размещения на территории страны, централизацию и государственный характер руководства, преимущественное книгоснабжение библиотек, активное участие населения в их создании.

Авторы подчеркивали, что эти ленинские идеи принципиального характера определили развитие библиотечного дела в нашей стране. При этом они согласились с тем, что эти высказывания можно и не считать цельной концепцией. Споры о том, была ли у В. И. Ленина концепция библиотечного строительства в нашей стране или ее не было, они считали схоластическими [9].

Положение о том, что В. И. Ленин определил программу развития библиотечного дела в стране, что ленинская концепция как система взглядов на развитие библиотечного дела не утратила своего значения и в настоящее время, поддерживали и другие авторы.

Так, Ю. Н. Столяров был убежден, что у В. И. Ленина была стройная научная концепция библиотечного дела. Ее стержнем, по его мнению, явилась «установка на интересы трудящихся, т. е. основные массы населения, и качественное превосходство над лучшими образцами постановки библиотечного дела в самых передовых странах» [146, с. 18].

Заметим, что В. И. Ленин в своих высказываниях о библиотечном деле говорил (причем неоднократно) не о «качественном превосходстве», а о заимствовании зарубежного опыта, введении швейцарско-американской библиотечной системы [33, с. 45; 10, с. 107].

Очевидно, что высказывания В. И. Ленина о библиотечном деле нельзя рассматривать как «указания», так как таковыми они не являлись. К «указаниям» можно отнести лишь постановления советского правительства, подписанные В. И. Лениным. При этом важен анализ того, что из этих «указаний» сохранило свое значение для настоящего времени, а что относилось к конкретному историческому периоду [114, с. 60].

Заключение

К концу XX в. отечественное библиотековедение сформировалось в зрелую, самостоятельную по всем параметрам науку документационного цикла. Оно занимает сложное междисциплинарное положение в системе наук, что позволяет ведущим отечественным библиотековедам (В. П. Леонову, Ю. Н. Столярову и др.) определять статус библиотековедения как академической науки.

Отечественное библиотековедение обладает своим объектом, предметом и структурой, общетеоретическими концепциями, терминологическим и методологическим аппаратом, местом в системе наук и развернутыми взаимосвязями с другими научными дисциплинами. Оно находится в теоретическом развитии, непрерывном обогащении своего содержания.

В эти годы в отечественном библиотековедении был сформулирован ряд новых теоретических положений, что свидетельствует о дальнейшем развитии отечественной библиотековедческой мысли. Бесспорными достижениями в разработке общетеоретических проблем библиотековедения явились введение в терминосистему библиотековедения понятия «статус» библиотековедения, более активное обращение к принципу отграничения при рассмотрении предмета библиотечной науки и научное определение этого принципа применительно к объекту библиотековедения.

Важное значение не только на терминологическом, но и на теоретическом уровне имело введение понятия «миссия» библиотеки, дальнейшее уточнение социальных функций библиотеки в период перестройки. Активизировалась разработка истории библиотековедческой мысли, особенно истории дореволюционного отечественного библиотековедения. На смену разоблачению «реакционных концепций буржуазного библиотековедения» постепенно приходит стремление к интеграции библиотечной науки в мировое библиотековедение.

Вместе с тем анализ основных, ведущих общетеоретических проблем отечественного библиотековедения показал, что по многим из них не было единой позиции, велись активные дискуссии. Однако это говорит не о слабости отечественной библиотечной науки, а о том, что она находится в состоянии активного развития, а не «застоя».

Среди наиболее сложных общетеоретических и методологических проблем, не получивших однозначного разрешения в XX в.

и требующих дальнейшей теоретической разработки, следует назвать прежде всего определение сущности библиотековедения как науки. На ее определение отрицательно повлияла «американизация» отечественного библиотечного дела, пришедшая на смену его «советизации», что привело к ослаблению, а зачастую и к полному игнорированию просветительной миссии отечественных библиотек. Отказ от коммунистического воспитания привел к игнорированию воспитательной функции библиотек, к преобладанию в их деятельности не просветительных, а информационных и маркетинговых функций. На смену представлению о духовной, просветительной миссии отечественной библиотеки пришло понимание о миссии как конкретной цели ее маркетинговой деятельности.

Поэтому особо важным для определения сущности отечественного библиотековедения является дальнейшая теоретическая разработка проблем библиотечной философии и библиотечной идеологии, началом которой было положено в конце XX в.

Оттого, какие философские и идеологические концепции будут отражать сущность отечественного библиотековедения, будет во многом зависеть и будущее отечественных библиотек — будут ли они видеть цель своей просветительной деятельности в содействии воспитанию всесторонне и гармонически развитой личности, к чему призывали еще дореволюционные библиотековеды, или превратятся в поставщиков информации и маркетинговых услуг.

Список использованных источников

Библиотковедение в СССР в 1978–1985 гг.

1. Абрамов, К. И. История библиотечного дела в СССР / К. И. Абрамов. — 32-е перераб. и доп. изд. — М. Книга, 1980. — 352 с.
2. Айзенберг, А. Я. О содержании курса «Библиотечная педагогика» / А. Я. Айзенберг // Совет. библиотковедение. 1985. № 1. С. 88–90.
3. Амлинский, Л. З. Классификация библиотек как объектов механизации и автоматизации / Л. З. Амлинский // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1979. — № 10. — С. 8–13.
4. Баренбаум, И. Е. Книговедение в системе наук / И. Е. Баренбаум // Книга : исслед. и материалы. — 1985. — Сб. 50. — С. 72–83.
5. Басов, С. А. В поисках общего подхода : еще раз о предмете и объекте библиотковедения / С. А. Басов // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1982. — № 10. — С. 15–19.
6. Бахмутская, И. В. Руководство чтением и формирование активной жизненной позиции / И. В. Бахмутская, В. И. Зарубина // Совет. библиотковедение. — 1980. — № 5. — С. 16–24.
7. Бачалдин, Б. Н. Результативность — критерий оценки работы библиотек / Б. Н. Бачалдин // Совет. библиотковедение. — 1984. № 4. — С. 39–52.
8. Беспалова, Э. К. Перспективы создания терминологических стандартов / Э. К. Беспалова // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1983. — № 4. С. 12–17.
9. Библиотковедческие исследования. Методология и методика. М. Книга, 1978. — 248 с.
10. ГОСТ 7.26–80. Библиотечное дело — основные термины и определения. — М. : Изд-во стандартов, 1981. — 13 с. — (Система стандартов по библиотечному и издательскому делу).
11. Библиотечное строительство в СССР — межвуз. сб. науч. тр. / науч. ред. В. В. Скворцов. — М. : МГИК, 1984. — 156 с.
12. Ванеев, А. Н. О месте библиотковедения в системе наук / А. Н. Ванеев // Совет. библиотковедение. 1978. — № 2. — С. 23–27.

13. Ванеев, А. Н. Основные закономерности развития библиотечной науки в зрелом социалистическом обществе / А. Н. Ванеев // Совет. библиотековедение. — 1978. — № 5. — С. 35–50.
14. Ванеев, А. Н. Общетеоретические проблемы советского библиотековедения / А. Н. Ванеев // Совет. библиотековедение. — 1981. № 2. — С. 23–33.
15. Ванеев, А. Н. Принятие решений в системе руководства чтением / А. Н. Ванеев // Актуальные вопросы библиотечной работы. — М., 1985. — С. 62–73.
16. Ванеев, А. Н. Развитие библиотековедческой мысли в СССР / А. Н. Ванеев. — М. Книга, 1980. — 232 с.
17. Ванеев, А. Н. Структура библиотековедения / А. Н. Ванеев // Совет. библиотековедение. — 1983. — № 3. — С. 41–51.
18. Воспитательные функции научно-технических библиотек : сб. науч. тр. / науч. ред. Д. Е. Шехурин; ЛГИК. — Л., 1981. — 162 с.
19. Вильяотс, М. К. Типизация научных библиотек / М. К. Вильяотс // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1979. — № 3. — С. 15–22.
20. Грабова, А. З. Исследование и разработка библиотечной и библиографической терминологии на современном этапе в СССР / А. З. Грабова. — М., 1983. — 15 с.
21. Дауранов, Р. Б. Специальное библиотековедение и практика информационно-библиотечного обеспечения / Р. Б. Дауранов, Н. В. Помадина, В. А. Тейерман. // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1980. — № 8. — С. 31–35.
22. Добрынина, Н. Е. Проблемы повышения социальной роли массовых библиотек / Н. Е. Добрынина, Л. Г. Жукова, Е. Е. Троицкая // Совет. библиотековедение. — 1984. — № 3. — С. 17–26.
23. Жукова, Л. Г. Руководство чтением как предмет исследования / Л. Г. Жукова // Совет. библиотековедение. 1981. № 3. С. 51–61.
24. Зубов, Ю. С. На путях создания научной классификации читателей / Ю. С. Зубов // Совет. библиотековедение. — 1977. — № 2. С. 36–53.
25. Игумнова, Н. П. Основные направления научно-информационной деятельности советских библиотек / Н. П. Игумнова // Совет. библиотековедение. — 1984. — № 2. — С. 28–41.
26. Иишакова, Н. Г. Дискуссия о предмете и объекте библиотековедения и проблемы общенаучной подготовки библиотечных кадров / Н. Г. Иишакова // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1981. — № 8. — С. 10–15.

27. Каневский, Б. П. Идеологическая борьба в библиотековедении / Б. П. Каневский // Совет. библиотековедение. — 1984. — № 1. С. 3–16.
28. Каратыгина, Т. Ф. Что такое специальная библиотека? / Т. Ф. Каратыгина // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1978. — № 2. — С. 3–9.
29. Карташов, Н. С. Вклад в советское библиотековедение / Н. С. Карташов // Совет. библиотековедение. — 1981. — № 1. — С. 52–54.
30. Карташов, Н. С. Обобщение методологического и методического опыта библиотековедения / Н. С. Карташов // Совет. библиотековедение. — 1979. — № 3. — С. 108–110.
31. Карташов, Н. С. Планомерность развития социалистического библиотечного дела / Н. С. Карташов // Совет. библиотековедение. — 1985. — № 1. — С. 3–14.
32. Карташов, Н. С. Развитие единой библиотечной сети в СССР / Н. С. Карташов // Совет. библиотековедение. — 1984. — № 4. С. 25–38.
33. Карташов, Н. С. Региональные проблемы библиотековедения / Н. С. Карташов // Совет. библиотековедение. — 1980. — № 2. С. 50–67.
34. Карташов, Н. С. Типология библиотек: (постановка проблемы и подход к ее решению) / Н. С. Карташов // Совет. библиотековедение. — 1985. — № 3. — С. 17–31.
35. Карташов, Н. С. Формирование библиотечно-территориальных комплексов / Н. С. Карташов. — Новосибирск: Наука, 1978. — 240 с.
36. Ключенко, Т. И. Тенденции математизации в библиотековедении и библиографоведении / Т. И. Ключенко, А. Я. Водолазская, А. Н. Гильманов // Совет. библиотековедение. — 1978. — № 2. С. 37–47.
37. Книговедение: энцикл. слов. — М.: Совет. энцикл., 1982. — 664 с.
38. Комплексный подход к руководству чтением и пропаганде литературы: сб. науч. тр. / ЛГИК. — Л., 1985. — 176 с.
39. Коршунов, О. П. О соотношении библиотечного дела и библиографии, библиотековедения и библиографоведения / О. П. Коршунов // Совет. библиогр. — 1982. — № 4. — С. 46–51.
40. Крейденко, В. С. Библиотечные исследования — научные основы учеб. пособие / В. С. Крейденко. — М. Книга, 1983. — 143 с.
41. Маслова, О. М. О разработке комплексной классификации читателей / О. М. Маслова // Совет. библиотековедение. — 1978. — № 1. С. 32–44.

42. Матлина, С. Г. Руководство чтением молодежи в массовой библиотеке / С. Г. Матлина // Совет. библиотековедение. — 1984. — № 3. С. 100–105.
43. Методологические аспекты изучения процессов функционирования библиотечных систем : сб. науч. тр. / ред. Н. А. Ефимова ; ГПБ. — Л., 1982. — 154 с.
44. Морозов, А. Н. Патентная документация в библиотеках / А. Н. Морозов. — М. Книга, 1979. — 256 с.
45. Мотылев, В. М. Методологические проблемы количественных исследований в библиотековедении / В. М. Мотылев // Науч. и техн. 6-ки СССР. — 1981. — № 8. — С. 3–9.
46. Мотылев, В. М. Основные проблемы измерения в библиотековедении / В. М. Мотылев // Науч. и техн. 6-ки СССР. — 1984. — № 9. — С. 3–11.
47. Немировский, Е. Л. Что такое книговедение? / Е. Л. Немировский // В мире книг. — 1979. — № 11. — С. 3–4.
48. Общее и специфическое в информационных потребностях и условиях их удовлетворения : сб. науч. тр. / ГПБ. — Л., 1983. — 124 с.
49. Осипова, И. П. Государственные библиотеки союзных республик в библиотечной системе СССР : проблемы типологии / И. П. Осипова // Совет. библиотековедение. — 1983. — № 5. — С. 29–43.
50. Петрова, С. В. Получено ли новое знание? / С. В. Петрова // Науч. и техн. 6-ки СССР. — 1980. — № 5. — С. 12–19.
51. Повышение эффективности и качества научных исследований (заочная конференция) // Совет. библиотековедение. — 1980. — № 6. С. 29–47; 1981. — № 1. — С. 3–27.
52. Положение о библиотечном деле в СССР // Совет. библиотековедение. — 1984. — № 4. — С. 3–15.
53. Проблемы оптимизации функционирования библиотечных систем : сб. науч. тр. / ред. Н. А. Ефимова ; ГПБ. — Л., 1981. — Вып. 1. — 156 с.
54. Проблемы оценки библиотечной деятельности и совершенствования обслуживания читателей : сб. науч. тр. / ГПБ. — Л., 1985. — 139 с.
55. Проблемы повышения эффективности и качества работы библиотек : сб. науч. тр. / ГПБ. — Л., 1980. — 154 с.
56. Проблемы повышения эффективности научных исследований в библиотеках Сибири и Дальнего Востока : междуведомств. сб. науч. тр. / ГПНТБ СО РАН. — Новосибирск, 1984. — 156 с.
57. Ганицкая, И. И. Проблемы повышения эффективности форм и методов пропаганды книги и руководства чтением в массовых библиотеках / И. И. Ганицкая ; ГБЛ. — М., 1985. — 32 с.

58. Проблемы рационального размещения и использования библиотечных ресурсов в стране : сб. науч. тр. / ГБЛ. — М., 1984. — 177 с.
59. Проблемы упорядочения и стандартизации терминологии библиотековедения и смежных наук : сб. науч. тр. / ГБЛ. — М., 1979. — 72 с.
60. Профессиональная специализация и вопросы совершенствования подготовки библиотечных работников : сб. науч. тр. / ЛГИК. — Л., 1984. — 132 с.
61. Психология чтения и проблемы типологии читателей : сб. науч. тр. / ЛГИК. — Л., 1984. — 169 с.
62. Пузиков, Г. К. Библиотековедение в системе наук (методологические проблемы междисциплинарного изучения библиотечного дела) : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Г. К. Пузиков ; МГИК. — М., 1981. — 16 с.
63. Пузиков, Г. К. О методологии советского библиотековедения / Г. К. Пузиков // Науч. и техн. б-ки СССР — 1980. — № 10. — С. 3–6.
64. Работа с читателями : учеб. / Б. В. Банк, Л. В. Беляков, А. Н. Ванеев и др.; под ред. В. Ф. Сахарова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Книга, 1981. — 296 с.
65. Связь библиотечно-библиографических дисциплин с информатикой : сб. науч. тр. / науч. ред. И. Е. Баренбаум ; ЛГИК. — Л., 1982. — 160 с.
66. Серов, В. В. Библиотеки на этапе совершенствования развитого социализма / В. В. Серов // Совет. библиотековедение. — 1984. — № 6. — С. 3–22.
67. Серов, В. В. Новый законодательный акт о библиотечном деле / В. В. Серов // Совет. библиотековедение. — 1984. — № 4. — С. 15–24.
68. Серов, В. В. Совершенствование системы библиотек в развитом социалистическом обществе : вопросы теории и практики / В. В. Серов. — М. : Книга, 1981. — 272 с.
69. Сидоренко, В. С. Взаимодействие библиотековедения, библиографоведения и информатики как тип межнаучной интеграции : автореф. дис. канд. пед. наук В. С. Сидоренко ; ЛГИК. — Л., 1984. — 14 с.
70. Смирнова, Б. А. Руководство массовым чтением и формирование нового человека / Б. А. Смирнова // Совет. библиотековедение. — 1982. — № 5. — С. 46–54.
71. Соколов, А. В. Общее и специальное в современном библиотековедении / А. В. Соколов // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1981. — № 3. — С. 3–14.
72. Соколов, А. В. Социальные функции библиотечной и библиографической деятельности / А. В. Соколов // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1984. — № 6. — С. 19–27.

- психология чтения: тр. / ГБЛ. — М., 1979. — Т. 15. — 232 с.
Библиотекаря / отв. ред. Н. С. Карташов ; ГБЛ. — М.
— 303 с.
- ...ч, А. М. Стандартизация терминологии библиотечного дела
...олиграфии: философ. подход / А. М. Стахевич // Науч. и техн.
о-ки СССР. — 1980. — № 3. — С. 6–14.
76. Стельмах, В. Д. Современные проблемы социологических исследова-
ний чтения / В. Д. Стельмах // Совет. библиотековедение. — 1981.
№ 3. — С. 27–40.
77. Стешенко, И. А. Новое в советском законодательстве о библиотеч-
ном деле / И. А. Стешенко // Совет. библиотековедение. — 1984.
№ 6. — С. 3–22.
78. Столяров, Ю. Н. Библиотска структурно-функциональный под-
ход / Ю. Н. Столяров. — М. Книга, 1981. — 256 с.
79. Столяров, Ю. Н. О теоретических и методологических основах книги
«Библиотековедческие исследования» / Ю. Н. Столяров // Науч. и
техн. б-ки СССР. — 1979. — № 3. — С. 22–29.
80. Столяров, Ю. П. Структурно-функциональный анализ библиотеки
как системы — теоретико-методологическая основа повышения эф-
фективности и качества библиотечного обслуживания автореф.
дис. ... д-ра пед. наук / Ю. Н. Столяров ; МГИК. — М., 1982. — 29 с.
81. Тараканов, В. И. Библиотека и руководство чтением / В. И. Тарака-
нов // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1979. — № 11. — С. 3–9.
82. Терешин, В. И. Библиотека и руководство чтением / В. И. Тере-
шин // Совет. библиотековедение. — 1982. — № 5. — С. 54–63.
83. Терешин, В. И. С современных позиций / В. И. Терешин // Совет.
библиотековедение. — 1982. — № 4. — С. 103–107
84. Терешин, В. И. Специальное библиотековедение — сущность и про-
блемы / В. И. Терешин // Науч. и техн. б-ки СССР — 1981. — № 6. —
С. 16–28.
85. Тихомирова, И. И. О классификации читателей и дифференциро-
ванном руководстве чтением / И. И. Тихомирова // Совет. библиоте-
коведение. — 1978. — № 6. — С. 43–56.
86. Трубников, С. А. Культура чтения как критерий общей типологии
читателей / С. А. Трубников // Совет. библиотековедение. — 1980. —
№ 1. — С. 16–28.
87. Трубников, С. А. Обсуждение проблем специального библиотековедения / С. А. Трубников // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1980. — № 7.
С. 12–15.

88. Тугов, Ю. М. К определению эффективности индивидуального руководства чтением / Ю. М. Тугов, Л. И. Галинкин // Совет. библиотековедение. — 1984. — № 6. — С. 47–59.
89. Тугов, Ю. М. Психолого-педагогические основы классификации читателей / Ю. М. Тугов, А. П. Куликова // Совет. библиотековедение. — 1980. — № 4. — С. 51–65.
90. Узловые проблемы библиотечной науки // Совет. библиотековедение. — 1983. — № 3. — С. 51–64.
91. Управление библиотечным делом терминолог. слов. / Сост. И. М. Сулова, Г. К. Кузьмин; ГБЛ. — М., 1985. — 47 с.
92. Фирсов, В. Р. Сущностные функции библиотечной деятельности: культурол. подход / В. Р. Фирсов // Науч. и техн. б-ки СССР 1985. — № 5. — С. 15–20.
93. Фирсов, Г. Г. По поводу выделения специального библиотековедения / Г. Г. Фирсов, З. П. Оленева, Н. И. Карпова // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1980. — № 6. — С. 10–15.
94. Фрумин, И. М. О социальных функциях библиотечно-библиографических систем мысли в связи с дискуссией / И. М. Фрумин // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1985. — № 9. — С. 8–14.
95. Фрумин, И. М. Терминообразование и типология библиотек традиции и новаторство / И. М. Фрумин // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1979. — № 5. — С. 30–37.
96. Функции национальных библиотек в социалистических странах сб. науч. тр. / сост. В. М. Оськина; НРБ, Национальная б-ка им. Кирилла и Мефодия и др. — М. ГБЛ, 1981. — 134 с.
97. Хропач, А. Н. Проблемы дифференциации в современном библиотековедении / А. Н. Хропач // Совет. библиотековедение. — 1983. — № 3. — С. 34–41.
98. Чачко, А. С. Библиотечный специалист : особенности труда и профессионализации / А. С. Чачко. — Киев: Наук. думка, 1984. — 192 с.
99. Черняк, А. Я. Исследования в области библиотечного дела и библиографии о теории и теоретизировании / А. Я. Черняк // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1984. — № 8. — С. 18–27.
100. Черняк, А. Я. О предмете библиотековедения / А. Я. Черняк // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1981. — № 2. — С. 3–11.
101. Черняк, А. Я. Типология библиотек : проблемы и поиск / А. Я. Черняк // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1980. — № 5. — С. 3–12.
102. Чубарьян, О. С. Библиотековедение : проблемы теории : учеб. пособие / О. С. Чубарьян; ЛГИК. — Л., 1984. — 180 с.

103. Чубарьян, О. С. Человек и книга : социальные проблемы чтения / О. С. Чубарьян. — М. : Наука, 1978. — 112 с.
104. Шадрина, Ж. С. Основы экономики библиотечной деятельности учеб. пособие / Ж. С. Шадрина ; ЛГИК. — Л., 1983. — 64 с.
105. Шехурин, Д. Е. Вопросы теории и практики специальных библиотек / Д. Е. Шехурин // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1979. — № 8. — С. 11–18.
106. Эффективность методов руководства чтением молодежи в массовых библиотеках учеб. пособие / под науч. ред. Б. В. Банка ЛГИК. — Л., 1982. — 127 с.

Библиотекосведение в годы перестройки (1986–1991 гг.)

1. Абрамов, К. И. Жизненность наследия Н. К. Крупской по библиотечному делу / К. И. Абрамов // Совет. библиотекосведение. — 1988. № 2. — С. 3–10.
2. Актуальные проблемы терминологии библиотечного дела : сб. науч. тр. / Гос. б-ка ЛатвССР им. В. Лациса. — Рига, 1989. — 147 с.
3. Амлинский, Л. З. Композиционно-планировочные решения и техническое оснащение научных библиотек. — Киев : Наукова думка, 1988. — 296 с.
4. Андреева, И. М. Что положить в основу подготовки специалиста высшей квалификации? / И. М. Андреева, Н. А. Сляднева, Л. В. Трапезникова // Совет. библиотекосведение. — 1988. — № 3. — С. 26–31.
5. Афанасьев, М. Д. Социальные и культурные функции массовой библиотеки / М. Д. Афанасьев // Роль книги и чтения в культурном развитии : материалы междунар. семинара ИФЛА. — Л., 1987. — С. 182–192.
6. Басов, С. А. Управление библиотечным делом от монополии на власть — к разделению власти / С. А. Басов // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1990. — № 3. — С. 3–11.
7. Басов, С. А. Что мешает нашему движению вперед? / С. А. Басов // Совет. библиотекосведение. — 1987. — № 5. — С. 21–26.
8. Бачалдин, Б. Н. Резервы централизации (размышления участника совещания) / Б. Н. Бачалдин // Совет. библиотекосведение. — 1987. — № 5. — С. 11–21.
9. Беседа с И. М. Фруминим // Совет. библиотекосведение. — 1987. № 6. — С. 35–40.
10. Бендерский И. Л. Приглашение к диалогу / И. Л. Бендерский, В. И. Харламов // Совет. библиотекосведение. — 1991. — № 5. С. 35–45.

11. Библиотека и досуг : метод. рекомендации / сост. Е. Д. Галенко и др. ; ГПБ. — Л., 1990. — 132 с.
12. Библиотека с человеческим лицом / Е. Г. Астапович, А. З. Грабова, В. А. Доброва и др. // Совет. библиогр. — 1990. — № 1. — С. 3–10.
13. Библиотековедение. общий курс : учеб. / К. И. Абрамов, А. Н. Ванеев, В. В. Скворцов и др. ; под ред. К. И. Абрамова, Н. С. Карташова. — М. : Кн. палата, 1988. — 224 с.
14. Библиотечная педагогика программа курса по выбору студента / Сост. А. Я. Айзенберг ; МГИК. — М., 1986. — 44 с.
15. Библиотечное дело : основные термины и определения. — М. : Изд-во стандартов, 1981. — 13 с.
16. Библиотечное дело : терминолог. слов. / М. : Книга, 1986. — 224 с.
17. Бобылева, Н. В. Пути построения методологической модели библиотековедения / Н. В. Бобылева // Проблемы библиотековедения, библиографоведения и книговедения. — Кишинев, 1990. — С. 20–23.
18. В. И. Ленин о библиотечном деле. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Кн. палата, 1987. — 656 с.
19. Ванеев, А. Н. Воздействие на чтение в условиях библиотеки / А. Н. Ванеев // Совет. библиотековедение. 1986. — № 5. С. 17–25.
20. Ванеев, А. Н. Методологические проблемы исследования развития библиотековедения / А. Н. Ванеев // Перспективы развития библиотечного дела в Украинской ССР. — Киев, 1990. — Ч. 1. — С. 9–10.
21. Ванеев, А. Н. Проблемы руководства чтением в отечественном библиотековедении / А. Н. Ванеев // Совет. библиотековедение. 1991. — № 3. — С. 15–21.
22. Ванеев, А. Н. Развитие библиотековедческой мысли в России в начале XX века : учеб. пособие / А. Н. Ванеев. — СПб., 1999. — 70 с.
23. Ванеев, А. Н. Развитие советского библиотековедения 1917–1982 / А. Н. Ванеев. — Мартин Матица Словенская, 1987. — 327 с.
24. Ванеев, А. Н. Разработка общетеоретических проблем библиотековедения в России в 1978–1985 гг. / А. Н. Ванеев. — СПб., 2000. — 68 с.
25. Ванеев, А. Н. Социально-информационные проблемы библиотековедения и библиографоведения / А. Н. Ванеев // Науч. и техн. 6-ки СССР. — 1987. — № 11. — С. 25–28.
26. Виноградов, Л. К. В. И. Ленин и библиотечное дело / сост. К. И. Абрамов // Вопр. истории КПСС. — 1988. — № 12. — С. 133–137.
27. Волкова, С. И. Руководство чтением : учеб. пособие / С. И. Волкова, Г. М. Брагина, Н. С. Русавская. — Харьков, 1989. — 84 с.

28. Ганицкая, И. И. И научная, и публичная ... / И. И. Ганицкая // Совет. библиотековедение. — 1991. — № 1. — С. 66–68.
29. Грачев, В. И. Библиотека в системе социально-коммуникативной деятельности и проблема подготовки специалистов нового профиля / В. И. Грачев, Л. И. Рудич // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1989. — № 6. — С. 3–6.
30. Гудков, Л. Д. Литературная культура : процесс и рацион / Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин // Дружба народов. — 1988. — № 2. — С. 168–189.
31. Гусева, Л. Н. Роль исследовательской, методической и информационной деятельности в управлении развитием крупной научной библиотеки / Л. Н. Гусева, Т. Н. Данченко, Е. В. Смолина // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1991. — № 3. — С. 3–9.
32. Дворкина, М. Я. Библиотечная среда и библиотечное влияние : к постановке вопр. / М. Я. Дворкина // Совет. библиотековедение. 1991. — № 1. — С. 26–29.
33. Дворкина, М. Я. О возможных путях совершенствования библиотечного обслуживания / М. Я. Дворкина // Совет. библиотековедение. — 1987. — № 1. — С. 69–71.
34. Демешко, Л. А. Библиотека как хранитель общечеловеческих ценностей / Л. А. Демешко // Совет. библиотековедение. — 1991. — № 4. С. 22–28.
35. Джерелиевская, М. М. Новый подход к работе с читателями в работе библиотек : конспект лекций. М. К. Джерелиевская. — М., 1989. — 26 с.
36. Добрынина, П. Е. Нет плохих читателей — есть формы работы, которые устарели / П. Е. Добрынина, С. Г. Матлина // Библиотекарь. — 1990. — № 7. — С. 9–12.
37. Дубровская, М. М. К вопросу о социальных функциях английских и американских публичных библиотек / М. М. Дубровская // Библиотековедение и библиогр. за рубежом. — 1988. — Вып. 17. — С. 109–120.
38. Зазерский, Е. Я. Библиотечная профессия сегодня и завтра (программа исследования) / Е. Я. Зазерский, А. В. Соколов // Совет. библиотековедение. — 1988. — № 2. — С. 18–30.
39. Игумнова Н. П. Советское библиографоведение : направления перестройки / Н. П. Игумнова, О. П. Коршунов // Совет. библиография. — 1987. — № 1. — С. 3–10.
40. Инькова Л. М. Нашим постоянным читателям / Л. М. Инькова // Совет. библиотековедение. — 1990. — № 1. — С. 13–19.
41. История и перспективы библиотечного образования : сб. ст. / науч. ред. Н. И. Сергеева ; ЛГИК. — Л., 1988. — 214 с.

42. Карташов, Н. С. Библиография и перестройка / Н. С. Карташов, С. И. Коровицына, Э. О. Майо-Знак // Совет. библиогр. — 1987. № 6. — С. 11–20.
43. Карташов, Н. С. Задачи перестройки научно-исследовательской работы по библиотечному делу / Н. С. Карташов // Совет. библиотековедение. — 1987. — № 3. — С. 3–16.
44. Карташов, Н. С. От констатации к глубокому осмыслению / Н. С. Карташов // Совет. библиотековедение. — 1990. — № 1. — С. 8–13.
45. Карташов, Н. С. Читатель — библиотека — книга / Н. С. Карташов // Актуальные вопросы библиотечной работы. — М., 1988. — С. 12–24.
46. Клещук, С. Е. Библиотечное дело в СССР причины застоя и пути перестройки / С. Е. Клещук // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1990. — № 1. — С. 3–7.
47. Ключев, В. К. Экономическое обеспечение деятельности библиотек учеб. пособие / В. К. Ключев, А. М. Чукаев. — М. : МГИК, 1991. — 76 с.
48. Книга и чтение в зеркале социологии : сб. статей / сост. В. Д. Стельмах, Н. К. Лобачев ; ГБЛ. — М. Кн. палата, 1990. — 208 с.
49. Коновалова, М. А. Новый учебник по библиотековедению / М. А. Коновалова, А. И. Остапов // Совет. библиотековедение. — 1989. — № 4. — С. 79–81.
50. Концепция библиотечного дела в СССР // Библиотекарь. — 1990. — № 5. — Вставка. — 16 с.
51. Концепция развития библиотечного дела в РСФСР до 2005 года // Библиотекарь. — 1989. — № 11. — Вставка. — 16 с.
52. Крейденко, В. С. Исследовательские методы в библиотековедении современное состояние и пути повышения эффективности : автореф. дис. ... д-ра пед. наук / В. С. Крейденко. — М., 1988. — 34 с.
53. Куштанина, Л. И. Формировать новое профессиональное сознание : (к итогам Всесоюзн. науч. конф.) / Л. И. Куштанина // Совет. библиотековедение. — 1990. — № 6. — С. 3–11.
54. Лукашов, И. В. Взгляды советских специалистов на статус библиотековедения (20-е — 30-е годы) / И. В. Лукашов // Совет. библиотековедение. — 1991. — № 2. — С. 50–59.
55. Лукашов, И. В. Развитие представлений о статусе библиотековедения в дореволюционной России / И. В. Лукашов // Совет. библиотековедение. — 1989. — № 6. — С. 17–23.
56. Лукашов, И. В. Статус библиотековедения в оценке специалистов / И. В. Лукашов // Совет. библиотековедение. 1988. — № 3. С. 53–69.

57. Малевич, Е. Н. Публицистика или наука? / Е. Н. Малевич // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1990. — № 10. — С. 15–18.
58. Массовая библиотека на пути перемен метод. рекомендации / ред.-сост. Л. М. Еремина.— М. : ГБЛ, 1990. — 95 с.
59. Матлина, С. Г. Библиотечное обслуживание как диалог / С. Г. Матлина // Совет. библиотековедение. — 1990. — № 6. — С. 43–51.
60. Матлина, С. Г. Не отказываться от достигнутого / С. Г. Матлина // Совет. библиотековедение. — 1991. — № 3. — С. 21–37.
61. Матлина, С. Г. Пособие по проблемам руководства чтением / С. Г. Матлина // Совет. библиотековедение. — 1987. — № 1. — С. 84–86.
62. Матлина, С. Г. Традиции и новаторство в работе с читателями (заметки о «круглом столе») / С. Г. Матлина // Совет. библиотековедение. — 1990. — № 3. — С. 51–55.
63. Мелентьева, Ю. П. Каким быть курсу «Работа с читателем»? Ю. П. Мелентьева // Совет. библиотековедение. — 1991. — № 1. — С. 21–25.
64. Методы исследований в библиотечной теории и практике : сб. науч. тр. / ЛГИК. — Л., 1991. — 114 с.
65. Мильман, В. А. Общетеоретическая проблематика в отечественном библиотековедении начала XX века / В. А. Мильман // Совет. библиотековедение. — 1989. — № 6. — С. 9–17.
66. Мильман, В. А. Состояние библиотечной теории в России в конце XIX — начале XX века / В. А. Мильман // Библиотековедение и библиогр. — Харьков, 1984. — Вып. 24. — С. 26–31.
67. Мильман, В. А. Становление советского библиотековедения как общественной науки : авторсф. дис. ... канд. пед. наук / В. А. Мильман ; МГИК. — М., 1987. — 16 с.
68. Михнова, И. Б. ... Лица необщим выраженьем: размышления социолога / И. Б. Михнова // Библиотекарь. — 1990. — № 6. — С. 15–17.
69. Моргенштерн, И. Г. Библиотечное дело и библиография / И. Г. Моргенштерн // Совст. библиотековедение. — 1986. — № 1. — С. 99–104.
70. Моргенштерн, И. Г. Проблемы профессионального знания : (заметки читателя спец. лит.) / И. Г. Моргенштерн // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1986. — № 12. — С. 13–16.
71. Мотульский, Р. С. Еще один подход к типологии библиотек / Р. С. Мотульский // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1990. — № 10. — С. 8–15.
72. Мотылев, В. М. Основы количественных исследований в библиотечной теории и практике / В. М. Мотылев. — Л. : Наука, 1988. — 198 с.

73. Н. К. Крупская и совершенствование духовной культуры советского общества : сб. науч. тр. / МГИК. — М., 1988. — 128 с.
74. На пороге нового этапа // Совет. библиотековедение. — 1987. — № 6. — С. 25–33.
75. Назмутдинов, И. К. Библиотеки реализуют решения XXVII съезда КПСС / И. К. Назмутдинов // Актуальные вопросы библиотечной работы. — М., 1988. — С. 3–11.
76. Обсуждаются проблемы единой системы библиотек (материал «круглого стола») // Совет. библиотековедение. — 1988. — № 2. С. 41–45.
77. Организация индивидуального руководства чтением метод. рекомендации / ГБЛ. — М., 1989. — 48 с.
78. Осипова, И. П. Сравнительные исследования в социалистическом библиотековедении / И. П. Осипова // Библиотековедение и библиогр. за рубежом. — 1988. — Вып. 116. — С. 3–13.
79. Перестройка и библиотечная наука глазами ученых // Совет. библиотековедение. — 1988. — № 4. — С. 3–16; № 5. — С. 3–9.
80. Перечитывая Ленина : ленинские взгляды и современные проблемы библиотечного строительства // Библиотекарь. — 1991. — № 4. С. 12–22.
81. Проблемы интеграции социально-коммуникативных наук в социалистическом обществе сб. науч. тр. / ЛГИК. — Л., 1987. — 144 с.
82. Проблемы истории библиотечного дела : («круглый стол») // Совет. библиотековедение. — 1989. — № 4. — С. 23–44; № 5. — С. 15–34.
83. Проблемы межведомственного взаимодействия в условиях единой системы библиотек : сб. науч. тр. / ГБЛ. — М., 1988. — 130 с.
84. Проблемы теории и практики моделирования деятельности универсальной научной библиотеки как информационного центра : сб. науч. тр. / ГПБ. — Л., 1987. — 138 с.
85. Развитие библиотечной теории и практики на современном этапе межвуз. сб. науч. тр. / МГИК. — М., 1989. — 132 с.
86. Ратникова, Е. И. Сопровождение разработчиков концепции библиотечного дела / Е. И. Ратникова // Совет. библиотековедение. — 1990. № 1. — С. 82–84.
87. Рекомендации Всесоюзной научной конференции «В. И. Ленин и современные проблемы библиотечной науки и практики» (г. Ульяновск, 22–23 мая 1990 г.) // Совет. библиотековедение. — 1990. № 6. — С. 12–14.
88. Руководство чтением в библиотеке : учеб. пособие / подгот. А. Н. Ванесв и др. ; ЛГИК. — Л., 1987. — 66 с.

89. Руководство чтением в ЦБС : метод. рекомендации / сост. М. И. Губанова, О. С. Либова ; ГПБ. — Л., 1989. — 108 с.
90. Селиверстова, Е. Т. Функциональный характер потребностей как основа типологии библиотек / Е. Т. Селиверстова // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1991. — № 4. — С. 6–12.
91. Серов, В. В. Повышать эффективность централизованных библиотечных систем / В. В. Серов // Совет. библиотековедение. — 1989. — № 3. — С. 3–12.
92. Скворцов, В. В. Как повысить точность библиотековедческого знания / В. В. Скворцов // Совет. библиотековедение. — 1989. — № 6. — С. 76–79.
93. Скворцов, В. В. «Национальная библиотека» что это такое / В. В. Скворцов // Библиотекарь. — 1990. — № 1. — С. 25.
94. Скворцов, В. В. Современное буржуазное библиотековедение лекция / В. В. Скворцов ; МГИК. — М., 1986. — 32 с.
95. Скворцов, В. В. Философско-методологическая и идейно-теоретическая сущность библиотековедения стран социалистического содружества / В. В. Скворцов // Библиотековедение и библиогр. за рубежом. — 1988. — Вып. 119. — С. 3–14.
96. Сляднева, Н. А. Библиография как сущность и основа библиотечных процессов / Н. А. Сляднева // Совет. библиотековедение. — 1988. — № 5. — С. 27–30.
97. Смолина, Е. В. Теоретико-методологические основы изучения общения в библиотеке : аналитич. обзор / Е. В. Смолина ; БАН. — Л., 1989. — 58 с.
98. Соколов, А. В. Информационный подход к документной коммуникации: учеб. пособие / А. В. Соколов ; ЛГИК. — Л., 1988. — 86 с.
99. Соколов, А. В. О модели библиотечного образования на пороге XXI века / А. В. Соколов // Библиотекарь. — 1990. — № 5. — С. 14–18.
100. Соколов, А. В. Обоюдострый принцип партийности / А. В. Соколов // Совет. библиотековедение. — 1990. — № 1. — С. 44–54.
101. Соколов, А. В. Пути преодоления кризиса / А. В. Соколов // Библиотекарь. — 1990. — № 11. — С. 35–42.
102. Соколов, А. В. Сущность и функции библиотеки / А. В. Соколов // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1987. — № 1. — С. 43–45.
103. Социально-информационные проблемы библиотековедения и библиографоведения : сб. науч. тр. / ЛГИК. — Л., 1986. — 156 с.

104. Стахевич, А. М. Проблемы стандартизации в области библиотечного дела / А. М. Стахевич // Науч. и техн. 6-ки СССР — 1988. — № 3. — С. 3–10.
105. Стельмах, В. Д. Библиотека в оценке и представлениях современного читателя / В. Д. Стельмах // Совет. библиотековедение. — 1987 № 2. — С. 12–20.
106. Стельмах, В. Д. На каком фундаменте строить? Взгляд социолога на стереотипы библиотечной идеологии / В. Д. Стельмах // Библиотекарь. — 1990. — № 7. — С. 2–6.
107. Столяров, Ю. Н. Библиотека структурно-функциональный подход / Ю. Н. Столяров. — М. Книга, 1981. — 255 с.
108. Столяров, Ю. Н. В. И. Ленин швейцарско-американская система или централизация? // Совет. библиотековедение. — 1991. — № 5. — С. 24–35.
109. Столяров, Ю. Н. Главное предназначение / Ю. Н. Столяров // Библиотекарь. — 1990. — № 4. — С. 16–17.
110. Столяров, Ю. Н. За что же взимать плату? / Ю. Н. Столяров // Совет. библиотековедение. — 1990. — № 1. — С. 26–35.
111. Столяров, Ю. Н. Ленинское наследие — достояние современности / Ю. Н. Столяров // Совет. библиотековедение. — 1990. — № 6. — С. 16–25.
112. Столяров, Ю. Н. Ю. В. Григорьев (1899–1973) / Ю. Н. Столяров. — М. : Кн. палата, 1989. — 224 с.
113. Теоретические проблемы работы с читателями и оптимизация подготовки библиотекарей-библиографов высшей квалификации сб. науч. тр. / МГИК. — М., 1986. — 126 с.
114. Теоретическое наследие Н. К. Крулской по вопросам библиотечного дела и его влияния на перестройку работы библиотек: (материалы Всесоюз. науч.-практ. конф., состоявшейся 28 февр. — 2 марта 1989 г. в г. Уфе). — Уфа, 1990. — 93 с.
115. Терешин, В. И. Новый учебник — новая концепция курса / В. И. Терешин // Науч. и техн. 6-ки СССР — 1989. — № 9. — С. 46–48.
116. Терешин, В. И. Ответ оппоненту / В. И. Терешин // Науч. и техн. 6-ки СССР. — 1991. — № 10. — С. 20–24.
117. Терешин, В. И. Педагогические аспекты деятельности советских библиотек учеб. пособие / В. И. Терешин МГИК. — М., 1988. — 56 с.
118. Терешин, В. И. Плюрализм или партийность? / В. И. Терешин // Совет. библиотековедение. — 1990. — № 1. — С. 41–43.

119. Терешин, В. И. Полидисциплинарная сущность библиотечных процессов / В. И. Терешин // Совет. библиотековедение. — 1989. — № 3. — С. 59–62.
120. Терешин, В. И. Пути перестройки специальных дисциплин в системе высшего библиотечно-библиографического образования / В. И. Терешин // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1987. — № 6. — С. 3–9.
121. Терешин, В. И. Руководство чтением или библиотечная педагогика? / В. И. Терешин // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1990. — № 2. — С. 29–35.
122. Тюлина, Н. И. Библиотека — обществу или общество библиотеке? / Н. И. Тюлина // Библиотекарь. — 1989. — № 9. — С. 2–4.
123. Тюлина, Н. И. Библиотечное дело и научно-техническая революция : (к разработке концепции) / Н. И. Тюлина // Библиотековедение и библиогр. за рубежом. — 1987. — Вып. 112. — С. 3–16.
124. Тюлина, Н. И. Национальная библиотека опыт типол. анализа / Н. И. Тюлина. — М. Кн. палата, 1988. — 184 с.
125. Тюлина, Н. И. Новая техника и проблемы общедоступности библиотечного обслуживания / Н. И. Тюлина // Совет. библиотековедение. — 1990. — № 1. — С. 3–8.
126. Тюлина, Н. И. О единстве системы советских библиотек / Н. И. Тюлина // Совет. библиотековедение. — 1987. — № 5. — С. 31–37.
127. Тюлина, Н. И. О некоторых аспектах культурной миссии национальных библиотек / Н. И. Тюлина // Совет. библиотековедение. — 1990. — № 4. — С. 19–27.
128. Тюлина, Н. И. Основные положения концепции библиотечного дела в СССР на рубеже XXI века / Н. И. Тюлина // Библиотекарь. — 1991. — № 1. — С. 46–53.
129. Универсальная научная библиотека современное состояние, перспективы развития / ГБЛ. — М., 1990. — 16 с.
130. Фенелонов, Е. А. Массовые библиотеки в двенадцатой пятилетке развитие сети и совершенствование деятельности / Е. А. Фенелонов // Актуальные вопросы библиотечной работы. — М., 1987. С. 3–17.
131. Фирсов, В. Р. Библиотека в социокультурной ситуации / В. Р. Фирсов // Совет. библиотековедение. — 1989. — № 4. — С. 12–17.
132. Фирсов, В. Р. Новый учебник по библиотековедению / В. Р. Фирсов // Совет. библиотековедение. — 1989. — № 4. — С. 75–78.
133. Фокеев, В. А. Библиографическое знание в библиотеке / В. А. Фокеев // Совет. библиотековедение. — 1989. — № 1. — С. 58–62.

134. Харламов, В. И. Феномен библиотечной идеологии с позиций историка / В. И. Харламов // Совет. библиотековедение. — 1991. — № 2. — С. 41–49.
135. Хропач, А. Н. Новый учебник по библиотековедению / А. Н. Хропач // Совет. библиотековедение. — 1989. — № 6. — С. 3–7.
136. Хропач, А. Н. Принципиальные подходы к перестройке высшего библиотечного образования / А. Н. Хропач // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1990. — № 6. — С. 24–27.
137. Чачко, А. С. Библиотечная профессиология : актуальные проблемы и новые аспекты / А. С. Чачко // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1987. № 12. — С. 3–8.
138. Чачко, А. С. Истоки и предпосылки формирования библиотечной профессиологии / А. С. Чачко // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1988. — № 8. — С. 3–12.
139. Черняк, А. Я. «Национальная библиотека» что это такое / А. Я. Черняк // Библиотекарь. — 1990. — № 1. — С. 24–25.
140. Черняк, А. Я. Несколько мыслей по поводу одной дискуссии / А. Я. Черняк // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1990. — № 1. — С. 19–25.
141. Черняк, А. Я. О руководстве чтением, рекомендательной библиографии, а также о термине «biblion» / А. Я. Черняк // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1991. — № 10. — С. 25–26.
142. Черняк, А. Я. По поводу «информотеки», «социофолога» и некоторых других вещей / А. Я. Черняк // Науч. и техн. б-ки СССР. 1989. — № 6. — С. 6–9.
143. Что заложить в концепцию развития библиотечного дела // Совет. библиотековедение. — 1989. — № 5. — С. 3–14.
144. Эталон нового профессионального мышления // Совет. библиотековедение. — 1991. — № 3. — С. 73–80.
145. Яцкунас, Ж. С. Методологические принципы определения функций библиотек / Ж. С. Яцкунас // Науч. и техн. б-ки в СССР. 1986. — № 4. — С. 18–21.

Библиотековедение в Российской Федерации (1992–2000 гг.)

1. Абрамов, К. И. Швейцарско-американская система и централизация библиотечного дела / К. И. Абрамов // Библиотека. — 1992. № 9/10. — С. 11–14.
2. Акилина, М. И. Документ или информация / М. И. Акилина // Библиотека. — 1997. — № 3. — С. 40–42.
3. Акилина, М. И. Информационная функция как понятие / М. И. Акилина // Библиотека. — 1999. — № 10. — С. 30–32.

4. Акилина, М. И. Сущностная природа библиотеки / М. И. Акилина // Библиотековедение. — 1991. — № 5/6. — С. 132–135.
5. Акилина, М. И. Философское определение современной библиотеки / М. И. Акилина // Библиотековедение. — 1996. — № 4/5. — С. 94–95.
6. Алтухова, Г. А. Новые приоритеты руководства чтением / Г. А. Алтухова // Библиотека. — 1994. — № 8. — С. 70–72.
7. Алтухова, Г. А. Профессиональная этика библиотекаря учеб. пособие / Г. А. Алтухова; МГУКИ. — М.: Профиздат, 1996. — 90 с.
8. Бачалдин, Б. Н. Научно-методические службы: состояние и перспективы / Б. Н. Бачалдин // Науч. и техн. б-ки. — 1994. — № 10. — С. 22–44.
9. Бачалдин, Б. Н. Нужны аргументы и объективность / Б. Н. Бачалдин, В. В. Серов // Библиотековедение. — 1995. — № 1. — С. 52–54.
10. Бачалдин, Б. Н. Что и как осмысливать библиотековедам / Б. Н. Бачалдин, Л. М. Инькова // Библиотековедение. — 1993. — № 5/6. — С. 72–79.
11. Белобратова, Т. А. Проблемы типологии библиотек: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Т. А. Белобратова; СПбГУКИ. — СПб., 1993. — 16 с.
12. Бердяев, Н. А. Русская идея / Н. А. Бердяев. — Харьков: Фолио; М.: АСТ, 1999. — 397 с.
13. Библиотека для России. Новые тенденции и традиционные ценности // Библиотековедение. — 1999. — № 2. — С. 28–47.
14. Библиотска и общество в России 90-х годов XX века. — М., 1994. — С. 12–18.
15. Библиотеки в контексте истории: тез. докл. и сообщ. науч. конф. (8–10 июня 1995 г., Москва) / МГУКИ; Моск. библ. ассоц. — М.: Клуб «Реалисты», 1995. — 189 с.
16. Библиотеки и библиотечное дело в США комплекс. подход / Р. С. Гиляревский, Ю. П. Нюкша, Б. П. Каневский и др.; под ред. В. В. Попова. — М.: Информ-система, 1992. — 295 с.
17. Библиотеки — обществу: на пороге нового века: К 10-летию библиотечного демократического движения в России: сб. ст. / сост. Б. Ф. Володин; петербургское библиотечное о-во. — СПб., 1999. — 364 с.
18. Библиотеки страны в новых социально-экономических условиях: сб. науч. тр. / ред. С. В. Петрова; сост. Л. И. Куштанниа, Е. И. Ратникова. — М.: РГБ, 1994. — 103 с.
19. Библиотековедение в социально-философском контексте: материалы «круглого стола» / Петерб. библ. шк. — 1997. — № 1. — С. 2–4; № 2. — С. 1–39.

20. Библиотекведение вчера, сегодня, завтра : тез. докл. и сообщ. науч. конф. — М., 1996. — Ч. 1. — 145 с.
21. Библиотекведение : исследования, история и современность : сб. науч. тр. — М., 1995. — 206 с.
22. Библиотекведение : Общий курс : учеб. / К. И. Абрамов, А. Н. Ванев, В. В. Скворцов и др.; под ред. К. И. Абрамова, Н. С. Карташова. — М. : Кн. палата, 1988. — 224 с.
23. Библиотечная профессиология проблемы становления и развития. — СПб., 1992. — 138 с.
24. Библиотечное дело—2000 : Проблемы формирования открытого информационного общества : тез. докл. 5-й междунар. науч. конф. — М., 2000. — Ч. 1. — 252 с.
25. Библиотечное дело и демократия : тез. докл. и сообщ. науч. конф. (8–19 апр., 1997 г., Москва) / науч. ред. В. В. Скворцов ; МГУКИ — М., 1997. — Ч. 1. — 163 с.
26. Библиотечное дело и проблемы информатизации общества тез. докл. междунар. науч. конф. (Москва, 27–28 апр. 1999 г.) / сост. Л. И. Алешин; науч. ред. В. В. Скворцов. — М. : МГУК, 1999. — Ч. 1. — 222 с.
27. Библиотечное дело на пороге XXI века : тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. — М., 1998. — Ч. 1. — 177 с.
28. Библиотечное дело : состояние, традиции, новации : межвуз. сб. науч. тр. — Челябинск, 1994. — С. 31–43.
29. Библиотечное дело терминолог. слов. — 3-е изд., значит. перераб. и доп. — М., 1997. — 168 с.
30. Бобылева, Н. В. Библиотекведение как наука и учебная дисциплина / Н. В. Бобылева // Библиотекведение. — 1994. — № 5/6. С. 139–141.
31. Бобылева, Н. В. Библиотекведение методология и теория учеб. пособие / Н. В. Бобылева. — М., 1992. — 40 с.
32. Бубекина, Н. В. Размышления об образовательной функции библиотеки / Н. В. Бубекина // Библиотекведение. — 2000. — № 5. С. 29–36.
33. В. И. Ленин о библиотечном деле. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Кн. палата, 1987. — 656 с.
34. Ванев, А. Н. Библиотекведение в России во второй половине XIX века : учеб. пособие / А. Н. Ванев ; СПбГАК — СПб., 1999. — 70 с.
35. Ванев, А. Н. Библиотекведение в России в конце XX века / А. Н. Ванев // Библиотекведение. — 2000. — № 2. — С. 26–32.

36. Ванеев, А. Н. Библиотекведение в России в первой половине XIX века учеб. пособие / А. Н. Ванеев ; СПбГАК. — СПб., 1995. — 60 с.
37. Ванеев, А. Н. Библиотекведение — информационная наука : теоретические основы нашей профессии / А. Н. Ванеев // Библиотека. — 1997. — № 5. — С. 47–48.
38. Ванеев, А. Н. К дискуссии о руководстве чтением / А. Н. Ванеев // Науч. и техн. б-ки. — 1992. — № 6. — С. 24–29.
39. Ванеев, А. Н. О «кризисе» и «застое» в отечественном библиотекведении / А. Н. Ванеев // Библиотекведение. — 1996. — № 1. С. 10–19.
40. Ванеев, А. Н. О новом терминологическом словаре по библиотечному делу / А. Н. Ванеев // Науч. и техн. б-ки. — 1996. — № 10. С. 46–51.
41. Ванеев, А. Н. Об объекте библиотекведения и методической работе / А. Н. Ванеев // Науч. и техн. б-ки. — 1992. — № 1. — С. 28–30.
42. Ванеев, А. Н. Проблемы философии библиотеки / А. Н. Ванеев // Книга : исслед. и материалы. — М., 1999. — Вып. 76. — С. 69–79.
43. Ванеев, А. Н. Развитие библиотекведческой мысли в России (XI — начало XX века) / А. Н. Ванеев. — М. : Пашков дом, 2003. — 304 с.
44. Ванеев, А. Н. Развитие библиотекведческой мысли в России в XI–XVIII веках : учеб. пособие / А. Н. Ванеев ; СПбГАК. — 62 с.
45. Ванеев, А. Н. Развитие библиотекведческой мысли в России в начале XX века : учеб. пособие / А. Н. Ванеев ; СПбГУКИ. — СПб., 1999. — 70 с.
46. Ванеев, А. Н. Развитие библиотекведческой мысли в СССР / А. Н. Ванеев. — М. : Книга, 1980. — 232 с.
47. Ванеев, А. Н. Разработка общетеоретических проблем библиотекведения в России в 1978–1985 гг. учеб. пособие / А. Н. Ванеев СПбГУКИ. — СПб., 2000. — 68 с.
48. Ванеев, А. Н. Философия библиотеки как теоретико-методологическая база библиотекведческих исследований / А. Н. Ванеев // Анис (Душанбе). — 1999. — № 3/4. — С. 12–20.
49. Возрождение культуры России : книжно-библиотечное дело : сб. статей. — СПб. : Знание, 1997. — Вып. 5. — 112 с.
50. Воробьева, К. И. Отечественная библиологическая психология : история, состояние, перспективы / К. И. Воробьева. — СПб. : МП РИЦ «Культ-информ.пресс», 1996. — 312 с.
51. Галиуллина, Г. С. Библиотеки России возвращение в Европу / Г. С. Галиуллина // Библиотекведение. — 1992. — № 3/4. — С. 3.

52. Грачев, В. И. Библиотекарь в системе социально-коммуникационной деятельности / В. И. Грачев // Науч. и техн. б-ки. — 1992. — № 6. — С. 11–15.
53. Гречихин, А. А. Библиотиология — факт истории или научная перспектива? / А. А. Гречихин // Библиогр. — 2000. — № 2. — С. 26–31.
54. Гришин, А. В. Предложения по классификации библиотек / А. В. Гришин, А. М. Уланова // Науч. и техн. б-ки. — 1994. — № 5. — С. 3–22.
55. Гусева, Л. Н. Библиотековедение — нормативный подход (понимающая парадигма мышления) / Л. Н. Гусева, Е. В. Смолина ; РНБ. СПб., 1997. — 207 с.
56. Гусева, Л. Н. Методология исследования социокультурных аспектов библиотечного обслуживания автореф. дис. канд. пед. наук / Л. Н. Гусева ; СПбГУКИ. — СПб., 1999. — 17 с.
57. Гусева, Л. Н. Национальная самобытность и национальная библиотека : Контуры концепции для России / Л. Н. Гусева // Библиотековедение. — 1999. — № 2. — С. 14–27.
58. Гусева, Л. Н. Профессиональная идеология, философия библиотечного дела и библиотековедение / Л. Н. Гусева // Библиотековедение. — 1996. — № 1. — С. 19–32.
59. Дворкина, М. Я. Библиотечная философия : что это? / М. Я. Дворкина // Библиотековедение. — 1996. — № 1. — С. 103–107.
60. Дворкина, М. Я. Библиотечное обслуживание Новая реальность лекции / М. Я. Дворкина ; МГУКИ. — М. : Профиздат, 2000. — 48 с. — (Серия «Современная библиотека»).
61. Дворкина, М. Я. Библиотечное обслуживание Теоретический аспект : моногр. / М. Я. Дворкина ; МГИК. — М., 1993. — 248 с.
62. Дворкина, М. Я. Об изменении библиотечного обслуживания и о библиотечной профессии / М. Я. Дворкина // Библиотековедение. — 1997. — № 5/6. — С. 27.
63. Дворкина, М. Я. От идеологии к философии библиотечного дела / М. Я. Дворкина // Библиотековедение. 1994. — № 2 (6). — С. 51–53.
64. Дворкина, М. Я. Этические аспекты свободного доступа к информации в библиотеке / М. Я. Дворкина // Мир библиотек сегодня науч.-информ. сб. — М., 1995. — Вып. 2. — С. 3–13.
65. Дискуссионный клуб «Термин» // Науч. и техн. б-ки. — 2000. — № 5. — С. 108.

66. Диянская, Г. П. Принцип равных возможностей в тифлобиблиотекостроении / Г. П. Диянская ; Рос. гос. б-ка для слепых. — М., 1998. — 344 с.
67. Диянская, Г. П. Принцип равных возможностей в тифлобиблиотекостроении и библиотечном обслуживании инвалидов по зрению : автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Г. П. Диянская ; МГУК. — М., 1998. — 32 с.
68. Жадько, Н. В. Анализ сущностных характеристик библиотеки как социокультурного института / Н. В. Жадько // Библиотековедение. — 1996. — № 3. — С. 54–64.
69. Жадько, Н. В. Статус и функции библиотеки / Н. В. Жадько // Науч. и техн. б-ки. — 1994. — № 3. — С. 3–12.
70. Жданова, Т. А. Библиотекарь — профессионал : какой он сегодня? / Т. А. Жданова, Е. С. Есипов, О. П. Федотова // Библиотековедение. — 1994. — № 4. — С. 93.
71. Исаева, Е. Н. О соционической библиопсихологии и соционической библиотерапии / Е. Н. Исаева // Библиотековедение. — 2000. — № 6. — С. 53–60.
72. История библиотек : исслед., материалы, док. — СПб., 1996. — Вып. 1. — 219 с.
73. История библиотечного дела в аспекте культурологии и историософии // Библиотековедение. — 1999. — № 7–12. — С. 132–144.
74. Карташов, Н. С. Взаимодействие науки и практики / Н. С. Карташов // Библиотека. — 1997. — № 4. — С. 24.
75. Карташов, Н. С. Л. Б. Хавкина и современные проблемы управления библиотечным делом / Н. С. Карташов // Библиотековедение. — 1996. — № 4/5. — С. 46–53.
76. Карташов, Н. С. Методы классификации библиотек дихотомия и типология / Н. С. Карташов. // Библиогр. — 2000. — № 1. — С. 62–71.
77. Карташов, Н. С. Общая теория библиотечного дела учеб. / Н. С. Карташов ; МГУК. — М., 1997. — 256 с.
78. Карташов, Н. С. Палитра читательских интересов / Н. С. Карташов // Библиотековедение. — 1993. — № 8. — С. 2–4.
79. Карташов, Н. С. Региональное библиотековедение : науч.-практ. пособие. — М. : Либеря, 2004. — 334 с.
80. Карташов, Н. С. Региональное библиотековедение — наука о территориальной организации библиотечного дела / Н. С. Карташов // Библиотековедение. — 1997. — № 3. — С. 18–28.
81. Карташов, Н. С. Сравнительное библиотековедение : учеб. / Н. С. Карташов. — М. : Профиздат, 2000. — 336 с.

82. Карташов, Н. С. Сравнительное библиотековедение — новое знание о библиотечном деле / Н. С. Карташов // Библиотековедение. — 1999. — № 4/5. — С. 3–15.
83. Клещук, С. Е. Библиотеки и возрождение России / С. Е. Клещук // Науч. и техн. 6-ки. — 1992. — № 9. — С. 49–57.
84. Климаков, Ю. В. Снова о ленинском наследии и библиотечном деле / Ю. В. Климаков // Библиотековедение. 1994. № 4 (6). С. 112–120.
85. Клюев, В. К. Библиотека в спектре микроэкономических проблем учеб.-метод. пособие / В. К. Клюев. — М., 1996. — 88 с.
86. Клюев, В. К. Библиотечная микроэкономика (методология, менеджмент, маркетинг, дидактика) / В. К. Клюев // Библиотековедение. — 2000. — № 1. — С. 28–35.
87. Книга: энцикл. — М. Большая Российская энцикл., 1998. — 800 с.
88. Колесникова, Е. М. Библиотека в системе региональной культуры автореф. дис. ... канд. филос. наук / Е. М. Колесникова. — Ростов н/Д, 2000. — 27 с.
89. Куликова, Л. В. Управление и экономика библиотек в переходный период / Л. В. Куликова, Н. В. Могилевер ; РНБ. — СПб., 1994. 151 с.
90. Лемке, М. К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия / М. К. Лемке. — СПб., 1904. — С. 186–188.
91. Леонов, В. П. Библиотековедение как наука / В. П. Леонов // Вест. РАН. — 2000. — Т. 70, № 1. — С. 45–49.
92. Леонов, В. П. Библиотечно-библиографические процессы в системе научных коммуникаций / В. П. Леонов. — СПб., 1995. — 140 с.
93. Лукашов, Н. С. Анализ взглядов отечественных библиотековедов первой половины XX века на статус библиотековедения автореф. дис. ... канд. пед. наук / Н. С. Лукашов ; МГУК. — М., 1996. — 16 с.
94. Лукашов, Н. С. Библиотечная наука — поиск путей обновления / Н. С. Лукашов // Совет. библиотековедение. — № 2. — С. 32–45.
95. Лукашов, Н. С. Советские специалисты о статусе библиотековедения (60-е — первая половина 70-х гг.) / Н. С. Лукашов // Библиотековедение. — 1993. — № 2. — С. 32–45.
96. Лукашов, Н. С. Уточним предмет дискуссии / Н. С. Лукашов // Библиотековедение. — 1994. — № 5 (6). — С. 136–139.
97. Манилова, Т. Л. Серьезная заявка / Т. Л. Манилова // Библиотековедение. — 1994. — № 2 (6). — С. 31.
98. Маркова, Т. Б. Библиотека как феномен культуры : автореф. дис. канд. филос. наук / Т. Б. Маркова ; СПбГУ. — СПб., 1999. — 16 с.

99. Матлина, С. Г. Заметки на полях «философских статей» в журнале «Библиотекосведение» / С. Г. Матлина // Библиотекосведение. 1996. — № 4/5. — С. 101–110.
100. Мейжис, И. А. Две стратегии в руководстве чтением / И. А. Мейжис // Науч. и техн. б-ки. — 1992. — № 7. — С. 29–38.
101. Мейжис, И. А. Социально-психологические основы библиотечного обслуживания : учеб. пособие / И. А. Мейжис. — Николаев, 1994. — 192 с.
102. О новой парадигме библиотекосведения : (из стенографического отчета Санкт-Петербургского научного центра РАН) // Библиотекосведение. — 1994. — № 4 (6). — С. 31–46.
103. Общенациональный конгресс по чтению «Чтение в современном мире : опыт прошлого, взгляд в будущее : Рубакинские чтения. — М., 1992. — С. 15.
104. Осипова, И. П. Новый вузовский курс / И. П. Осипова // Библиотекосведение. — 1998. — № 3. — С. 90–93.
105. Остапов, А. И. Библиотека в контексте коммуникативно-познавательных потребностей (когнитивный подход) : автореф. дис. ... д-ра пед. наук / А. И. Остапов МГУКИ. — М., 1998. — 33 с.
106. Остапов, А. И. Библиотечная когнитология моногр. / А. И. Остапов. — Краснодар, 1995. — 331 с.
107. Остапов, А. И. Введение в библиотечную когнитологию : учеб. пособие. А. И. Остапов. — Краснодар, 1994. — 142 с.
108. Остапов, А. И. К созданию высокоинтеллектуальной библиотеки / А. И. Остапов // Библиотекосведение. — 1995. — № 1. — С. 116–120.
109. От массовой к публичной библиотеке материалы семинара (10–11 нояб. 1992 г., Москва) / [редкол. М. Я. Дворкина и др.]. — М. : Моск. библ. ассоц., 1993. — 137 с.
110. Петрова, С. В. На пути к переменам / С. В. Петрова // Библиотекосведение. — 1993. — № 5/6. — С. 135–139.
111. Полянов, В. П. Место библиотекосведения среди родственных наук / В. П. Полянов // Библиотекосведение. — 1998. — № 1. — С. 74–80.
112. Порошин, С. А. Философия библиотеки к постановке вопроса / С. А. Порошин // Библиотекосведение. 1994. № 5 (6). С. 123–125.
113. Проблемы адаптации библиотек в современных условиях : сб. ст. / ред. Н. Р. Бочкарева ; РНБ. — СПб., 1989. — 144 с.
114. Проблемы методологии и методики библиотечной отрасли. — СПб., 1994. — 158 с.

115. Проблемы национальных библиотек и региональных библиотечных центров. — СПб., 1994. — 158 с.
116. Профессиональное сознание библиотекарей как предмет философских, культурологических и социологических исследований материалы «круглого стола» // Петерб. библ. шк. — 1993. — № 2. С. 4–28; № 3/4. — С. 16–38; 1999. — № 2. — С. 4–25.
117. Профессиональное сознание библиотекарей : необходимость перемен в переходный период : материалы семинара (3–4 июня 1993 г., Москва) / [редкол. : Л. М. Жаркова и др.]. — М. : Моск. библ. ассоц. и др., 1994. — 116 с.
118. Ракитов, А. И. Есть ли такая философия? / А. И. Ракитов // Библиотековедение. — 1996. — № 4/5. — С. 87.
119. Ратникова, Е. И. Как повысить востребованность библиотеки / Е. И. Ратникова // Библиотековедение. — 1995. — № 1. — С. 25–32.
120. Селиверстова, Е. П. О функциях библиотек / Е. П. Селиверстова // Библиотека. — 1992. — № 1. — С. 27–29.
121. Серов, В. В. Неожиданный поворот / В. В. Серов // Библиотека. — 1993. — № 5. — С. 55–56.
122. Симонов, Б. А. Дискуссионные заметки о типологии библиотек / Б. А. Симонов // Науч. и техн. б-ки. — 1995. — № 4. — С. 24–27.
123. Скворцов, В. В. Библиотековедение вчера, сегодня, завтра : (полемические заметки) / В. В. Скворцов // Библиотековедение. — 1996. — № 4/5. — С. 37–45.
124. Скворцов, В. В. Библиотековедение : сущность, методология, статус : автореф. дис. ... д-ра пед. наук / В. В. Скворцов ; МГУКИ. — М., 1997. — 39 с.
125. Скворцов, В. В. Истоки библиотечной мысли в России / В. В. Скворцов // Библиотековедение. — 1994. — № 3. — С. 113–118.
126. Скворцов, В. В. О методологии современного библиотековедения / В. В. Скворцов // Библиотековедение. — 1994. — № 1 (6). — С. 39–42.
127. Скворцов, В. В. Социальные функции современной библиотеки / В. В. Скворцов // Карташов Н. С. Общее библиотековедение / Н. С. Карташов, В. В. Скворцов. — М., 1997. — Ч. 2. — С. 3–14.
128. Скворцов, В. В. Становление и развитие библиотековедения как науки / В. В. Скворцов // Библиотековедение. — 1996. — № 2. — С. 29–42.
129. Скворцов, В. В. Тем, кто изучает и преподаёт историю отечественного библиотековедения / В. В. Скворцов // Библиотековедение. — 1996. — № 4/5. — С. 145–148.

130. Скворцов, В. В. Теоретические основы библиотековедения : учеб. / В. В. Скворцов. — М., 1996. — 88 с.
131. Скворцов, В. В. Ценное издание 1995 года / В. В. Скворцов // Науч. и техн. б-ки. — 1996. — № 4. — С. 72–77.
132. Смеловский, А. Не отказываться от прошлого / А. Смеловский // Библиотека. — 1994. — № 2. — С. 12–14.
133. Современное библиотечно-информационное образование учеб. тетради / СПбГУКИ. — СПб., 2000. — Вып. 5. — С. 176–186.
134. Соколов, А. В. В ожидании перестройки / А. В. Соколов // Науч. и техн. б-ки СССР. — 1989. — № 10. — С. 3–10.
135. Соколов, А. В. Ретроспектива-60 / А. В. Соколов. — СПб.: Независимая гуманитарная академия, 1994. — 466 с.
136. Соколов, А. В. Философия и библиотековедение приглашение к размышлению / А. В. Соколов // Науч. и техн. б-ки. — 1996. — № 6. — С. 9–15.
137. Солоненко, Л. В. Общедоступные специализированные библиотеки: попытка классификации / Л. В. Солоненко // Науч. и техн. б-ки. — 1995. — № 4. — С. 27–34.
138. Справочник библиотекаря / науч. ред. А. Н. Ванеев, В. А. Минкина. — СПб.: Профессия, 2000. — 432 с.
139. Стандарты по библиотечно-информационной деятельности / сост. О. М. Зусьман, Т. В. Захарчук. — СПб.: Профессия, 2003. — 576 с.
140. Стельмах, В. Д. Чьи ценности библиотека транслирует? / В. Д. Стельмах // Петерб. библиотеч. шк. — 1997. — № 1. — С. 34–43.
141. Стельмах, В. Д. Что думают россияне о библиотеке? / В. Д. Стельмах // Науч. и техн. б-ки. — 1993. — № 9. — С. 32–44.
142. Столяров, Ю. Н. Библиотека — предмет библиотековедения / Ю. Н. Столяров // Совет. библиотековедение. — 1976. — № 8. С. 42–44.
143. Столяров, Ю. Н. Библиотековедение как академическая наука / Ю. Н. Столяров // Библиотековедение. — 1994. — № 6. — С. 74.
144. Столяров, Ю. Н. Беспринципность как основной принцип современной библиотечной политики / Ю. Н. Столяров // Науч. и техн. б-ки. — 1993. — № 7. — С. 3–16.
145. Столяров, Ю. Н. В ранге академической науки / Ю. Н. Столяров // Библиотека. — 1994. — № 7. — С. 38–42.
146. Столяров, Ю. Н. Моя позиция в центре / Ю. Н. Столяров // Науч. и техн. б-ки. — 1994. — № 6. — С. 7–22.
147. Столяров, Ю. Н. О сущности библиотеки / Ю. Н. Столяров // Библиотековедение. — 1994. — № 5. — С. 3–10.

148. Столяров, Ю. Н. Опыт классифицирования библиотек по логическим и системным основаниям / Ю. Н. Столяров // Книга : исслед. и материалы. — М., 1996. — Вып. 73. — С. 63–89.
149. Столяров, Ю. Н. Полуправда хуже лжи / Ю. Н. Столяров // Библиотекосведение. — 1993. — № 2. — С. 46–52.
150. Столяров, Ю. Н. Структурирование библиотекосведения как научной дисциплины и предмета преподавания / Ю. Н. Столяров // Книга исследования и материалы. М., 1994. Сб. 86. С. 135–159.
151. Столяров, Ю. Н. Энциклопедическое определение библиотекосведения / Ю. Н. Столяров // Библиотекосведение. — 1998. — № 1. С. 54–64.
152. Сукиасян, Э. Р. Дискуссионный клуб «Термин» / Э. Р. Сукиасян // Науч. и техн. б-ки. — 2000. — № 6. — С. 113–119.
153. Сулова, И. М. Научный статус менеджмента / И. М. Сулова // Библиотека. — 1999. — № 11. — С. 34–37.
154. Сулова, И. М. основы библиотечного менеджмента / И. М. Сулова. — М.: Либерея, 2000. — 232 с.
155. Теоретико-методологические проблемы библиотечно-библиографической науки и практики межвуз. сб. науч. тр. / МГУКИ. — М., 1992. — 179 с.
156. Терешин, В. И. Библиотека — педагогическая система / В. И. Терешин // Библиотекосведение. — 1998. — № 5. — С. 49–54.
157. Терешин, В. И. Библиотечная педагогика / В. И. Терешин // Совет библиотекосведения. — 1992. — № 2. — С. 45–59.
158. Терешин, В. И. Еще раз о руководстве чтением / В. И. Терешин // Науч. и техн. б-ки. — 1992. — № 7. — С. 22–29.
159. Терешин, В. И. И массовая, и публичная / В. И. Терешин // Библиотека. — 1995. — № 7. — С. 8–14.
160. Терешин, В. И. Ориентир — документ: единство общего и специального без концепции нет учебника / В. И. Терешин // Библиотека. — 1996. — № 1. — С. 38–40.
161. Терешин, В. И. Руководство чтением? Нет, библиотечная педагогика сотрудничества / В. И. Терешин // Науч. и техн. б-ки. — 1993. — № 7. — С. 43–54.
162. Терминологический словарь по библиотечному делу и смежным отраслям знания / сост. З. Г. Высоцкая; БЕН РАН. — М., 1995. — 268 с.
163. Троепольский Г. Н. Вечное и суетное попытка диагноза / Г. Н. Троепольский // Лит. газ. — 1990. — 11 июля.

164. Тюлина, Н. И. Библиотечное дело второй половины XX века (общезиоровые тенденции сквозь призму понятийного аппарата) / Н. И. Тюлина // Библиотековедение. — 2000. — № 2. — С. 18–25.
165. Тюлина, Н. И. Дома и на чужбине : записки библиотекаря со счастливой судьбой / Н. И. Тюлина. — М. : Либерия, 1999. — 136 с.
166. Тюлина, Н. И. Информационная функция библиотеки / Н. И. Тюлина // Библиотековедение. — 1997. — № 1. — С. 3–11.
167. Тюлина, Н. И. Теоретические аспекты библиотечного обслуживания / Н. И. Тюлина // Библиотековедение. — 1994. — № 6. С. 3–18.
168. Универсальная научная библиотека в эпоху перемен // // Библиотековедение. — 1998. — № 2. — С. 11–38.
169. Фенелонов, Е. А. И функция, и механизм / Е. А. Фенелонов // Библиотека. — 1996. — № 8. — С. 36–37.
170. Фенелонов, Е. А. Эволюция взглядов / Е. А. Фенелонов // Библиотека. — 1992. — № 3/4. — С. 10–13.
171. Философские аспекты подготовки исследователей и практиков библиотечного дела (материалы «круглого стола») // Петерб. библ. шк. — 2000. — № 1/2. — С. 9–37.
172. Фирсов, В. Р. Библиотека и целеполагание // Петербургская библиотечная шк. — 1997. — № 1. — С. 5–9.
173. Фокеев, В. А. Аргументы не по существу / В. А. Фокеев // Библиотековедение. — 1993. — № 4. — С. 3.
174. Фонов, Г. П. Идеологическое ли учреждение библиотека? / Г. П. Фонов // Библиотековедение. — 1997. — № 1. — С. 12–20.
175. Фонов, Г. П. С кем и зачем воссоединяться библиотекам? / Г. П. Фонов // Библиотековедение. — 1994. — № 1 (6). — С. 30–39.
176. Фонов, Г. П. Уроки на будущее / Г. П. Фонов // Библиотека. — 1992. — № 2. — С. 18–21.
177. Шапошникова, А. Е. Библиотечное обслуживание инвалидов : история, современность, тенденции / А. Е. Шапошникова. — М., 1992. — 210 с.

Именной указатель

- Абрамов К. И. 11, 23, 69, 71, 95, 210
Айзенберг А. Я. 32, 82, 100
Акилина М. И. 149, 164, 166, 169,
181, 182, 187, 189, 192, 193
Алтухова Г. А. 173, 178, 180
Амлинский Л. Э. 55, 85
Андреева И. М. 115
Аникина А. И. 184
Афанасьев М. Д. 106
Ашкинази С. Г. 122
- Балацкая Н. М. 125
Балкова И. В. 183
Банк Б. В. 49
Баренбаум И. Е. 19, 28
Басов С. А. 75
Бачалдин Б. Н. 45, 112, 165, 211
Бельбратова Т. В. 200, 202
Бердяев Н. А. 209, 210
Беспалова Э. К. 16, 29, 30
Бобылева Н. В. 76, 123, 132–134,
136, 138, 143, 146, 147, 164, 195,
206, 207
Бубекина Н. В. 194
- Ванеев А. Н. 9, 18, 19, 21, 25, 29–31, 41,
47, 48, 64, 69, 77, 100, 101, 124, 126,
127, 146, 147, 156, 164, 168, 169, 170,
180, 187, 194, 200, 208–210
- Виноградов Л. К. 89
Володин Б. Ф. 124, 146, 184, 205
Воробьева К. И. 155
Вохрышева М. Г. 66
Вяльяотс М. К. 54, 55
- Галинкин Л. И. 48
Галлиулина Г. С. 130
Ганицкая И. И. 48, 118
Грачев В. И. 105, 156
Гречихин А. А. 201
- Григорьев Ю. В. 126
Гриханов Ю. А. 103, 175, 184–185
Гришин А. В. 202
Гурадаскис Р. Ю. 32
Гудков Л. Д. 96
Гусев С. С. 164
Гусева Л. Н. 77, 139, 150, 164, 168,
186, 208
- Данильянц Л. А. 118, 205
Данченко Т. Н. 77
Дауранов Р. Б. 24
Дворкина М. Я. 89, 103, 143,
163–165, 168, 175, 178, 179,
185–187, 189, 190, 199
Джерелиевская М. М. 93, 95, 109
Диянская Г. П. 158, 199
Добрынина Н. Е. 62, 98, 184, 186, 187
Дрешер Ю. Н. 157
Дубин Б. В. 96
Дьячков М. Р. 183
- Жадько Н. В. 181? 182, 187, 190, 192,
194
Жукова Л. Г. 45, 62
- Зубов Ю. С. 60, 61
- Игумнова Н. П. 29
Иконникова С. Н. 150
Ильин И. А. 210
- Кабачек О. Л. 146, 184
Каневский Б. П. 42
Каптерев А. И. 168
Каратыгина Т. Ф. 12, 15, 54, 183, 185
Карпова Н. И. 23
Карсавин Л. П. 210
Карташов Н. С. 12, 15, 50–53, 57, 59,
65, 67, 71, 95, 110, 114, 119, 129,
137, 140, 144, 145, 153, 160, 178,
179, 181, 195, 198–202

- Ким Т. Х. 169
 Кирпичева И. К. 66
 Клещук С. Е. 182
 Климаков Ю. В. 175, 177, 211, 219
 Клюев В. К. 85, 158, 197
 Колесникова Е. М. 151
 Коновалова М. А. 76, 110
 Коршунов О. П. 23, 30, 34, 120
 Крейденко В. С. 63, 66, 123, 161
 Крупская Н. К. 87, 89, 90, 95, 126, 127
 Кузьмин Г. К. 9, 11, 12, 31
 Куликова А. П. 61
 Куликова Л. А. 105
 Куштанова Л. И. 167

 Ленин В. И. 86–90, 92, 111, 112, 127, 210–212
 Леонов В. П. 132, 134, 135, 139, 146, 151, 153, 161, 188, 192, 213
 Лукашов И. В. 73–75, 121, 127, 145, 146, 149, 160, 162, 183, 207

 Малевич Е. Н. 97
 Маркова Т. Б. 150, 181, 189, 197
 Матлина С. Г. 49, 98, 99, 164, 166, 173, 183, 190
 Межуев В. М. 146, 164, 184
 Мейжис И. А. 155, 178, 180
 Мелентьева Ю. П. 92, 93
 Мильман В. А. 106, 127, 128
 Михнова И. Б. 92, 95
 Могилевер Н. В. 165
 Моргенштерн И. Г. 84, 122
 Морозов А. Н. 25, 26
 Мотульский Р. С. 116, 119
 Мотылев В. М. 68, 125

 Немировский Е. Л. 28

 Оленева Э. П. 23
 Осипова И. П. 9, 56–59, 108, 124, 178, 183
 Остапов А. И. 76, 110, 138, 195, 197, 198, 203, 204

 Пашин А. И. 187, 190
 Петрова С. В. 56, 63
 Петрусенко Т. В. 60
 Полянов В. П. 131, 152
 Помадина Н. В. 24
 Порошин С. А. 164, 169
 Пузиков Г. К. 20, 21, 65

 Ракитов А. И. 164, 168
 Ратникова Е. И. 12, 13, 175, 185, 194
 Рубакин Н. А. 163, 189
 Рудич Л. И. 105

 Савич Л. Е. 154
 Селиверстова Е. Т. 117, 187, 190, 191
 Серов В. В. 34, 50, 51, 59, 112, 211
 Сидоренко В. С. 30
 Симонов Б. А. 203
 Скворцов В. В. 72, 73, 76, 79, 80, 100, 104, 108, 131–133, 136–138, 140, 146–152, 154–156, 161, 164, 168, 170, 181, 186–188, 193, 195–198, 206
 Сляднева Н. А. 84, 115
 Смирнова Б. А. 62
 Смолина Е. В. 77, 102, 139, 150, 161, 168, 186
 Соколов А. В. 14, 15, 17, 18, 23, 25, 29, 37, 39–41, 75, 77–81, 89, 92, 93, 104, 105, 107, 112, 153, 157, 163, 164
 Солоненко Л. В. 175, 176, 204
 Стахевич А. М. 102, 109, 122
 Стельмах В. Д. 31, 82, 95, 103, 155, 184
 Столяров Ю. Н. 12, 13, 16, 23, 36–39, 47, 48, 65, 77, 87–89, 91, 92, 106, 108, 111–113, 115, 126, 132, 134, 136–129, 141, 142, 146, 149, 164, 177, 181, 182, 187, 193, 196, 199, 200, 202, 204, 209, 210, 212, 213
 Сукиасян Э. Р. 172
 Сусллова И. М. 122, 159, 196

- Тараканов К. В. 25
Тейерман В. А. 29
Терешин В. И. 24, 44, 47–49, 61, 62, 78, 82–84, 96–99, 105, 106, 115, 121, 142, 149, 156, 178, 179, 197, 198, 204
Тихомирова И. И. 60
Трапезникова Л. В. 115
Троепольский Г. Н. 131
Троицкая Е. Е. 62
Трубников С. А. 61
Тугов Ю. М. 48–61
Тюлина Н. И. 73, 90, 103, 108, 110, 113, 114, 117, 118, 124, 137, 164, 172, 175, 182, 187, 193, 199, 201
Уварова С. С. 209
Улапова А. М. 202
Уланова Л. Н. 122
Фенелонов Е. А. 113, 120, 166
Фирсов В. Р. 10, 12, 14–16, 18, 19, 27, 30, 37–40, 43, 44, 47, 72, 104, 173
Фирсов Г. Г. 23
Фокеев В. А. 88, 175
Фонотов Г. П. 175, 176
Фрумин И. М. 8, 12, 16, 35, 41, 54, 55, 85
Харламов В. И. 88, 92, 129
Хропач А. Н. 8, 11, 23, 24, 47, 76, 79, 84, 109, 116, 121, 126
Цветкова И. Б. 125
Чачко А. С. 84, 157
Черняк А. Я. 15, 16, 41, 55, 56, 81, 84, 97, 98, 105, 118
Чубарьян О. С. 9, 18, 49, 50
Чудинова В. П. 174
Чукаев А. М. 85
Чурбанов Б. В. 176, 197
Шадрина Ж. С. 33
Шапошников А. Е. 158, 164
Шехурин Д. Е. 21, 23, 47
Шилков Ю. М. 164
Ястребова Е. М. 183
Яцкунас Ж. С. 106

Предметный указатель

Библиографоведение, взаимосвязи с библиотечковедением 29, 30, 34, 84, 153

Библиотека

– массовая 55, 56, 59, 115, 119–121, 204

– миссия

см. Миссия библиотеки

– национальная 58, 117, 118, 205

– областная 118, 119

– публичная 119, 202–204

– социальная роль 36, 37, 106, 107, 185–187

– специализированная массовая 120, 121, 204

– специальная 55–57

– сущность 12, 13, 102–104, 181, 182, 196

– универсальная 56, 57

– функции

– документно-коммуникационная 193, 194

– идеологическая 8, 42, 44, 45, 50, 70, 71, 90–96, 175, 176, 178

– информационная 105, 108, 109, 191–193

– мемориальная 191, 192

– прикладные (производные) 37, 40–42, 167, 168, 188, 189, 191

– социальные 36, 37, 39, 41, 106, 108, 187–191

– сущностные 37–40, 107, 108, 190, 191

Библиотечковедение

– буржуазное 71–75, 135, 136

– взаимосвязи с другими науками 26, 27, 29–31, 35, 36, 152, 158

– дефектологическое 158, 199

– история 68, 69, 126, 129, 205–212

– концепции

см. Концепции библиотечковедения (библиотечного дела)

– место в системе наук

см. Библиотечковедение, статус

– методология 64–66, 123, 124, 126, 127, 160–163

– методы исследования 19, 63–68, 124–126

– мировое 73, 136

– общее 20–23, 26, 78, 79, 139, 140

– объект 10–20, 75–78, 136–139

– патентное 25, 26

– предмет 10–19, 75–78, 136–139

– принципы

– общедоступность 85, 113, 198, 199

– отграничения 14, 15, 17, 18, 77, 78

– партийности 90–94, 176, 177

– приоритета читательских интересов 199, 200

– региональное 52, 53

– социалистическое 72–75, 135, 136

– специальное 21, 23–25, 79

– сравнительное 124, 144, 145

– статус 73, 74, 145–149, 213

– структура 20–26, 78, 79, 141–143

– сущность 8–10, 16, 17, 70–72, 132–135

– терминология 63, 121–123, 170–172

– частное 20–23, 26, 78, 139–141

Библиотерапия 157, 158

- Библиотечно-библиографическая наука 30, 35, 84
- Библиотечное дело
- история 69, 128, 129, 205, 210
  - стандартизация 64, 122
  - сущность 109, 110, 195
  - типология 54–57, 114–117, 200–204
  - централизация 51, 111, 112
  - экономика 33, 85, 86, 158, 159
- Единая библиотечная сеть (система) 50–53, 110, 111, 200
- Здания библиотечные 84, 85
- Идеология библиотечная 172–174, 176, 177
- Информатика, взаимосвязи с библиотечным делом 25, 29, 153, 154
- История библиотечного дела
- см. Библиотечное дело, история
- Книговедение, взаимосвязи с библиотечным делом 27, 28, 81, 150
- Коммуникации
- документные 30, 77, 80
  - информационные 30, 39–41
  - социальные 29, 80, 105, 108, 152
- Концепции библиотечного дела (библиотечного дела)
- документная 105, 106, 148, 149, 151, 152, 196
  - информационная 105, 147, 148, 151, 196, 197
  - знаниевая 147, 196–198
  - ленинская 87–90, 210–212
  - просветительная 166, 167, 194, 214
- Культурология, взаимосвязи с библиотечным делом 29, 30, 43, 81, 150, 151
- Маркетинг библиотечный 159, 160
- Менеджмент библиотечный 159, 160
- Миссия библиотеки 103, 182–186, 190
- Педагогика библиотечная 32, 35, 82, 83, 156, 157
- Политика библиотечная 177
- Право библиотечное 34
- Профессиография
- см. Профессиология библиотечная
- Профессиология библиотечная 33, 83, 84, 157
- Психология библиотечная 32, 33, 35, 36, 155, 156
- Социология
- библиотечная 35, 154, 155
  - чтения 31, 32, 82
- Социопсихология библиотечного дела 155, 156
- Стандартизация библиотечного дела
- см. Библиотечное дело, стандартизация
- Типология библиотечного дела
- см. Библиотечное дело, типология
- Тифлобиблиотечное дело
- см. Библиотечное дело, тифлобиблиотечное
- Учение о библиотеке
- см. Библиотека, статус
- Учение о библиотечном деле
- см. Библиотечное дело, статус
- Философия библиотечная 163–170
- ЦБС
- см. Централизованная библиотечная система
- Централизованная библиотечная система 59, 112
- Читатели, типология 59–62
- Чтение
- руководство 15, 43–49, 94–101, 177–181
  - социология
  - см. Социология, чтения
  - теория 49, 50
  - управление 43, 48, 49, 101, 102
- Экономика библиотечного дела
- см. Библиотечное дело, экономика

Ванев Анатолий Николаевич

БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ В РОССИИ КОНЦА XX ВЕКА
Общетеоретические концепции и дискуссии

Ответственный редактор *Т. В. Захарчук*

Верстка *С. Рогошев*

Дизайн обложки *Р. Бабкина*

Корректор *Г. В. Михеева*

Издательство «Профессия», Санкт-Петербург, 191002, а/я 600.
Тел./факс: (812) 740-12-60, URL: www.professija.ru

Лицензия ИД № 00469 от 25.11.99 г.

Издание осуществлено при участии
ООО «Нептун»

ISBN 978-5-93913-135-3

Подписано в печать 26.02.2007. Формат 60 × 88¹/₁₆. Печать офсетная.
Печ. л. 15,5. Тираж 2000 экз. Заказ № 935

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «Техническая книга».
190005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29